РУССКАЯ БЕСѢДА

МАРТЪ

ГОДЪ ПЕРВЫЙ

1895

Библиотека Ленингр. Гос. Пед. Ин-та им. А. И. ГЕРЦЕНА
3281
Пров. 50

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Печатня Е. Евдокимова, Троицкая улица, д. 18

СОДЕРЖАНІЕ.

Стр.

I. Народное хозяйство съ точки зрѣнія нравственности и права. *Ф. Одарченка* 1

II. Свобода, любовь и вѣра. (Продолженіе) *Н. Аксакова* . . . 29

III. *О значеніи характера въ жизни народовъ.* (Продолженіе). 5) Войны между народами, какъ послѣдствіе разницы въ ихъ характерахъ. 6) Экономическая борьба народностей, какъ послѣдствіе разницы въ ихъ нуждахъ. 7) Разложеніе характера народностей и упадокъ послѣднихъ. *К. Толстого* 51

IV. Георгій Конисскій, Архіепископъ Бѣлорусскій. *Ѳ. Четыркина.* 67

V. Черные дни. (Изъ разсказа фельдшерицы). *Н. С—ъ.* 75

Политическое Обозрѣніе:

VI. Замѣтка къ предстоящему торжеству открытія нордъ-остъзейскаго канала. *Черноморца.* 104

Зарубежное Славянство:

VII. Положеніе дѣлъ въ Болгаріи. *Геристова* 106

VIII. Селяне женили монаха. Разсказъ. *Вука Врчевича.* (Переводъ съ сербскаго). *В. Глумовой.* 117

IX. **Вопросы внутренней жизни Россіи:**

Пересмотръ судебныхъ уставовъ. *Влад. Птицына* . . . 124

Новыя льготы для владѣльцевъ процентныхъ бумагъ. . . 133

(См. на 3-ей страницѣ обложки).

РУССКАЯ БЕСѢДА

Мартовскій выпускъ «Благовѣста» будетъ разосланъ подписчикамъ при апрѣльской книжкѣ «Русской Бесѣды».

1895

Библиотека Ленингр. Гос. Нед. Ин та
3281
им. А. И. ГЕРЦЕНА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Печатня Е. Евдокимова, Троицкая улица, д. 18.

СОДЕРЖАНІЕ.

Стр.

I. Народное
Ф. Одар
II. Свобода,
III. *О значе*
5) Войн
ихъ хар
послѣдст
народно
IV. Георгій Конисскій, Архіепископъ
V. Черные дни. (Изъ разсказа фельдшерицы). *Н. С—ъ* . . . .

Политическое Обозрѣніе:

VI. Замѣтка къ предстоящему торжеству открытія нордъ-остъзейскаго канала. *Черноморца*. 104

Зарубежное Славянство:

VII. Положеніе дѣлъ въ Болгаріи. *Геристова* 106
VIII. Селяне женили монаха. Разсказъ. *Вука Врчевича*. (Переводъ съ сербскаго). *В. Глумовой*. 117

IX. **Вопросы внутренней жизни Россіи:**

Пересмотръ судебныхъ уставовъ. *Влад. Птицына* . . . 124
Новыя льготы для владѣльцевъ процентныхъ бумагъ. . . 133

(См. на 3-ей страницѣ обложки).

РУССКАЯ БЕСѢДА

МАРТЪ

ГОДЪ ПЕРВЫЙ

1895

Библиотека Ленингр. Гос. Пед. Ин та
3281
им. А. И. ГЕРЦЕНА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Печатня Е. Евдокимова, Троицкая улица, д. 18.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 23 марта 1895 г.

СОДЕРЖАНІЕ.

Стр.

I. Народное хозяйство съ точки зрѣнія нравственности и права. *Ф. Одарченка* 1

II. Свобода, любовь и вѣра. (Продолженіе) *Н. Аксакова* . . . 29

III. *О значеніи характера въ жизни народовъ*. (Продолженіе). 5) Войны между народами, какъ послѣдствіе разницы въ ихъ характерахъ. 6) Экономическая борьба народностей, какъ послѣдствіе разницы въ ихъ нуждахъ. 7) Разложеніе характера народностей и упадокъ послѣднихъ. *К. Толстого* 51

IV. Георгій Конисскій, Архіепископъ Бѣлорусскій. *Ѳ. Четыркина.* 67

V. Черные дни. (Изъ разсказа фельдшерицы). *Н. С—ъ*. . . . 75

Политическое Обозрѣніе:

VI. Замѣтка къ предстоящему торжеству открытія нордъ-остъзейскаго канала. *Черноморца*. 104

Зарубежное Славянство:

VII. Положеніе дѣлъ въ Болгаріи. *Геристова* 106

VIII. Селяне женили монаха. Разсказъ. *Вука Врчевича*. (Переводъ съ сербскаго). *В. Глумовой*. 117

IX. **Вопросы внутренней жизни Россіи:**

Пересмотръ судебныхъ уставовъ. *Влад. Птицына* . . . 124

Новыя льготы для владѣльцевъ процентныхъ бумагъ. . . 133

Стр.

Сельско-хозяйственное дѣло въ Россіи 135

О закупкѣ лошадей для государственныхъ конскихъ учрежденій 138

О производствѣ наблюденій надъ нѣкоторыми явленіями растительнаго и животнаго міра въ связи съ нѣкоторыми метеорологическими данными 140

X. По садамъ и огородамъ. (Продолженіе). 4) Жюль Кутанъ и его огороды. 5) Корочанское крестьянское садоводство. 6) У М. А. Перротте въ Дмитріевскомъ. *С. Шарапова* . . . 141

XI. Культъ великаго въ исторіи. (Великопостныя размышленія на масляничную тему). *Рцы*. 151

XII. Божье дитятко. Стихотвореніе. *Е. Нечаева* 166

XIII. Книги и повременныя изданія. (Дѣтское Чтеніе. Москва. Январь—Мартъ 1895 г.) 169

XIV. Книги, поступившія въ редакцію 170

XV. Объявленія. 171

Народное хозяйство съ точки зрѣнія нравственности и права.

Опытъ первый.

I.

Очень часто можно слышать изреченіе: „наше время—время черствaго себялюбія, бездушнаго матеріализма“. Къ подобнаго рода нападкамъ на современное нравственное состояніе общества надо относиться осторожно: люди вообще имѣютъ склонность видѣть въ прошломъ болѣе свѣтлыхъ сторонъ, чѣмъ оно на самомъ дѣлѣ имѣло ихъ, въ сравненіи съ настоящимъ; жалѣть о прошедшемъ, быть недовольнымъ настоящимъ и надѣяться на лучшее будущее составляетъ обычный удѣлъ человѣческаго мышленія. Тѣмъ не менѣе надо добросовѣстно признать, что въ подобнаго рода изрѣченіяхъ въ примѣнимости ихъ къ настоящему времени, *къ концу вѣка*, есть много правды: долговременное-ли господство надъ умами людей 19 вѣка матеріалистической философіи, безмѣрный-ли прогрессъ техническихъ усовершенствованій и ростъ богатствъ немногихъ съ одной стороны, а съ другой подавляющая нужда большинства, приковывающая мысли къ заботамъ о насущномъ кускѣ хлѣба, или какія-либо другія историческія причины — вызвали тѣ явленія, что начала правды и добра, посѣянныя Словомъ Истины въ сердцахъ людей, „заглохли въ терніи заботъ вѣка сего и обольщеніи богатствомъ“, и не даютъ плода. Но еще болѣе печально и удивительно, что стремленія грубаго матеріализма, отрицаніе значенія нравственныхъ началъ проникли въ самую науку, изслѣдующую явленія народнаго хозяйства, въ такъ называемую науку политической экономіи и въ литературу, популяризующую ея положенія. Открыто проповѣдуется въ этой области знанія такъ называемая теорія „экономическаго матеріализма“. Мы привыкли до сихъ поръ думать и исповѣ-

дывать, что нравственныя начала всегда выше дѣйствительности и почерпаются не изъ мутнаго источника корыстолюбивыхъ стремленій, но, какъ плодъ сокровенной работы разума и сердца человѣческаго, постепенно видоизмѣняютъ, улучшаютъ и ведутъ къ совершенствованію наши помыслы, желанія и дѣйствія. Этотъ законъ человѣческаго развитія подъ вліяніемъ животворящаго свѣта одинаково примѣнимъ и къ отдѣльной личности и къ цѣлымъ обществамъ, выражаясь по отношенію къ послѣднимъ въ постепенномъ смягченіи нравовъ, въ болѣе справедливыхъ и теплыхъ отношеніяхъ людей другъ къ другу въ частной и общественной жизни, въ улучшеніи правовыхъ и политическихъ учрежденій. Наоборотъ! говорятъ нынѣ представители экономическаго матеріализма: „жизнь, бытіе предшествуютъ сознанію и всецѣло подчиняютъ его; поддержаніе жизни составляетъ самое главное и общее содержаніе всякой, въ томъ числѣ и человѣческой жизни; идеальныя представленія—цѣли и такъ называемые идеалы — возникаютъ въ головѣ личности и всегда заимствуютъ свое содержаніе прямо или косвенно изъ дѣйствительно существующаго“. Вся нравственность, по понятію сторонниковъ теоріи экономическаго матеріализма, сводится въ своемъ содержаніи „къ типически-соціальному поведенію“, т. е. другими словами къ правиламъ, руководящимъ въ данное время существующими отношеніями людей. Исходя изъ этого, экономическій матеріализмъ устанавливаетъ зависимость между элементами и формами экономической жизни и всѣми прочими сторонами частной, общественной и даже политической жизни людей; „данная экономическая структура общества образуетъ то реальное основаніе, изъ котораго въ конечномъ счетѣ слѣдуетъ выводить всѣ тѣ надстройки, которыми являются правовыя и политическія учрежденія, равно какъ религіозныя и философскія и всѣ прочія воззрѣнія каждаго историческаго періода“. Но такъ какъ вся экономическая жизнь является плодомъ тѣхъ или иныхъ формъ производства и обмѣна матеріальныхъ цѣнностей, то, согласно матеріалистическому пониманію исторіи, причины всѣхъ общественныхъ измѣненій слѣдуетъ искать не въ головахъ людей, ни въ увеличивающемся пониманіи вѣчной истины и справедливости, а въ измѣненіи ихъ способовъ производства и обмѣна, не въ философіи, а въ экономіи данной эпохи. Экономическая-же жизнь переживаетъ ступени развитія: первая ступень, это — періодъ натуральнаго хозяйства, отличающаяся отсутствіемъ или слабымъ развитіемъ обмѣна, раздѣленія труда, путевыхъ средствъ сообщенія; почти всюду, по мнѣнію экономическихъ матеріалистовъ, натуральное хозяйство въ исторіи сопровождается личною зависимостью, рабствомъ или крѣпостнымъ правомъ, и эта зависимость носитъ характеръ исторической необхо-

димости. Вторая ступень, это — денежнохозяйственная система, отличающаяся широкимъ развитіемъ торговли, раздѣленія труда, накопленіемъ капиталовъ, скопленіемъ рабочихъ въ крупныя хозяйственныя единицы для предпріятій, техническими усовершенствованіями, машинами и т. п.; новый экономическій строй требуетъ новыхъ юридическихъ нормъ; на мѣсто связанной личности и собственности, онъ ставитъ свободную собственность и свободную личность и выражается въ правовой жизни въ учрежденіяхъ частной собственности и свободы договоровъ. Третью ступень представитъ будущая хозяйственная эпоха, эпоха коллективнаго хозяйства, общія черты которой въ экономическомъ и правовомъ отношеніяхъ рисуются такъ смутно, такъ противорѣчиво разными реформаторами, что по поводу этихъ картинъ будущаго невольно вспоминается: quot capita, tot sententiae!

Плодоносная нива нашей русской литературы все болѣе и болѣе заносится сѣменами сорныхъ травъ подъ дуновеніемъ то восточныхъ азіатскихъ, то западныхъ европейскихъ вѣтровъ. Много добраго перешло къ намъ съ запада, но не мало попало и плевелъ; и одинъ изъ таковыхъ, это—теорія экономическаго матеріализма, получившая такую широковѣщательную пропаганду въ сочиненіи, вышедшемъ въ прошломъ году, П. Струве: „Критическія замѣтки къ вопросу объ экономическомъ развитіи Россіи“. Но какъ всякое растеніе, выростающее на чуждой и неподходящей почвѣ, получаетъ искаженный видъ и нѣсколько уродливую форму, то получилось нѣчто уродливое и въ положеніяхъ г. Струве. Заимствуя свои положенія у крайнихъ соціалистическихъ писателей запада: Маркса, Энгельса, Лоріа и др., Струве начинаетъ, продолжаетъ и оканчиваетъ свое сочиненіе восхваленіемъ западноевропейскаго капиталистическаго строя и проповѣдью его насажденія и развитія въ Россіи: „признаемъ нашу некультурность и пойдемъ на выучку къ капитализму“ — слова, которыми заканчивается названная книжка, — по своей откровенной смѣлости, по своей неприкрытой наготѣ мысли—рѣдкое явленіе въ нашей литературѣ.

Цѣль настоящихъ предпринятыхъ нами опытовъ по вопросамъ народнаго хозяйства не есть полемика съ г. Струве, ни даже съ теоріей экономическаго матеріализма. Насколько состоятельна или несостоятельна эта теорія, читатель самъ порѣшитъ, сопоставивъ разныя точки зрѣнія, изъ которыхъ исходимъ мы и экономическіе матеріалисты. Но, подходя къ своей точкѣ зрѣнія, остановимъ вниманіе на такомъ крупномъ историческомъ явленіи, какъ освобожденіе крестьянъ въ Россіи. Крѣпостная Россія изобиловала орудіями обмѣна, т. е. денежными знаками — металлическими и кредитными, вела торговлю, имѣла заводы и фабрики,

даже желѣзную дорогу. Тѣмъ не менѣе долго могло-бы существовать еще крѣпостное право и въ сельско-хозяйственномъ и въ фабричнозаводскомъ быту, какъ оно и существовало, если-бы не сокрушили его дружныя усилія Государя, его благородныхъ сподвижниковъ — Ростовцева, Милютина и др., въ союзѣ съ общественными дѣятелями и писателями, подготовившими умы къ воспріятію этого великаго дѣла и проводившими его въ жизнь. И что-же: Развѣ представители славянофильской школы — А. С. Хомяковъ, И. С. Аксаковъ, Ю. Ѳ. Самаринъ исходили изъ матеріальныхъ расчетовъ, изъ идеаловъ дѣйствительности, создаваемыхъ торговопромышленными стремленіями капиталистовъ, когда они воскрешали потемненное сознаніе объ истинно-христіанской жизни, говоря, что христіанинъ не можетъ быть рабовладѣльцемъ? Развѣ проповѣдь, исходящая отъ людей другого стана—Бѣлинскаго, Добролюбова—имѣла что-либо общее съ товарнымъ производствомъ денежнохозяйственной эпохи? Стыдно даже ставить вопросъ! Безъ нравственной высоты, безъ усилій этихъ людей, направленныхъ въ защиту слабаго передъ сильнымъ, не погибло-бы крѣпостное право. Вотъ ясный примѣръ, на сколько измѣненіе нравственныхъ понятій и вытекающихъ изъ нихъ правовыхъ положеній видоизмѣняютъ экономическій строй. Россія получаетъ новый обликъ, и вся экономическая жизнь въ ней складывается на новыхъ началахъ.

Не повелѣваютъ ли намъ великіе историческіе примѣры идти по тому же, разъ испытанному пути? Реформа 1861 года имѣла цѣлью защиту интересовъ рабочаго класса, улучшеніе ихъ быта; но объявивъ свободу и независимость человѣческой личности, дозволивъ лицамъ свободно опредѣлять свои экономическія отношенія и вступать въ правовыя сдѣлки, законодатель далеко не достигъ еще своей намѣченной цѣли. Правда, весь характеръ экономической жизни рѣзко измѣнился и приблизился къ западно-европейскому строю: рабочій классъ поставленъ лицомъ къ лицу не съ самостоятельными распорядителями его судьбы помѣщиками, а съ собственниками земли и капитала. Насколько въ прежнее время кореннымъ вопросомъ являлись отношенія барина къ крестьянину, настолько теперь является таковымъ же вопросомъ—отношеніе рабочихъ къ капиталистамъ и землевладѣльцамъ. Но такъ какъ землевладѣлецъ является лишь особымъ видомъ капиталиста вообще, то главною нашей задачей будетъ изслѣдованіе отношеній капитала къ труду, который и составитъ предметъ настоящаго перваго опыта.

Отношенія эти, т. е. отношенія капиталистовъ къ рабочимъ, со времени реформы 1861 года опредѣляются общимъ гражданскимъ правомъ, которое во всѣхъ существенныхъ своихъ сторонахъ сходно со всѣми

западно-европейскими кодексами; русскому народному обычному праву отведена узкая область въ отношеніяхъ крестьянъ другъ къ другу. Близость западно-европейскихъ правовыхъ нормъ къ нашему общему гражданскому праву объясняется общимъ источникомъ ихъ происхожденія, по крайней мѣрѣ—въ такъ называемомъ обязательственномъ или договорномъ правѣ. Все европейское культурное право, какъ извѣстно, въ большей части есть рецепціи (заимствованія) изъ Римскаго права. Частію непосредственно, частію чрезъ посредство вліяній западно-европейскихъ законодательствъ въ наше общее договорное право вошли начала того же Римскаго права. Всякій, отрицающій существованіе въ русскомъ гражданскомъ законодательствѣ заимствованій изъ Римскаго права, пусть обратится къ X тому Свода законовъ, редактированному Сперанскимъ. Все въ немъ: оглавленіе, расположеніе матеріала, содержаніе статей—удивительно совпадаетъ съ общей системой Римскаго права, особенно въ отдѣлахъ о договорахъ и обязательствахъ. Отличительною же чертою Римскаго обязательственнаго или договорнаго права является полный просторъ формальной свободы договаривающихся сторонъ: всякому предоставлена свобода вступать въ какія угодно сдѣлки, заключать договоры, набивать или сбивать цѣну, разорять соперника (конкуррента), словомъ: все хорошо, на что по доброй волѣ согласились два или нѣсколько лицъ; на сколько отъ этого страдаютъ общіе интересы — Римскому суду нѣтъ до этого дѣла. Основное возрѣніе этого права — полная независимость каждой личности, неподлежащая ограниченіямъ въ видахъ общественнаго интереса, и огражденіе ея отъ вторженія какого бы то ни было общественнаго элемента. Конечно, если лицо заключило сдѣлку, присвоивъ себѣ чужую собственность или чужое положительное право, то сдѣлка могла быть разрушена въ интересахъ третьихъ лицъ; но въ общемъ можно всегда было осуществлять свое право, хотя бы другія лица терпѣли отъ этого вредъ; кто пользуется своимъ правомъ, никому не вредитъ (Qui jure suo utitur neminem laedit). Послѣдовательное проведеніе въ жизнь этихъ началъ допускало, напримѣръ, такія явленія, что хозяинъ участка могъ копать на немъ колодезь съ единственною цѣлью лишить сосѣда воды; такія злоупотребленія дали основанія позднѣйшимъ юристамъ ввести положеніе, не имѣвшее однако практическаго примѣненія и не получившее развитія: male jure nostro uti non debemus (мы не должны пользоваться дурно своимъ правомъ). Далѣе: свобода договоровъ была исключительно формальной свободой; какія у сторонъ были побудительныя стремленія (мотивы) къ заключенію договора, были-ли они вызваны безысходною нуждою, крайне стѣсненными обстоятельствами, незнаніемъ условій, при которыхъ можно было бы устроить лучше свою экономи-

ческую жизнь, до этого Римскому законодательству нѣтъ дѣла. Договоръ могъ быть уничтоженъ и отношенія возстановлены въ прежнемъ ихъ состояніи (Restitutio in integrum) только въ нѣкоторыхъ случаяхъ: въ случаяхъ физическаго насилія, возбуждающаго страхъ (metus, т. наз. vis compulsiva), обмана (dolus) и въ весьма рѣдкихъ случаяхъ при наличности заблужденія (error).

Чтобы убѣдиться, что въ основѣ нашего гражданскаго права положены тѣ же самыя основныя начала, достаточно обратиться къ тексту закона: „всѣ способы пріобрѣтенія правъ, говоритъ нашъ законъ, тогда только признаются дѣйствительными, когда они утверждаются на непринужденномъ произволѣ и согласіи. Произволъ и согласіе должны быть свободны. Свобода произвола и согласія нарушаются: принужденіемъ и подлогомъ (обманомъ). Принужденіе бываетъ, когда кто-либо, бывъ захваченъ во власть другого, принуждается къ отчужденію имущества или ко вступленію въ обязательства насильственно, страхомъ настоящаго или будущаго зла, могущаго постигнуть его лицо или имущество“ (ст. 700—702, X т. 1 ч. Св. зак.). И только! ни слова о вліяніи стѣснительныхъ обстоятельствъ, объ отсутствіи у договаривающейся стороны яснаго понятія о тѣхъ имущественныхъ отношеніяхъ, въ которыя она вступаетъ.

Но не забудемъ при этомъ слѣдующаго: всякое законодательство—неполно и несовершенно; и помимо писаныхъ законовъ, существуютъ вѣчные и неписаные законы правды, начертанные въ разумѣ и сердцахъ человѣческихъ и только затемненные въ сознаніи; всякое законодательство есть неполное отраженіе этихъ вѣчныхъ законовъ, и, черпая свое содержаніе въ родникѣ чистой нравственной истины, развивается и идетъ впередъ. Языческія понятія о свободѣ (формальной) договоровъ часто не совпадаютъ съ христіанскими началами справедливости, требующей: „не дѣлать другимъ того, чего себѣ не хочешь“ (Дѣянія св. Ап. гл. V), и болѣе этого повелѣвающей: „какъ хотите, чтобы съ вами поступали люди, такъ и вы поступайте съ ними“ (Луки гл. 6). И при существованіи теоріи формальной свободы договоровъ, ростовщикъ, взимавшій чрезмѣрные проценты, пользовался презрѣніемъ въ общественномъ мнѣніи, точно такъ же, какъ и биржевой спекулянтъ. Справедливость выше положительнаго права, руководитъ и постепенно совершенствуетъ его. Теорія полной свободы договоровъ не могла быть выдержана ни въ одномъ европейскомъ законодательствѣ, въ томъ числѣ и въ русскомъ. Русское законодательство признало необходимость вмѣшательства государственной власти въ договорныя отношенія сторонъ, возникающія подъ вліяніемъ тягостнаго положенія заемщика, его стѣсненныхъ обстоятельствъ или при отсутствіи яснаго пониманія у

лица свойства и значенія принимаемаго имъ на себя обязательства (Высоч. утвержд. 24 мая 1893 г. мнѣніе Государств. Совѣта о преслѣдованіи ростовщическихъ дѣйствій), или когда таковыя сдѣлки направлены ко вреду общественнаго интереса, напримѣръ, къ повышенію цѣнъ на предметы продовольствія (913 ст. Улож. о Нак.).

Слабы и нерѣшительны шаги законодательства въ этомъ направленіи; кромѣ того оно не встрѣчаетъ поддержки въ существующей наукѣ права: наши юристы не только развили систему частнаго права, основанную на началахъ отжившаго Римскаго права, въ ея малѣйшихъ подробностяхъ, но еще собрали въ изобиліи и разработали историческія данныя. Но какъ чувствуютъ себя народы при этомъ столь высоко якобы развитомъ частномъ правѣ? Какъ чувствуютъ себя, въ особенности, неимущіе классы народа, которые повсюду представляютъ громадное большинство? На сколько отношенія ихъ къ имущимъ классамъ—капиталистамъ должны быть освѣщены началами справедливости и болѣе правильно поставлены, проведеніемъ этихъ началъ въ существующее законодательство, а также и въ жизнь,—эти вопросы юристами въ большинствѣ случаевъ оставляются безъ вниманія. Только нѣкоторые политико-экономическіе и соціалистическіе писатели пробовали разрѣшить эти вопросы и разрѣшали ихъ въ обратно противоположномъ смыслѣ одни другимъ; первые говорили, что существующія отношенія капиталистовъ къ рабочимъ, основанныя на нормахъ положительнаго права, законны и съ точки зрѣнія естественной справедливости; вторые, т. е. соціалисты, представляли эти отношенія какъ вопіющее нарушеніе правды.

Чтобы разобраться въ этомъ спорѣ, чтобы рѣшить вопросъ: на сколько правы и неправы тѣ и другіе, намъ приходится сначала коснуться экономическихъ вопросовъ о происхожденіи капитала, прибыли, процента и заработной платы. Мы не станемъ повторять общеизвѣстныхъ истинъ политической экономіи, что деньги сами по себѣ не есть богатство страны, что богатство есть сумма благъ, созданныхъ трудомъ; не станемъ приводить банальнаго предположенія, что если-бы мы въ одно утро проснулись и у каждаго изъ насъ оказалось бы въ кассахъ и карманахъ вдвое болѣе денегъ, чѣмъ было наканунѣ, то богатство общества отъ этого нисколько бы не увеличилось, а лишь всѣ предметы поднялись бы въ цѣнѣ вдвое. Вообще въ политической экономіи подъ именемъ капитала разумѣется не исключительно денежный капиталъ. Для производства, говоритъ эта наука, сверхъ матеріаловъ и силъ, доставляемыхъ природою, сверхъ труда, нуженъ предварительный накопленный запасъ продуктовъ прежняго труда. Этотъ накопленный запасъ продуктовъ называютъ капиталомъ. Капиталъ помо-

гаетъ производству тѣмъ, что даетъ удобное помѣщеніе, инструменты и матеріалы для работы, даетъ пищу и содержаніе работникамъ въ продолженіи работы. Это услуги, требуемыя настоящимъ трудомъ отъ труда прошедшаго, снабженіе производительнаго труда предварительными условіями, которыхъ онъ требуетъ. Капиталъ есть результатъ сбереженія; если бы каждый расходовалъ на личныя надобности и удовольствія все, что производитъ, весь доходъ, то капиталъ не могъ бы возрастать. Капиталъ пускаетъ въ ходъ запасъ продуктовъ, и при новой работѣ запасъ этотъ не только возвращается, но получается излишекъ; это есть прибыль капиталиста, чистый доходъ или процентъ на его капиталъ; при этомъ если капиталистъ самъ ведетъ предпріятіе съ помощью рабочихъ, то прибыль и процентъ сливаются въ одно понятіе; если онъ ссужаетъ своимъ капиталомъ другого, который ведетъ и руководитъ предпріятіемъ, то доходъ отъ предпріятія раздѣляется между нимъ и ссудившимъ его капиталомъ; часть послѣдняго называется процентомъ на капиталъ, часть перваго прибылью въ тѣсномъ смыслѣ слова или предпринимательской рентой. Какъ плата работника есть плата за его трудъ, такъ прибыль капиталиста служитъ собственно вознагражденіемъ за воздержаніе. Въ послѣднемъ положеніи экономистовъ видно ихъ желаніе оправдать прибыль на затраченный капиталъ не только съ точки зрѣнія незыблемости свободныхъ соглашеній между капиталистомъ и рабочими (юридической), но и съ точки зрѣнія естественной справедливости. Они доказываютъ, что сбереженный трудъ въ формѣ накопленныхъ продуктовъ, въ силу самой природы вещей, имѣетъ свойство облегчать текущій трудъ, увеличивать его производительность, т. е. давать прибыль, приносить процентъ. Много, въ этомъ отношеніи, потрудился добросовѣстный, но ограниченный ученый Бастіа. Экономисты любятъ робинзонады, т. е. представлять человѣка въ совершенно уединенномъ состояніи или въ сношеніяхъ съ однимъ только или двумя лицами,— доказывая подобными примѣрами свои положенія. Положимъ, говорятъ они, человѣкъ нуждается въ доскахъ: имѣя одинъ топоръ и не имѣя пилы, онъ успѣваетъ обтесать всего четыре доски въ день или сто двадцать въ мѣсяцъ (30 дней). Затѣмъ, изобрѣтаетъ ли онъ самъ пилу или заимствуетъ изобрѣтеніе ея отъ другихъ, онъ употребляетъ на изготовленіе пилы или на покупку ея отъ другого 15 дней труда; но съ помощью пилы, онъ въ продолженіи остальныхъ 15 дней, выпиливая ежедневно уже не четыре, а десять досокъ, изготовляетъ 150 оныхъ; такъ что въ продолженіи мѣсяца, затративъ половину дней на пилу и половину на пилку, онъ получаетъ на тридцать досокъ болѣе противъ прежняго; это и есть его естественная прибыль на затраченный капи-

талъ (при чемъ возвращается и капиталъ, т. е. стоимость пилы). Если обладатель пилы вмѣсто того, чтобы пускать ее въ дѣло самому, ссудитъ ее другому, неимѣвшему доселѣ этого орудія, то поставитъ его въ лучшее условіе сравнительно съ прежнимъ трудомъ. Если-бы другой возвратилъ ему только одну стоимость пилы и при этомъ не сразу, а съ отсрочкой на болѣе или менѣе продолжительное время, то это было бы несправедливостью по отношенію къ капиталисту, т. е. собственнику орудія производства; другое лицо получило бы совершенно даромъ лишнихъ тридцать досокъ, безъ всякихъ заслугъ и усилій съ своей стороны. Между тѣмъ собственникъ орудія, для пріобрѣтенія его, терпѣлъ извѣстныя лишенія или дѣлалъ особыя усилія, т. е. или ежедневно откладывалъ для пріобрѣтенія этого капитала часть своего заработка, ограничивая на время свои потребности, или усиленно работалъ сверхъ обычнаго времени; естественно и справедливо, что капиталистъ удержитъ въ свою пользу весь этотъ излишекъ, т. е. всѣ тридцать или немного менѣе досокъ; при этомъ, во всякомъ случаѣ, рабочій ничего не теряетъ. Выводъ этотъ нисколько не измѣняется, если капиталистъ вмѣсто того, чтобы ссудить капиталомъ другое лицо, пригласитъ его работать въ качествѣ своего рабочаго, давая ему отъ себя свой инструментъ; и этому отношенію будетъ естественно сопутствовать полученіе капиталистомъ прибыли на капиталъ; еще болѣе таковой результатъ не измѣняется, если капиталистъ устроитъ цѣлый лѣсопильный заводъ и пригласитъ много рабочихъ. Такія орудія какъ пила, какъ плугъ для пахаря, неводъ для рыбака, лошадь для всякаго сельскохозяйственнаго рабочаго, суть только низшій видъ капитала; высшимъ видомъ его являются машины, фабричныя и заводскія строенія, желѣзныя дороги и прочія, и параллельно развитію капитала растетъ и значеніе прибыли или процента. Но такъ какъ для производства необходимы, помимо орудій и машинъ, еще: сырье, топливо—уголь, дрова, керосинъ—и самая пища и содержаніе рабочихъ, то весь этотъ капиталъ, способствуя улучшенію производства, имѣетъ законное право на прибыль. Выводы эти, по мнѣнію экономистовъ, одинаковы, когда мы представляемъ, что запасъ труда обращается въ дѣло съ помощью наемныхъ рабочихъ и отдается въ ссуду въ формѣ естественныхъ продуктовъ или когда эти операціи происходятъ въ видѣ денегъ, такъ какъ деньги суть представители цѣнностей и переводятся на продукты; отсюда вытекаетъ законность процента на пущенныя въ оборотъ деньги. Такимъ образомъ прибыль на капиталъ законна съ точки зрѣнія естественной справедливости и будетъ оставаться вѣчною, неизмѣнною спутницею производства, ибо, по природѣ, затраченный въ дѣло капиталъ не только возвращаетъ свою стои-

мость, но даетъ излишекъ; возвращенную стоимость капиталистъ можетъ пустить въ новое дѣло, получится новый возвратъ капитала съ прибылью и т. д.

Несмотря на всю кажущуюся логичность этихъ выводовъ, достаточно сдѣлать изъ нихъ дальнѣйшіе выводы, чтобы замѣтить ихъ ошибочность, прежде всего съ чисто экономической стороны. Допустимъ, что весь затраченный въ дѣло капиталъ извѣстной націей приноситъ немного болѣе 8-ми обыкновенныхъ торговыхъ процентовъ, т. е. на такую-же долю увеличиваетъ ежегодно богатство страны; при этомъ, если не считать процентовъ на проценты, допуская, положимъ, что таковые истрачиваются капиталистами на свои личныя нужды, то капиталъ будетъ въ теченіи каждыхъ десяти лѣтъ удваиваться, т. е. расти по геометрической прогрессіи. Если нація затратила въ дѣло капитала на милліардъ рублей, то чрезъ сто лѣтъ она должна была-бы имѣть богатства на билліонъ рублей, чрезъ двѣсти на трилліонъ и т. д. Одно изъ двухъ: или человѣчество должно было-бы накопить такое богатство, тяжести котораго не выдержалъ бы земной шаръ, или остановить производство и, какъ плотоугодникъ, изображенный въ Евангеліи, сказать: „довольно у тебя всякаго добра, покойся, ѣшь, пей и веселись“ (Луки гл. 12). Другая несообразность, бросающаяся въ глаза, въ этихъ поспѣшныхъ выводахъ экономистовъ слѣдующая: исходя изъ нихъ, приходится допустить, что какъ бы ни богатѣли капиталисты, рабочіе отъ этого ничуть не страдаютъ, рабочая плата, если не будетъ увеличиваться, то должна стоять на одномъ уровнѣ, и благосостояніе рабочихъ не будетъ уменьшаться; дѣйствительность же свидѣтельствуетъ часто о противномъ. Вотъ почему слѣдуетъ подвергнуть выводы экономистовъ болѣе тщательному разбору какъ съ точки зрѣнія чисто экономической, такъ и съ нравственной.

II.

Разложимъ понятіе капитала на его основныя части. Экономисты причисляютъ къ капиталу, во-первыхъ, орудія труда: инструменты, машины, домашнія животныя для работъ; къ этой-же категоріи надо отнести сооруженія для производства—фабричныя и сельскохозяйственныя постройки, мастерскія, каналы, желѣзныя, шоссейныя и другія дороги. Это такъ называемый *основной капиталъ* націи. Другую и по размѣру гораздо большую часть капитала составляютъ: а) такъ называемое сырье или матеріалы производства, напримѣръ: шерсть, хлопокъ, ленъ, пенька, руда и т. п., смотря по роду производства; б) вспомогательныя

средства при производствѣ: уголь, дрова, краски, керосинъ для освѣщенія; в) пища и одежда рабочихъ, запасенныя капиталистомъ въ формѣ предметовъ или въ деньгахъ и выдаваемыя рабочимъ, какъ заработная плата; г) средства удобренія—навозъ, минеральное удобреніе, обращаемыя въ землю и возвращаемыя ею въ видѣ растеній, и наконецъ, д) деньги, какъ орудія обмѣна. Эта, по количеству большая часть капитала называется *оборотнымъ*. Мы видѣли, что экономисты считаютъ необходимымъ условіемъ возникновенія и увеличенія капитала сбереженіе или воздержаніе отъ немедленнаго потребленія; идея накопленія общая всѣмъ опредѣленіямъ капитала: у Адама Смита, Бастіа, Д. С. Милля, Сея, Росси, Гарнье и другихъ. Но, всматриваясь глубже въ вопросъ, мы видимъ, что здѣсь происходитъ смѣшеніе, со стороны экономистовъ, частнохозяйственной точки зрѣнія съ общественнохозяйственной. Обратимъ вниманіе на ту часть оборотнаго капитала, которую Рикардо считалъ существенною частью народнаго капитала и, дѣлая свои выводы, имѣлъ въ виду главнымъ образомъ ее: пищу и одежду и вообще содержаніе рабочихъ, выдаваемыхъ имъ въ видѣ заработной платы. Если рабочій работаетъ на себя, то онъ каждый день потребляетъ на свое содержаніе пищу, одежду и каждый день производитъ новые продукты; здѣсь нѣтъ никакого сбереженія, никакого воздержанія отъ немедленнаго потребленія, никакого излишка въ видѣ прибыли, слѣдовательно никакой аналогіи между орудіемъ производства и пищею рабочаго нѣтъ. Но когда пища рабочему, вступившему въ отношенія личнаго найма къ хозяину, выдается ему послѣднимъ, то вопросъ затемняется: хозяинъ, повидимому, долженъ накопить запасъ пищи для рабочихъ или соотвѣтствующую ему по стоимости сумму денегъ. Такъ-что съ точки зрѣнія частнаго хозяйства этотъ родъ капитала является плодомъ сбереженія. Но съ точки зрѣнія общественнаго хозяйства его нѣтъ; въ сущности здѣсь происходитъ обмѣнъ продуктовъ: хозяинъ даетъ рабочему пищу, а въ замѣнъ этого отъ него получаетъ выдѣлываемый имъ товаръ, и при этомъ для хозяина нѣтъ никакой отсрочки въ полученіи вознагражденія за пищу, ибо ежедневно рабочій ее отъ него получаетъ и ежедневно ему возвращаетъ ея стоимость въ видѣ произведеній своего труда. Такимъ образомъ прибыль капиталиста объясняется не тѣмъ, что онъ даетъ рабочему въ ссуду пищу, отсрочивая полученіе за нее эквивалента (равной стоимости), какъ это мы видѣли при ссудѣ орудія производства, а гораздо проще. Какъ иногда образуется прибыль или рентъ, поясникъ это примѣромъ: два земледѣльца оба производили и потребляли; у одного побило хлѣбъ градомъ, ему уродило хлѣба меньше на двѣ четверти противъ нужнаго

ему; онъ идетъ къ сосѣду передъ самымъ новымъ урожаемъ, и хотя обѣщаетъ ему возвратить просимыя въ заемъ двѣ четверти въ самое короткое время, хотя у сосѣда двѣ четверти и лишнія для него самого на это время, но онъ, пользуясь нуждою перваго, выговариваетъ себѣ возвратъ не двухъ, а трехъ четвертей. Перейдемъ къ сырью: положимъ, что крестьянское семейство начинаетъ ткать свое грубое сукно въ тотъ самый день, когда руно снято съ овцы, и вслѣдъ за тѣмъ, когда вытканo сукно, шить изъ него платье; здѣсь нѣтъ никакой отсрочки потребленія (сбереженія, воздержанія отъ немедленнаго потребленія), а между тѣмъ это руно, это сукно, это платье все-таки служитъ капиталомъ. Если теперь производство раздѣлится: земледѣлецъ снимаетъ руно, ткачъ его пріобрѣтаетъ, для него это руно—капиталъ въ сырьѣ, а сукно, которое онъ продастъ портному, играетъ туже роль для послѣдняго. Если бы эти три лица, имѣя запасъ насущнаго хлѣба, вступили въ союзъ между собою, составили бы артель, то земледѣлецъ, ткачъ, портной, получая сырье—второй отъ перваго, а третій отъ втораго, могли бы раздѣлить стоимость окончательно выработаннаго продукта сообразно количеству и качеству вложеннаго каждымъ труда. Тогда ткачу не было бы надобности пріобрѣтать средства на покупку руна и платить процентъ на занятый для этой цѣли капиталъ или вступать въ качествѣ рабочаго къ хозяину, обладающему руномъ, принося послѣднему прибыль. Поэтому здѣсь въ образованіи прибыли играетъ роль невѣдѣніе рабочихъ (errot), незнаніе условій, при которыхъ можно было бы выгоднѣе для себя устроить свои экономическія отношенія. Что касается до вспомогательныхъ матеріаловъ производства, напримѣръ, топлива, стоимость котораго входитъ въ цѣнность вырабатываемаго съ помощью его продукта, то все сказанное относительно сырья примѣнимо и къ этому роду капитала. Участіе денегъ въ обмѣнѣ не измѣняетъ дѣла въ существѣ. Въ общемъ мы должны признать, что все сказанное экономистами относительно свойствъ основного капитала въ большей части вѣрно; но такъ какъ выводы, почерпнутые ими изъ наблюденій надъ природою основного капитала, ошибочно и невѣрно примѣнены къ совершенно другой области отношеній, т. е. къ свойствамъ оборотнаго капитала, то это дало основаніе другой школѣ писателей по экономическимъ вопросамъ—соціалистамъ объявить, совершенно незаслуженно, науку политической экономіи ложью, измышленною съ цѣлью защиты интересовъ господствующихъ классовъ. Подъ соціалистами, какъ извѣстно, разумѣются писатели и общественные дѣятели чрезвычайно разнообразныхъ мнѣній, но въ общемъ сходящихся въ недовольствѣ существующимъ экономическимъ строемъ и предлагающихъ его пересоздать на началахъ общественной солидарности. Не всѣ соціалисты отрицаютъ

права капитала и законность прибыли; извѣстный своими утопическими проектами пересозданія общества Фурье допускалъ совмѣстное существованіе высокой платы за трудъ и высокаго процента на капиталъ. Вообще соціализмъ имѣлъ мало общаго съ наукою, но въ Германіи, въ лицѣ особенно выдающагося ученаго Карла Маркса, соціализмъ получаетъ научное обоснованіе, хотя это не помѣшало Марксу впасть въ важныя ошибки, до сихъ поръ еще недостаточно раскрытыя. Ученіе К. Маркса особенно замѣчательно въ томъ отношеніи, что хотя оно и не касалось нравственной или правовой стороны экономическихъ отношеній, а посвящено было одной экономической области, тѣмъ не менѣе, разъ эта экономическая теорія будетъ признана вѣрною, изъ нея логически вытекаетъ отрицаніе правъ капиталистовъ на полученіе прибыли или процента на капиталъ. Вотъ почему она, имѣя въ себѣ всѣ признаки научности и упавъ на благопріятную почву рабочаго класса Германіи, недовольнаго своимъ тяжелымъ положеніемъ, получила широкое распространеніе: вся соціалъ-демократическая партія въ обоснованіи своихъ теоретическихъ положеній цѣликомъ примыкаетъ къ Карлу Марксу. А такъ какъ, мы увидимъ далѣе, къ этому-же направленію присоединились французскіе и англійскіе соціалисты, то для того, чтобы понять нынѣшнее соціалъ-демократическое движеніе въ западной Европѣ, надо исходить изъ экономической теоріи Маркса.

Сущность ея слѣдующая: уже Адамъ Смитъ приблизился къ пониманію закона, которымъ опредѣляются цѣнности разныхъ товаровъ при обмѣнѣ ихъ на рынкѣ. Рикардо установилъ этотъ законъ: спросъ и предложеніе на товары объясняютъ ихъ цѣну, но самъ спросъ и предложеніе подчинены строгому закону, направляющему ихъ въ ту или другую сторону. Какъ бы вещь ни была полезна и необходима, но если для пріобрѣтенія ея не вложено никакого труда, она не имѣетъ мѣновой цѣнности, напримѣръ: воздухъ, вода въ деревнѣ. Благо имѣетъ таковую цѣнность, благодаря лишь тому, что на пріобрѣтеніе его потраченъ трудъ, что въ немъ овеществлена или матеріализована общечеловѣческая работа. Какъ-же измѣняется величина его цѣнности? Чрезъ количество образующей цѣнности субстанціи труда. Могло-бы казаться, что если цѣнность товара опредѣляется истраченнымъ на него количествомъ работы, то чѣмъ лѣнивѣе или болѣе неловокъ человѣкъ, тѣмъ болѣе будетъ цѣненъ его товаръ, такъ какъ онъ употребилъ на него болѣе времени. Но это ложное заключеніе, для своего опроверженія, требуетъ еще одного положенія: общественно-необходимое рабочее время, при существующихъ общественныхъ условіяхъ производства и общественной средней степени ловкости и напряженности труда, есть та величина, которая служитъ мѣри-

ломъ цѣнности. Товары, въ которыхъ содержатся равныя количества труда или такіе, которые произведены въ одинокое рабочее время, имѣютъ поэтому одинаковый размѣръ цѣнности. Какъ цѣнности, всѣ товары представляютъ лишь опредѣленную массу крѣпко сгущеннаго рабочаго времени. Трудъ, такимъ образомъ, есть единственный источникъ производимыхъ имъ цѣнностей, матеріальнаго богатства. Но такъ какъ вниманіе вступающихъ даже въ натуральный обмѣнъ сосредоточивается не на самомъ трудѣ, а на матеріализаціи труда — продуктѣ, то они вслѣдствіе этого убѣждены, что напр. воскъ мѣняется на соль, тогда какъ въ сущности мѣняется спеціальный трудъ производителя воска на спеціальный трудъ производителя соли. Этотъ фетишистическій характеръ товара еще болѣе усиливается въ представленіи людей, когда обмѣнъ производится съ помощью денегъ; намъ кажется, что товары имѣютъ присущую имъ матеріальную цѣнность, тогда какъ при обмѣнѣ мы просто оплачиваемъ своимъ трудомъ трудъ другого. Только трудъ есть цѣнность, а по отношенію къ товарамъ онъ есть мѣрило ихъ цѣнностей. Если такимъ образомъ, понятія труда и цѣнности совпадаютъ и, по закону природы, оплачивается только трудъ, въ одиночномъ хозяйствѣ — продуктомъ своего собственнаго издѣлія, а въ мѣновомъ чужимъ трудомъ, по формулѣ a труда мѣняется на a труда, то откуда-же берется прибыль? Ей мѣста повидимому нѣтъ; для этого надо предложить обмѣнъ не равныхъ цѣнностей, т. е. что a мѣняется не на a, а на $a+b$. Такая операція, по словамъ Маркса, дѣйствительно происходитъ въ современномъ хозяйствѣ.

Для совершенія подобной операціи владѣлецъ денегъ долженъ найти особый товаръ, такой товаръ, который бы при своемъ употребленіи не уничтожался, а обладалъ-бы особымъ качествомъ быть источникомъ мѣновой цѣнности, потребленіе котораго было-бы вмѣстѣ и образованіемъ цѣнностей; владѣлецъ денегъ находитъ на рынкѣ такой товаръ — рабочую силу или рабочую способность. Подобно всѣмъ другимъ товарамъ рабочая сила обладаетъ мѣновою цѣнностью. Цѣнность эта, подобно цѣнности всякаго другого товара, опредѣляется рабочимъ временемъ, потребнымъ на ея произведеніе. Но рабочая сила существуетъ только въ качествѣ живой личности; ея произведеніе предполагаетъ ея существованіе; принявъ это, слѣдуетъ признать, что производство ея состоитъ въ ея поддержаніи, т. е. въ снабженіи личности потребными средствами существованія. Отсюда слѣдуетъ, что цѣнность рабочей силы есть цѣнность средствъ существованія, потребныхъ для рабочаго. Но рабочая сила осуществляется только чрезъ свое обнаруженіе посредствомъ труда; трудъ есть ничто иное, какъ трата извѣстнаго количества человѣческихъ мус-

куловъ, нервовъ, мозга — трата, которая должна быть возмѣщена; поработавъ сегодня, работникъ долженъ быть въ состояніи трудиться завтра. Сумма средствъ существованія, потребная для поддержанія рабочей силы, есть та цѣнность, за которую она покупается, или иначе говоря: количество труда, потребное на дневное пропитаніе рабочаго образуетъ дневную цѣнность рабочей силы. Но трудъ производитъ больше, чѣмъ требуется на его содержаніе; положимъ: рабочій работаетъ 12 часовъ въ день; въ 6 часовъ онъ производитъ ту сумму цѣнностей, которая потребна на его содержаніе и которая есть цѣнность рабочей силы; эта часть рабочаго дня можетъ быть названа *необходимымъ трудомъ*. Второй періодъ процесса труда, хотя стоитъ рабочему труда, т. е. траты его рабочей силы, но при рабской-ли, крѣпостной или наемной системахъ труда не представляетъ для него никакой стоимости. Этотъ второй періодъ процесса труда образуетъ *прибавочную стоимость*,—прибыль, которая поступаетъ въ распоряженіе хозяина рабочихъ и составляетъ побужденіе для его хозяйственной дѣятельности. Эта часть рабочаго дня можетъ быть названа прибавочнымъ трудомъ; а цѣнность продуктовъ, имъ производимая, прибавочною стоимостью. Такимъ образомъ разрѣшаетъ К. Марксъ вопросъ о происхожденіи дохода на капиталъ: источникъ этого дохода есть производительная сила труда, доставляющая не только удовлетвореніе потребностямъ трудящагося, но сверхъ того дающая прибавочный продуктъ, идущій въ пользу капиталиста. Назовемъ необходимый трудъ—a; тогда получится, что a дастъ $a+q$; q это есть прибавочная стоимость. Слѣдовательно, по этой теоріи, прибыль не есть результатъ сбереженія, а происхожденіе ея объясняется тѣмъ, что рабочему даютъ меньше, чѣмъ онъ даетъ. Кромѣ того: начиная съ Адама Смита, экономисты разъяснили всѣ выгоды простого и сложного общественнаго сотрудничества, выражающагося въ сочетаніи и раздѣленіи труда: соединяясь въ рабочія группы—въ мастерскихъ или фабрикахъ, рабочія силы увеличиваютъ производительность своего труда; она удваивается, утрачивается и т. д.; продукта получается больше не только пропорціонально количеству рабочихъ, но въ прогрессивной пропорціи. Вотъ этотъ-то излишекъ произведеній, результатъ даровой общественной силы тоже попадаетъ въ руки капиталиста подъ видомъ увеличенія прибавочной стоимости (относительная прибавочная стоимость). Но что-же заставляетъ рабочихъ вступать въ такія невыгодныя отношенія съ капиталистами? Марксъ и его послѣдователи объясняютъ это историческимъ ходомъ экономической жизни въ Европѣ; ходъ этотъ—таковъ: рабочіе, которые въ началѣ были самостоятельными хозяевами, обладая орудіями и средствами про-

изводства, вслѣдствіе экономическихъ причинъ—увеличивающагося соперничества возникавшихъ крупныхъ предпріятій, а также вслѣдствіе политическихъ причинъ—законодательныхъ актовъ, направленныхъ въ угоду богатымъ классамъ и къ обездоленію низшихъ, эти рабочіе-хозяева, постепенно зарабатывая все меньше и меньше, лишались орудій и средствъ производства, земель и даже усадебной осѣдлости, обращались въ бездомныхъ пролетаріевъ и вынуждены были продавать капиталистамъ свою рабочую силу за плату, могущую только поддержать ихъ жалкое существованіе. (*K. Marx Das Kapital. Kritik der politischen Oeconomie B. I—II*). Хотя Марксъ не касался вопросовъ нравственности или права въ примѣненіи ихъ къ экономической жизни, но не трудно понять, какія нравственныя требованія и правовыя положенія вытекаютъ изъ этой экономической теоріи. Прибавочная стоимость или безработный доходъ являются, съ точки зрѣнія послѣдователей этой экономической теоріи, полною несправедливостью, результатомъ эксплоатаціи рабочихъ; отсюда естественно вытекаетъ, по мнѣнію соціалъ-демократовъ, чтобы каждому рабочему предоставлено было *право на полный продуктъ его труда*. Если реальныя блага создаются трудомъ лицъ, то каждому рабочему должно быть предоставлено изъ мѣновой цѣнности столько, на сколько онъ своимъ трудомъ увеличилъ эту цѣнность; при соблюденіи этого правила, продуктъ долженъ распредѣляться между рабочими сполна, и никакого безработнаго дохода, въ видѣ-ли прибыли или процента на капиталъ или земельной ренты, не должно существовать; вслѣдствіе отмѣны безработнаго дохода вознагражденіе за трудъ возвысится на соотвѣтствующую сумму. При существующемъ экономическомъ строѣ, кромѣ того: нужды и потребности большинства населенія далеко не удовлетворены, и самое существованіе человѣка не обезпечено. Поэтому провозглашалось другое начало, по которому продуктъ долженъ быть предоставленъ тѣмъ, кто имѣетъ въ немъ потребность. Но эти требованія коммунистовъ—каждому по его потребностямъ (*a chaque un selon ses besoins*), въ ихъ полномъ объемѣ, отвергаются соціалъ-демократами, такъ какъ потребности отдѣльнаго лица неопредѣленны, субъективны, измѣнчивы. Тѣмъ не менѣе признается и послѣдними: *право на существованіе*. Такъ какъ между потребностями есть такія, отъ удовлетворенія которыхъ зависитъ самое существованіе личности—жизненныя потребности, то это право формулируется такъ: каждый членъ общества можетъ требовать, что бы ему предоставлены были необходимые предметы и услуги для поддержанія его существованія прежде, чѣмъ будутъ удовлетворены менѣе гнетущія потребности другихъ. Это право особенно дорого для лицъ, неспособныхъ работать — больныхъ, малолѣтнихъ, дряхлыхъ, для кото-

рыхъ право на полный продуктъ труда не имѣетъ значенія. Сочетать право на существованіе съ правомъ на полный продуктъ труда предполагается такимъ образомъ: обязать каждаго гражданина ежегодно работать опредѣленное число часовъ для покрытія жизненныхъ потребностей, а прибыль отъ остальныхъ рабочихъ часовъ предоставить его свободному распоряженію. Современный экономическій строй, разоблачаемый соціалистами, представляетъ еще одно зло: вслѣдствіе постоянныхъ техническихъ усовершенствованій и замѣны рабочей силы силою машинъ, ежегодно извѣстное количество рабочихъ „выбрасывается на улицу“, т. е. остается безъ работы, и количество таковыхъ увеличивается все болѣе и болѣе. Поэтому, еще ранѣе появленія теоріи К. Маркса, въ Европѣ среди рабочихъ было провозглашено *право на трудъ*. Право на трудъ, какъ особый видъ права на существованіе и котораго не должно смѣшивать съ правомъ на полный продуктъ труда, формулируется такъ: государство или общество обязано дать всякому возможность трудиться, если онъ не можетъ найти заработка обыкновеннымъ путемъ. Право на трудъ стало настоятельнымъ вопросомъ еще въ 1848 г. во Франціи, когда временное правительство устраивало „національныя мастерскія“, было предметомъ обсужденія во Французскомъ національномъ и Франкфуртскомъ народномъ собраніи, при обсужденіи нѣмецкой конституціи, въ 1848 г.; въ настоящее время оно въ принципѣ безусловно признано соціалъ-демократическою партіей.

Въ такомъ видѣ слагаются въ западной Европѣ понятія о будущемъ соціалистическомъ правѣ, которое въ лицѣ профессора гражданскаго права Вѣнскаго университета д-ра Менгера въ послѣднее время получило научную обработку (*Das burgerliche Recht und die besitzlosen Volksklassen.—Das Recht auf das vollen Arbeitsertrag*). Почтенный профессоръ, занявшись научною разработкою соціальнаго вопроса съ юридической стороны, надѣется на разрѣшеніе его путемъ мирнаго преобразованія но народныя массы смотрятъ въ большинствѣ на дѣло иначе: такъ какъ по ихъ понятіямъ прибавочная стоимость или безработный доходъ является несправедливостью, а существующія богатства въ томъ числѣ и вся поземельная собственность, не считая даже прямаго захвата (*ocupatio*), только благодаря этому незаконному способу пріобрѣтенія и могли образоваться, то заявляется не болѣе ни менѣе, какъ требованіе объ экспропріаціи въ пользу рабочаго класса: фабрикъ, заводовъ съ машинами и всѣми орудіями производства, всѣхъ желѣзныхъ дорогъ, рудниковъ и всей земельной собственности. Самъ К. Марксъ, вмѣстѣ съ своимъ другомъ Энгельсомъ, еще задолго до появленія въ свѣтъ книги „Капиталъ“ издаютъ, предъ революціей 1848 г., коммунистическій ма-

нифестъ, въ которомъ выставляется требованіе экспропріаціи земельной собственности, отмѣны наслѣдственнаго права, сосредоточенія кредита, путей сообщенія и части промышленности въ рукахъ государства. Затѣмъ К. Марксъ занимаетъ долгое время мѣсто предсѣдателя „международнаго общества рабочихъ“ (Интернаціонали). Конгрессъ Интернаціонали въ Брюсселѣ 1868 г. рѣшилъ, что главныя отрасли промышленности—земледѣліе и горная промышленность (пашни и рудники) должны находиться въ собственности государства и управляться ассоціаціями рабочихъ, что слѣдуетъ вообще предоставить труду его полное вознагражденіе и всѣ вычеты въ пользу капитала, будь то рента или процентъ, должны быть отвергнуты. На конгрессѣ Интернаціонали въ Базелѣ въ 1869 г. рѣшено, что государство вправѣ уничтожить частную собственность и передать ее общинѣ, при чемъ послѣдовало разногласіе: должно-ли недвижимое имущество оставаться въ общемъ-же пользованіи или общество можетъ сдавать участки земли во временное обладаніе частнымъ лицамъ и ассоціаціямъ рабочихъ? Въ такомъ-же смыслѣ состоялись рѣшенія на конгрессахъ нѣмецкой соціалъ-демократической партіи рабочихъ: въ Эйзенахѣ 7—9 августа 1869 года и въ Штутгардтѣ 4—7 іюня 1870 года. Хотя послѣ войны 1870—71 г.г. „Интернаціональное общество“ перестаетъ существовать, но соціалистическое движеніе продолжаетъ развиваться въ отдѣльныхъ странахъ, сохраняя въ основныхъ своихъ требованіяхъ одинѣ и тѣ же начала. На конгрессѣ Германскихъ рабочихъ 23—26 мая 1875 г. выработана была такъ называемая *Готская программа*, которая выставляетъ, какъ основное положеніе, что источникомъ всякаго достатка и всякой культуры служитъ трудъ, и что продуктъ совмѣстнаго общественнаго труда, при всеобщей обязанности трудиться, принадлежитъ на равномъ правѣ каждому, по его потребностямъ, сообразно разуму (?). Чтобы приблизиться къ разрѣшенію соціальнаго вопроса, „Готская программа“, составленная Либкнехтомъ, Бебелемъ и другими, требуетъ учрежденія производительныхъ товариществъ при помощи государства и подъ контролемъ трудящагося класса. Готская программа составляетъ основу соціальнаго движенія въ Германіи до сихъ поръ; хотя на конгрессѣ 12—18 октября 1890 г., признана была необходимость развитія и дополненія только-что изложенныхъ постановленій. Такой-же характеръ приняло и соціалистическое движеніе во Франціи: третій конгрессъ рабочихъ въ Марсели (1879 г.) требовалъ конфискаціи земли, машинъ, путей сообщенія, зданій и накопленныхъ капиталовъ въ пользу человѣчества, и постановилъ, что эта конфискація должна быть достигнута всѣми возможными мѣрами. Англійскіе демократы долго находились подъ вліяніемъ идей Д. С. Милля и Г. Джорджа и устрем-

ляли свое вниманіе на вопросъ земельный, выставляя требованіе націонализаціи земли; введеніе-же нѣмецкаго соціализма въ Англіи можно приписать Гайндмену, котораго главное сочиненіе появилось въ 1881 году. Результатомъ его пропаганды было то, что новѣйшій манифестъ соціалъ-демократической федераціи рѣшительно остановился на томъ, что земельная и капиталистическая собственность должны быть осуждаемы на одинакихъ основаніяхъ, и что поэтому слѣдуетъ націонализировать, какъ землю, такъ и капиталъ.

Въ такомъ грозномъ видѣ представляется соціалъ-демократическое движеніе въ западной Европѣ; эта партія, дыша ненавистью къ существующему порядку, разрушаетъ всѣ существующія правовыя понятія, сильна она численностью, но на сколько сильна она истиною, это вопросъ.

III.

Познакомившись съ тѣми выводами, которые неизбѣжно вытекаютъ изъ экономическаго ученія К. Маркса, разсмотримъ глубже, что въ этой теоріи есть вѣрнаго и невѣрнаго. Но ставя себѣ эту трудную задачу, мы помнимъ, что въ этомъ вопросѣ, какъ и во всякомъ другомъ, надо быть вполнѣ добросовѣстнымъ. Глубокая ученость Маркса, его стройное мышленіе, ясность и простота выводовъ поражаютъ насъ; много новаго и вѣрнаго введено имъ въ науку политической экономіи, особенно въ вопросѣ и происхожденіи прибыли на капиталъ. Тѣмъ не менѣе этотъ ученый не избѣжалъ коренныхъ ошибокъ; его теорія не обнимаетъ всѣхъ явленій происхожденія прибыли на капиталъ, а именно—происхожденія прибыли на основной капиталъ, въ составъ котораго мы включаемъ: машины, инструменты, фабричныя и заводскія зданія, искусственныя дороги. Вотъ что говоритъ по этому поводу Марксъ: цѣнность орудій производства и матеріаловъ всякаго рода входитъ составною частью въ цѣнность окончательно выработаннаго продукта, переносится на него; это происходитъ по мѣрѣ того, какъ къ орудіямъ и матеріаламъ прилагается новый трудъ, по мѣрѣ того, какъ сами они уничтожаются. Уничтоженіе это въ примѣненіи къ матеріаламъ и орудіямъ производства различно; такъ, напримѣръ, уголь исчезаетъ въ работѣ безслѣдно, переходя въ цѣнность продуктовъ, тогда какъ машина только стирается, продолжая служить рабочему процессу очень долго. Но во всякомъ случаѣ трудъ, въ нихъ заключенный, не пропадаетъ, а переносится на окончательно выработанный продуктъ и тѣмъ сохраняется отъ погибели. Понятно, что такъ какъ процессъ поглощенія орудій и матеріаловъ не

одинаково продолжителенъ, то и трудъ, въ нихъ содержащійся, переносится на продуктъ съ неодинаковою скоростью; иная машина изживаетъ свой вѣкъ въ 10 лѣтъ, и такимъ образомъ, заключающійся въ немъ трудъ переходитъ на продуктъ въ теченіе цѣлыхъ 10 лѣтъ. Положимъ, что какая нибудь машина потребляется въ 6 дней; въ такомъ случаѣ каждый день переходитъ на продуктъ одна шестая часть ея цѣнности. Ясно, что орудіе труда не можетъ никогда передать окончательному процессу работы больше цѣнности, чѣмъ сколько ея въ немъ самомъ, чѣмъ сколько оно теряетъ ея чрезъ собственное уничтоженіе. Мы намѣрены доказать, что положенія эти вѣрны лишь относительно сырья и вообще матеріаловъ производства, но невѣрны относительно орудій производства. Для этого возьмемъ примѣръ не изъ наблюденій надъ предпріятіями, организація которыхъ распадается на капиталиста и рабочихъ, а изъ предполагаемой жизни артелей. Положимъ, существуютъ двѣ артели ткачей: одна работаетъ сукно изъ шерсти, другая полотно изъ льна; при чемъ, допустимъ, что стоимость льна и шерсти одинакова; шерсть и ленъ предполагаются въ пряжѣ. Первая артель затрачиваетъ въ дѣло шерсти на 5 тысячъ рублей (или считая стоимость рабочаго дня въ одинъ рубль)—на 5 тысячъ рабочихъ дней; вкладываетъ въ годъ 5 тысячъ рабочихъ дней своего труда и вырабатываетъ 500 штукъ сукна; вторая кладетъ въ дѣло тоже на 5 т. льна (5 т. рабочихъ дней), вкладываетъ 5 т. дней своего труда и производитъ 500 кусковъ льна. Если обѣ артели работаютъ на ручныхъ ткацкихъ станкахъ, стоющихъ для той и другой по 200 рублей, и станки эти изнашиваются въ одинъ годъ, тогда обмѣнъ между двумя артелями естественно будетъ происходить такъ, какъ предполагаетъ Марксъ: шерсть стоимостью въ 5 т. рублей обмѣнивается на ленъ на такую-же сумму; 5 тыс. рабочихъ дней суконщиковъ на 5 тысячъ дней ткачей полотна; станки для сукна (въ 200 рублей)—на ткацкіе станки для полотна (въ 200 рублей), т. е. 500 кусковъ шерсти, суммою на 10,200 руб. обмѣниваются на 500 кусковъ полотна на такую-же сумму, и каждый кусокъ того и другого стоятъ 20 рублей 40 копѣекъ, такъ что расчетъ этотъ не измѣнится, если обмѣнъ будетъ происходить не натурою, а чрезъ посредство денегъ. Но иной характеръ приметъ обмѣнъ, если при тѣхъ-же условіяхъ суконщики заведутъ машину, стоимостью (съ новыми станками) въ тысячу рублей или тысячу рабочихъ дней, которая уничтожается въ пять лѣтъ, слѣдовательно ежегодно теряетъ своей стоимости на 200 руб.; чтобы не усложнять расчета, примемъ, что машина двигается даровою силою воды. По теоріи Маркса останется та же пропорція въ обмѣнѣ: шерсть—на ленъ; 5 тысячъ рабочихъ дней суконщиковъ на 5

тысячъ дней ткачей льна; 200 рублей стоимости машины на 200 рублей стоимости ручныхъ станковъ для льна. Но такой обмѣнъ былъ бы невыгоденъ для суконщиковъ и несправедливъ; при машинной работѣ сукна, несомнѣнно выдѣлывается его больше и, допустимъ, болѣе утилизуется сырье, ибо меньше порченаго матеріала, такъ что, работающіе его изготовляютъ при тѣхъ-же условіяхъ 600 кусковъ сукна; выходилобы, что эти 600 кусковъ сукна обмѣниваются на 500 кусковъ полотна, или, переводя на деньги, штука сукна стоила-бы 17 рублей, а штука полотна попрежнему 20 рублей 40 копѣекъ. При такихъ отношеніяхъ въ выгодѣ были-бы тѣ, которые остались при прежнихъ способахъ производства; но вѣдь они, т. е. ткачи полотна, возвратятъ въ годъ: стоимость своего сырья, весь трудъ, который они сами вложили на его обработку и стоимость станковъ; а суконщики, при подобномъ обмѣнѣ, въ годъ получатъ только: стоимость сырья, своего труда, а стоимость машинъ возвратятъ не въ тотъ-же годъ, а чрезъ пять-десять лѣтъ. Между тѣмъ они для пріобрѣтенія машины ограничивали свои потребности, терпѣли лишенія, а ткачи полотна, находясь, можетъ быть, въ томъ же положеніи, отнеслись легкомысленно къ необходимости улучшить производство и пріобрѣсть машину для своей работы. Дать обогатиться послѣднимъ на счетъ первыхъ, значитъ дать премію безпечности и расточительности. Несомнѣнно, суконщики поступятъ слѣдующимъ образомъ: они попрежнему произведутъ 500 штукъ, затративъ на нихъ всего при машинной работѣ $4,166^{2}|_{3}$ рабочихъ дней (X : 5,000=500 : 600); остающіеся у нихъ $833^{1}|_{3}$ рабочихъ дней они употребятъ на изготовленіе новыхъ цѣнностей, которыя и составятъ ихъ справедливую прибыль. Въ дѣйствительности, если дѣло пропзойдетъ разумно, то будетъ такъ: для изготовленія того-же количества сукна занято будетъ $^{5}|_{6}$ прежняго количества рабочихъ, но такъ какъ заработокъ всей артели увеличится на $833^{1}|_{3}$ рубля, то освободившееся количество рабочихъ будетъ занято изготовленіемъ цѣнностей на эту сумму для удовлетворенія новыхъ потребностей.

Рикардо, теорія котораго легла въ основу ученія Маркса, дѣйствительно полагалъ, что при обмѣнѣ обмѣниваются равныя количества труда, вложенныя въ товары; но при этомъ онъ имѣлъ въ виду, что въ сущности цѣну опредѣляетъ законъ спроса и предложенія, и только въ силу того, что туда, гдѣ какой либо продуктъ вознаграждается большимъ количествомъ труда, чѣмъ въ него самого вложено его, направляется предложеніе и понижаетъ цѣну до ея дѣйствительной нормы (эта теорія колебанія цѣнъ развита Д. С. Миллемъ). Далѣе Рикардо говорилъ, что цѣнность продукта опредѣляется количествомъ труда, вложен-

наго въ него при наихудшихъ условіяхъ пользованія даровыми силами природы: если рабочій вкладываетъ въ десятину земли наихудшаго качества пятьдесятъ дней труда и получаетъ 5 четвертей хлѣба, то, полагая цѣнность рабочаго дня въ одинъ рубль, одна четверть будетъ стоить десять рублей, а рабочій получитъ пятьдесятъ; если другой на землѣ лучшаго качества вкладываетъ въ десятину тѣ-же 50 рабочихъ дней и собираетъ 10 четвертей, то, такъ какъ, по выраженію Ад. Смита, двухъ цѣнъ на рынкѣ не бываетъ,—четверть будетъ также стоить 10 руб., и этотъ другой получитъ 100 рублей, изъ нихъ 50 рублей—какъ рабочую плату и 50 рублей,—какъ ренту, входящую въ цѣнность продукта. Но лучшее качество земли не всегда зависитъ отъ природныхъ условій, а часто достигается искусственно при помощи вложеннаго въ землю капитала; напримѣръ: десятина земли, дававшая при затратѣ 50-дневнаго труда всего пять четвертей, при устройствѣ на ней дренажа, стоимостью въ 200 рублей и разрушающагося только по прошествіи шести лѣтъ, можетъ давать 10 четвертей. На подобной улучшенной землѣ, рабочій при томъ же количествѣ времени труда для паханья и уборки хлѣба соберетъ 10 четвертей, стоимость которыхъ, по предыдущему, опредѣляется въ 100 рублей, т. е. онъ будетъ имѣть изъ нихъ: 50 рублей въ оплату 50 дней текущаго труда, 40 рублей въ возвратъ ежегодно изнашивающаго дренажа, которые можетъ откладывать для будущаго его возобновленія, и сверхъ того онъ имѣетъ 10 рублей прибыли на капиталъ, и уже не какъ премію за обладаніе даровыми силами природы, а какъ вознагражденіе за сбереженіе, за ограниченіе своихъ потребностей для накопленія капитала. Чулочница вяжетъ чулки прутками, связываетъ 5 паръ чулокъ, стоющія по 20 копѣекъ каждая, т. е. получаетъ 1 рубль въ день; другая, благодаря сбереженіямъ, пріобрѣла чулочно-вязальную машину, вырабатываетъ на ней 10 паръ чулковъ и, продавая ихъ на рынкѣ по той-же цѣнѣ, получаетъ въ день по 2 рубля; если она будетъ вычитать изъ нихъ ежедневно 80 коп. въ возвратъ цѣнности и на возобновленіе изнашивающейся машины, то все-таки ей остается 20 копѣекъ въ день какъ прибыль на капиталъ. Слѣдовательно, прибыль на капиталъ, какъ и рента на землю, входитъ въ составъ мѣновой цѣнности. Вообще всякая машина имѣетъ свойство давать прибавочную силу, т. е. возвращать посредствомъ облегченія послѣдующаго труда не только ту силу, которая была затрачена на ея изготовленіе въ видѣ трудовой силы, но давать еще излишекъ ея, который обыкновенно переводится на цѣнность и служитъ источникомъ прибыли на капиталъ.

То же самое относится къ искусственнымъ дорогамъ, зданіямъ для фабрикъ, заводовъ и мастерскихъ. Школа Маркса не достаточно изслѣдовала это особое свойство основного капитала; точно такъ же общая политикоэкономическая школа перенесла выводы, почерпнутые ею изъ свойствъ основнаго капитала, на операціи съ оборотнымъ капиталомъ. Этотъ послѣдній, по природѣ своей, не даетъ никакого излишка или прибыли, и образованіе ея, при затратѣ этого капитала, объясняется тѣмъ процессомъ добыванія прибавочной стоимости изъ рабочей силы,—который такъ глубоко изслѣдованъ К. Марксомъ. Для яснаго пониманія этой разницы, еще разъ обратимся къ опредѣленію понятій основного и оборотнаго капитала: основной капиталъ возвращается затратившему его не сразу въ формѣ продуктовъ, на которые онъ обмѣнивается, а чрезъ долгое время: годы, десятки и даже сотни лѣтъ (туннели); здѣсь тоже происходитъ обмѣнъ продуктовъ, но полученіе эквивалента (равной стоимости) отсрочивается; слѣдовательно, мѣняющій основной капиталъ на другія цѣнности—въ худшихъ условіяхъ, чѣмъ тотъ, который одновременно получаетъ за продуктъ — продуктъ, а по этому естественно ему дать сверхъ стоимости его капитала извѣстный излишекъ; и если бы орудія производства составляли собственность всего общества, то слѣдовало бы этотъ излишекъ раздѣлить пропорціонально сбереженіямъ, внесеннымъ каждымъ членомъ общества на образованіе основного капитала. Совсѣмъ другое дѣло—при затратѣ оборотнаго капитала: хозяинъ каждый день даетъ рабочимъ пищу и каждый-же день получаетъ за нее вознагражденіе въ видѣ вырабатываемыхъ рабочими издѣлій; каждый день даетъ имъ сырье и тотчасъ возвращаетъ его въ видѣ обдѣланныхъ товаровъ; здѣсь происходитъ обыкновенный одновременный обмѣнъ услугъ. Если иногда у капиталиста товары залеживаются, то это явленіе происходитъ, какъ увидимъ ниже, отъ дурной организаціи обмѣна и устранимо. Но, по природѣ своей,—пища и содержаніе рабочихъ, сырье, вспомогательные матеріалы производства не должны быть оплачиваемы, сверхъ ихъ стоимости, никакимъ особымъ процентомъ, а полученіе таковаго есть нарушеніе математической аксіомы: $a=a$.

Не бросается-ли намъ въ глаза слѣдующее сравненіе: если машина есть капиталъ, дающій по природѣ своей прибыль, то человѣкъ, какъ источникъ трудовой силы, есть такой-же капиталъ. Продолжимъ сравненіе между машиной, какъ источникомъ физической силы, и человѣкомъ, какъ источникомъ таковой-же мускульной силы (да не заподозритъ читатель насъ въ матеріализмѣ): на содержаніе ребенка и его обученіе нужна затрата такъ же, какъ на сооруженіе машины; на содержаніе рабочаго—такъ же, какъ на ремонтъ машины; человѣкъ умираетъ, рабочіе замѣняются

новымъ поколѣніемъ, машина уничтожается, замѣняясь новою; трудъ человѣка переводится на ту же силу (физическій трудъ). Человѣкъ возвращаетъ не только то, что затрачено на его содержаніе въ дѣтствѣ и во время работы, но даетъ прибавочную стоимость; машина возвращаетъ не только стоимость силы, которая затрачена на ея сооруженіе, но еще излишекъ. Итакъ воздадимъ машинѣ, что ей слѣдуетъ, а человѣку то, что ему слѣдуетъ; уступимъ капиталисту ту прибавку силъ, которую онъ вноситъ въ общій процессъ производства, а рабочему отдадимъ прибавочную стоимость его труда. По статистикѣ извѣстно, что въ самомъ промышленномъ округѣ Англіи (въ округахъ Ланкашира, Гошира и Іоркшира) въ 60-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія на фабрикахъ паровыя машины давали до 1,500 лошадиныхъ силъ; работающихъ же на нихъ рабочихъ было до 90,000 человѣкъ. Вся прибыль отъ подобнаго производства есть результатъ прибавочной стоимости труда и того излишка, который получается сверхъ возврата стоимости машинъ, какъ стоимость прибавляемыхъ ими силъ. Въ механикѣ нѣтъ обыкновенія измѣрять человѣческій трудъ лошадиною силою (15 пудофутовъ); но всякій инженеръ не затруднится признать, что производительная сила человѣческаго труда во всякомъ случаѣ не менѣе силы лошади.

Исходя изъ такого грубаго, хотя въ общемъ вѣрнаго расчета, пришлось-бы отчислить изъ всей прибыли на долю рабочихъ $^3/_4$, и $^1/_4$ на долю капиталистовъ. Мы вовсе не настаиваемъ на удобопримѣнимости подобнаго сравненія человѣка съ лошадью, но даже и при такомъ униженіи человѣка, приходится признать вѣрность положенія: участія рабочихъ въ пользованіи прибылью предпріятія. Вообще-же это участіе истекаетъ изъ того положенія, что рабочій во всякомъ производствѣ, даже безъ участія машинъ, вырабатываетъ болѣе того, что идетъ на его содержаніе.

При подобномъ участіи рабочихъ въ прибыляхъ предпріятія, когда рабочіе имѣли-бы достаточное удовлетвореніе жизненныхъ потребностей и сверхъ того возможность дѣлать сбереженія, въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ получилось бы то явленіе, что процентъ на капиталъ, понижаясь все болѣе и болѣе, современемъ ниспалъ бы до ноля. Природа основного капитала не была достаточно изслѣдована и экономистами общей классической школы; представлялось, какъ будто увеличенію основного капитала и прибыли нѣтъ предѣла, такъ что получилась бы та геометрическая прогрессія, о которой мы говорили выше. Но увеличеніе капитала имѣетъ свой предѣлъ; въ первый разъ это бросилось въ глаза при изслѣдованіи природы капитала, вложеннаго въ землю: если бы увеличенію производительности его не было предѣла, то слѣдовало бы, что одна десятина, при затратѣ на нее все большаго и большаго

капитала, могла бы дать хлѣба столько-же, сколько даютъ сто, тысяча десятинъ. Далеко не такъ: первый дюймъ навоза, вложеннаго въ землю, даетъ при урожаѣ возвратъ его стоимости съ бо́льшею прибылью, второй съ мéньшею и т. д.; такъ что скоро навозъ не окупаетъ своей стоимости, гдѣ и — предѣлъ. То же примѣнимо къ основному капиталу въ обрабатывающей промышленности (Д. С. Милль, Уэкфильдъ, Вильямъ Элисъ). Столяру нуженъ, положимъ, въ качествѣ основного капитала: верстакъ, инструменты извѣстнаго качества и въ извѣстномъ количествѣ; но болѣе трехъ пилъ ему не нужно, излишне имѣть также три топора; если бы онъ вздумалъ увеличивать нерасчетливо свой основной капиталъ, пріобрѣтя, напримѣръ, электро-техническій приборъ для движенія коловорота и для другихъ операцій, то скоро-бы убѣдился, что онъ не окупаетъ своей стоимости, хотя облегчаетъ работу, т. е. даетъ въ день 50 копѣекъ лишнихъ, а изнашивается на 1 рубль. Для сапожника нужно еще менѣе основного капитала; на фабрикахъ и заводахъ вкладывается основного капитала — больше, но если раздѣлить стоимость его на число занятыхъ на нихъ рабочихъ, то на каждаго рабочаго придется нѣсколько сотъ рублей. При хорошемъ техническомъ устройствѣ машинъ и аппаратовъ дальнѣйшее увеличеніе капитала безполезно, такъ какъ не будетъ оправдывать издержекъ производства. Конечно, при развитіи знаній и производительности труда, потребность въ основномъ капиталѣ будетъ увеличиваться, но всегда будетъ и легко достигаемый предѣлъ. Часто очень легко разсуждаютъ о примѣнимости научныхъ открытій къ производству, не зная ни экономическихъ, ни физико-химическихъ законовъ. Чего-бы проще, казалось, замѣнить дрова и уголь водороднымъ топливомъ, добываемымъ изъ воды? Изъ химіи, однако, извѣстно, что для разъединенія водорода и кислорода воды, надо затратить болѣе тепла, чѣмъ сколько его будетъ обратно получено при сгораніи водорода. Еслибы рабочіе, имѣя возможность дѣлать сбереженія, пріобрѣли орудія производства, то предѣлъ накопленія капиталовъ скоро былъ-бы достигнутъ. Развивающіяся знанія требовали-бы, конечно, новыхъ затратъ, но, разъ рабочіе были-бы хозяевами, они, при постепенномъ развитіи техники и механики, даже заранѣе приготовляли-бы капиталъ для улучшеній; мы видимъ, что затраты, необходимыя на новыя улучшенія, даже и теперь учитываются напередъ промышленной статистикой, и предприниматели-капиталисты напередъ отчисляютъ для этой цѣли извѣстный фондъ. Обладая орудіями производства, рабочіе болѣе не нуждались-бы въ услугахъ капиталистовъ; Д. С. Милль (Осн. полит. эконом. т. I) приводитъ примѣръ подобной непригодности для дѣла капитала изъ жизни новыхъ колоній, напримѣръ колоніи Лебяжьей рѣки

(Swan River); такъ какъ рабочія силы были тамъ достаточно снабжены капиталомъ, то капиталъ пропадалъ безслѣдно по недостатку нуждающихся въ немъ рабочихъ силъ. Насколько осуществленіе подобнаго состоянія возможно, укажемъ на одинъ фактъ изъ русской жизни: въ прошломъ году Правительство продало акціонерному обществу Мальцовскіе заводы за $9^1/_2$ милліоновъ рублей, съ уплатою впередъ трехъ милліоновъ и съ разсрочкою остального долга на многіе годы на весьма льготныхъ условіяхъ, т. е., выражаясь языкомъ политической экономіи, уступило ему за эту сумму основной капиталъ, заключающійся въ землѣ, около 200 тысячъ десятинъ съ лѣсами, фабричными и заводскими строеніями, печами, машинами и проч. На этомъ обширномъ пространствѣ, вмѣщающемъ въ себѣ болѣе двадцати фабрикъ и заводовъ, обитаетъ около 250 тысячъ населенія, изъ которыхъ надо считать около 100 тысячъ самостоятельныхъ рабочихъ силъ: до 12 тысячъ мастеровыхъ, занятыхъ на фабрикахъ и заводахъ, до 50 тысячъ крестьянъ, занятыхъ копаніемъ руды, глины, песку, колкою, возкою, рубкою дровъ и проч., остальные хотя занимаются хлѣбопашествомъ, но имѣютъ соприкосновеніе съ общею промышленностью. Если-бы у каждаго изъ этихъ 100 тысячъ рабочихъ было свободныхъ средствъ по 30-ти рублей, они могли бы пріобрѣсти всѣ заводы, уплативъ впередъ три милліона, и оставшійся долгъ легко бы уплачивали по частямъ изъ своего хорошаго дохода (въ 1893 г. чистый доходъ предпріятія былъ 950 т. р., а въ 1894 году—1 милліонъ 100 т. р.) Изъ того-же источника они могли-бы сдѣлать всѣ требуемыя современной техникой улучшенія и были-бы вмѣстѣ капиталистами и рабочими, не прибѣгая къ займамъ за проценты.

Само собою, что подобное насыщеніе рабочихъ силъ ихъ собственными капиталами могло-бы совершиться не скоро; надо было-бы, помимо улучшенія ихъ средствъ существованія,—развитіе среди нихъ бережливости, высокаго духа общинности для хозяйственнаго самоуправленія. Но даже, если-бы въ извѣстной странѣ всѣ рабочія силы были снабжены собственными капиталами, оставались-бы другія менѣе развитыя страны и народы, гдѣ капиталисты могли-бы помѣщать капиталы подъ проценты такъ, что они могли-бы быть спокойны за судьбу своихъ дѣтей и внуковъ, хотя для послѣднихъ болѣе было-бы пользы перейти въ разрядъ образованныхъ тружениковъ, хорошо оплачиваемыхъ, чѣмъ гоняться за процентами на дѣдовскіе капиталы. Оставляя будущее и возвращаясь къ настоящей дѣйствительности, мы естественно должны отвѣтить на вопросъ: отчего въ дѣйствительности не происходитъ ничего подобнаго? Если свойство капитала таково, что онъ не можетъ безгранично увеличиваться, но имѣетъ свой предѣлъ, что на каждую рабочую

силу потребно его лишь въ опредѣленномъ количествѣ, то, казалось бы, что и капиталисты, какъ нынѣ рабочіе, должны были-бы вступать въ соперничество другъ съ другомъ по отношенію къ рабочимъ, послѣдствіемъ чего явилось-бы уменьшеніе прибыли и увеличеніе рабочей платы. Положимъ, что на каждую рабочую силу потребно всего капитала на сто рублей, но въ данной, положимъ, мѣстности общая сумма капиталовъ, предлагаемыхъ въ дѣло, уже такова, что если раздѣлить ее на количество рабочихъ, то получится болѣе этой нормы; естественно, что капиталисты, боясь какъ бы ихъ капиталы не остались безъ примѣненія, должны соперничать другъ съ другомъ и увеличивать рабочую плату, что отразилось бы въ свою очередь на пониженіи прибыли. Чтобы уяснить этотъ вопросъ, надо было-бы прослѣдить вліяніе еще одного очень важнаго дѣятеля въ экономической жизни — денегъ, какъ орудій обмѣна; этотъ факторъ имѣетъ громадное значеніе на развитіе и задержку производства, на высоту процента и прибыли на капиталъ и заработной платы. Въ одной изъ послѣдующихъ статей мы намѣрены, подробно говорить объ этомъ вопросѣ, ибо касаться его вскользь значитъ быть непонятымъ. Поэтому ограничимся только короткими замѣчаніями, нужными для цѣлей настоящей статьи: при нынѣшней системѣ хозяйства, основанной на сложномъ общественномъ раздѣленіи труда, обмѣнъ является необходимымъ условіемъ всякаго предпріятія, такъ что орудія обмѣна (денежныя знаки) являются главными орудіями и производства. Но при постепенно развивающемся обмѣнѣ почти постоянно замѣчается недостатокъ въ орудіяхъ обмѣна, такъ какъ добываніе металлическихъ знаковъ ограничено условіями природы, а правительственные кредитные знаки (бумажныя деньги), при нынѣшнемъ способѣ ихъ выпуска, имѣютъ свойство, съ каждымъ дальнѣйшимъ ихъ выпускомъ, понижаться въ цѣнѣ (?), т. е. увеличивать цѣну товаровъ, что значительно препятствуетъ обращенію продуктовъ. Но такъ какъ каждый предприниматель стремится обратить свои товары въ деньги, что бы снова продолжать производство и снова обратить товары въ деньги, а денегъ, какъ орудій обмѣна, часто не хватаетъ для потребностей, то послѣдствіемъ этого являются: отсутствіе сбыта товаровъ, ихъ залежалость, банкротство капиталистовъ, вслѣдствіе соперничества ихъ другъ съ другомъ по отношенію къ покупателямъ, промышленные кризисы, застой въ работахъ, безработица, закрытіе производства, часто — опустѣніе фабрикъ и даже обращеніе въ ломъ машинъ и орудій. При такомъ порядкѣ, капиталы въ общемъ не могутъ расти и достигнуть своего предѣла, а рабочая плата опредѣляется при самыхъ тяжкихъ условіяхъ положенія рабочаго.

Сдѣлаемъ общіе выводы, касающіеся нравственной и правовой стороны затронутыхъ нами вопросовъ. Свободно-договорныя отношенія, въ которыя вступаютъ рабочіе съ капиталистами, хотя опредѣляются ихъ соглашеніями, но соглашенія эти нельзя назвать добровольными и непринужденными со стороны рабочихъ. Рабочіе очень часто вступаютъ въ соглашенія, принужденные стѣсненными обстоятельствами принять тѣ условія, которыя имъ предлагаютъ; вслѣдствіе того они не получаютъ того, что имъ слѣдуетъ по началамъ естественной справедливости; не получаютъ всего того продукта, который, какъ плодъ ихъ дѣятельности, принадлежитъ имъ. Количества долей, слѣдующихъ изъ общей суммы дохода предпріятія—рабочему и капиталисту, трудно опредѣлимы, ибо: результаты дѣятельности живой личности и дѣйствія мертваго капитала (напримѣръ машинъ) точному сравненію не поддаются. Тѣмъ не менѣе, рабочимъ изъ общаго дохода предпріятія должно быть предоставлено такое вознагражденіе за ихъ трудъ, которое удовлетворяло-бы ихъ жизненныя потребности и давало-бы имъ возможность дѣлать сбереженія и съ теченіемъ времени стать самостоятельными хозяевами Хотя право на полный продуктъ труда рабочаго неправильно понято соціалъ-демократической партіей Западной Европы, и во всякомъ случаѣ это право не можетъ вмѣщать въ себѣ права на экспропріяцію имуществъ собственниковъ, но опредѣленіе рабочей платы нельзя предоставить одному свободному соглашенію сторонъ. Надежды на улучшеніи быта рабочихъ, если ихъ отношенія къ хозяевамъ будутъ опредѣляемы однимъ этимъ началомъ,—нѣтъ. Отношенія эти могутъ быть правильно поставлены не иначе, какъ посредствомъ дѣятельности государственной власти. Въ проведеніи какихъ правовыхъ положеній должна обнаружиться эта дѣятельность государства по отношенію къ народному хозяйству, мы и постараемся изслѣдовать. Но такъ какъ мы имѣемъ въ виду собственно интересы Родной Земли, правильное развитіе въ которой промышленности составляетъ въ настоящее время насущную потребность, то для того, чтобы разрѣшить эти вопросы, въ примѣненіи къ Россіи, мы должны познакомиться съ кореннымъ правовоззрѣніемъ Русскаго Народа на экономическія отношенія, которое выплилось, главнымъ образомъ, въ обычномъ правѣ Русскаго Народа, сложившемся подъ вліяніемъ завѣтовъ древнехристіанской св. Церкви и положившемъ печать и на Русское Законодательство, хотя не въ общемъ гражданскомъ правѣ, но въ другихъ его отдѣлахъ, преимущественно въ великомъ „Положеніи 19 февраля 1861 года“.

К. Ф. Одарченко.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Свобода, любовь и вѣра.

(Продолженіе).

„Вообще государство, по ученію г. Соловьева“, передаетъ намъ г. Тихомировъ, „не должно дѣлать никакихъ различій между различными вѣроисповѣданіями и народностями, то есть, другими словами, должно стать *вѣроисповѣдно и національно-безразличнымъ*“. (Мы сохраняемъ вездѣ курсивъ и ковычки подлинника). „Иначе оно не будетъ „христіанскимъ“. Г. Соловьевъ отрицаетъ даже право правительственныхъ лицъ, какъ русскихъ и православныхъ, „принудительно“ охранять и распространять предполагаемую истину православія. Г. Соловьевъ здѣсь какъ бы самъ устрашился величія нелѣпости, къ какой приводитъ его діалектика, и для смягченія этой нелѣпости ввелъ слово „принудительно“. Это малодушіе автора, однако, ничуть не выручаетъ его. По точному смыслу аргументаціи г. Соловьева, неизбѣжно заключеніе, что не только *принудительно*, а вообще никакими облегченіями, поощреніями и т. п. глава государства не имѣетъ права поддерживать своихъ единовѣрцевъ и единоплеменниковъ, ибо *всякое преимущество*, имъ данное, столь же нарушаетъ равноправность, какъ и мѣры принужденія противъ иновѣрцевъ или иноплеменниковъ. Вѣдь мы не можемъ желать, чтобы другіе имѣли болѣе удобствъ дѣйствія, нежели мы. Стало быть, и своимъ мы не должны давать никакихъ преимуществъ въ средствахъ существованія и дѣйствія“.

Приведя цѣликомъ всю эту тираду, займемся тщательнымъ и подробнымъ разсмотрѣніемъ ея по частямъ.

Г. Тихомировъ возстаетъ противъ государства, не дѣлающаго никакого различія между различными вѣроисповѣданіями (національность мы оставимъ пока совершенно въ сторонѣ) и слѣдовательно *вѣроисповѣдно безразличнаго*. Допустимъ даже, что онъ въ этомъ отношеніи правъ. Но развѣ отсутствіе „принудительнаго охраненія и распространенія предполагаемой истины“ непредоставленіе одинаковыхъ правъ всѣмъ вѣроисповѣданіямъ вообще дѣлало бы государство обязательно вѣроисповѣдно безразличнымъ? Развѣ государство не могло бы осуществлять идею вѣроисповѣданія, и въ данномъ случаѣ именно христіанскаго, и притомъ

православнаго,—и не предоставляя единовѣрцамъ своимъ преимуществъ, поощреній, облегченій и вообще не нарушая нисколько принципа равноправности? Какъ будто бы вѣра и проявленіе вѣры непремѣнно должны заключаться и выражаться только въ принужденіи къ ней однихъ, поощреніи къ ней другихъ черезъ предоставленіе исповѣдующимъ ее нѣкоторыхъ особенныхъ правъ и преимуществъ и лишеніе этихъ правъ и преимуществъ всѣхъ тѣхъ, кто ея не исповѣдуетъ! *Государство можетъ создавать свой строй и государственное право свое по началамъ того вѣроисповѣданія, которому оно отдаетъ преимущество, и при полномъ тожествѣ частнаго права для всѣхъ своихъ подданныхъ.* Пусть строители государства осуществляютъ православную вѣру свою и особенности православія, понасколько это возможно, въ строѣ и характерѣ государственныхъ учрежденій, но пусть дѣлаютъ они это только изъ желанія улучшить государственный строй и государственныя учрежденія, а не изъ желанія оказать этимъ услугу самому православію черезъ принужденіе иновѣрцевъ и инославныхъ ради охраненія и распространенія истины православія, а точно также и черезъ поощренія, облегченія и предоставленіе преимуществъ самимъ православнымъ въ качествѣ земной, отъ имени государства исходящей имъ награды за ихъ православность, за религіозныя ихъ убѣжденія! Ясно, что это было бы довольно нелѣпо, если бы оставалось безъ послѣдствій для цѣлей охраненія и распространенія; въ противномъ же случаѣ государство, дѣйствуя такъ, волею-неволею фабриковало бы только лже-православныхъ людей, фарисеевъ и кандидатовъ въ Іуды-предатели, т. е. подрывало бы самое православіе, а въ немъ и ту силу, на которой оно, въ качествѣ православнаго, зиждется и которую стремится воплотить въ своихъ учрежденіяхъ.

Совмѣстимость вѣроисповѣднаго зодчества со стороны государства, руководствующагося извѣстнымъ вѣроисповѣданіемъ, какъ главною основою законодательной дѣятельности своей, съ безразличнымъ предоставленіемъ государственныхъ правъ представителямъ всѣхъ вѣроисповѣданій, ясно выказалась на первыхъ порахъ существованія христіанскаго государства наряду съ христіанскою церковью. Государство, сдѣлавшись христіанскимъ, тотчасъ же преобразовалось въ самомъ себѣ цѣлымъ рядомъ реформъ. Тотчасъ же уничтожена была смертная казнь черезъ распятіе, воспрещено клейменіе преступниковъ, мужчины и женщины въ тюрьмахъ отдѣлены другъ отъ друга, ослаблены законы о рабствѣ, воспрещено раздѣленіе семействъ рабовъ при продажѣ; евреямъ, еретикамъ и язычникамъ воспрещено имѣть христіанскихъ рабовъ, освобожденію рабовъ оказывалось со стороны государства поощреніе и покрови-

тельство, цирковыя игры упразднены, а также гладіаторскія игры, въ качествѣ казни для приговоренныхъ преступниковъ; воскресенье признано днемъ присутственнымъ наравнѣ съ языческими празднествами и т. п. Конечно, преобразованія эти могли идти и гораздо далѣе. Смертная казнь могла быть воспрещена и вообще. Имѣть рабовъ могло быть запрещено и всѣмъ вообще, а не только еретикамъ, евреямъ и язычникамъ. Черезъ это бы не ослабѣвалъ, а только усиливался бы христіанскій, вѣроисповѣдный характеръ государства, и трудно даже сказать, насколько улучшился и видоизмѣнился бы строй государства, если бы въ творческой дѣятельности своей руководилось оно именно вѣроисповѣднымъ началомъ христіанства, при полномъ безразличіи въ предоставленіи правъ представителямъ различныхъ вѣроисповѣданій, при полной ненарушимости обязательнаго для христіанъ правила равноправности. Нѣкоторые отдѣльные случаи столкновенія и встрѣчи правъ могли бы весьма легко быть обходимы. Совершенно понятно, что православно-христіанское государство имѣло бы нѣкоторые оттѣнки, отличающіе его отъ государствъ иныхъ христіанскихъ исповѣданій, и было бы идеально христіанскимъ государствомъ. Все это говоримъ мы для того, чтобы доказать, что государство, будучи строго-вѣроисповѣднымъ по духу своему и творческой дѣятельности, можетъ быть и вѣроисповѣдно безразличнымъ по раздачѣ правъ, преимуществъ и привилегій, по отношенію своему къ представителямъ всѣхъ вообще вѣроисповѣданій и къ правоспособности самихъ вѣроисповѣданій. Вольно же г. Тихомирову и единомышленникамъ его усматривать возможность ревности къ вѣрѣ и радѣнія о вѣрѣ только въ томъ или иномъ видѣ награжденія со стороны государства всѣхъ вѣрующихъ тако и въ томъ или другомъ видѣ стѣсненія всѣхъ вѣрующихъ инако. Итакъ, безразличность отношенія къ различнымъ вѣроисповѣданіямъ, въ видѣ терпѣнія, равноправности ихъ, отнюдь не тождественна съ вѣроисповѣдною безразличностью самого государства, какъ это представляется г. Тихомирову.

Это и требовалось намъ доказать.

„Г. Соловьевъ отрицаетъ *даже*“ (курсивъ нашъ) „право правительственныхъ лицъ, какъ русскихъ и православныхъ, *принудительно*“ (курсивъ подлинника) „охранять истину православія“. Г. Соловьевъ здѣсь какъ бы самъ устрашился величія нелѣпости, къ какой приводитъ его діалектика, и для *смягченія* этой нелѣпости (курсивъ нашъ) ввелъ слово „принудительно“. По точному смыслу аргументаціи г. Соловьева, неизбѣжно заключеніе, что не только *принудительно*, а вообще никакими облегченіями, поощреніями и т. п. глава государства и т. д.

Обратимъ вниманіе на то, что словомъ *„принудительно“* г. Соловьевъ, по мнѣнію г. Тихомирова, только *смягчаетъ*, а не устраняетъ всецѣло „величіе нелѣпости“ своего требованія. Мы полагаемъ, что г. Соловьевъ и отрицалъ только право („даже право“, какъ говоритъ г. Тихомировъ) правительственныхъ лицъ „охранять и распространять истину православія“. Но зато и г. Тихомировъ почему-то не рѣшаетъ вопроса о возможности или невозможности *принужденія*, о религіозной и юридической правотѣ его, тщательно обходитъ необходимость о немъ высказаться, давая полную возможность изъ этого, какъ и изъ другихъ мѣстъ труда заключать о его сочувствіи именно принужденію, хотя бы и не кровопролитному. Оговорка относительно вставки г. Соловьевымъ слова „принудительно“ и является именно желаніемъ увильнуть отъ необходимости прямо высказаться по этому вопросу. Никто не станетъ, конечно, отрицать, что „правительственныя лица“ остаются людьми-же, а у насъ на Руси еще зачастую и русскими и православными, а потому въ качествѣ частныхъ людей въ сферѣ совершенно частной своей дѣятельности имѣютъ безспорное право „распространять и охранять религіозную истину“. Въ томъ, что королева Викторія издала свою Meditation sur la religion, а графъ Валуевъ писалъ благочестивыя размышленія и религіозныя стихотворенія, нельзя было усматривать и тѣни посягательства на чью бы то ни было религіозную свободу. Генрихъ VIII, англійскій, не тѣмъ заслужилъ осужденіе со стороны ревнителей свободы, что написалъ свою „Защиту семи таинствъ“ противъ Лютера и еще болѣе знаменитое сатирическое письмо къ тому же реформатору, что онъ могъ дѣлать, а можетъ быть и дѣлалъ въ качествѣ совершенно частнаго человѣка, а—своею дѣятельностью въ области религіи въ качествѣ имени „правительственнаго лица“. Такимъ образомъ, обсуждаемому вопросу необходимо придать нѣсколько иную постановку: Имѣютъ ли право русскіе и православные люди, въ качествѣ правительственныхъ лицъ, распространять и охранять религіозную истину, т. е. истину православія? Но что значитъ распространять и охранять въ качествѣ правительственныхъ лицъ? Разумѣется, не что иное, какъ: при помощи тѣхъ средствъ, которыми обладаютъ они, какъ правительственныя лица, и которыми не обладаютъ и не могутъ обладать частныя лица. Но въ чемъ же заключается это ихъ отличительное, исключительно имъ принадлежащее право? Отвѣтъ можетъ быть только одинъ: въ предоставленной имъ государствомъ власти; въ возможности принуждать, требовать повиновенія, приказывать, приневоливать, производить тотъ или другой, необходимый для достиженія, видъ насилія. Правительственныя лица могутъ, разумѣется, въ качествѣ таковыхъ „охранять и распространять истину православія“ только въ томъ

случаѣ, если имъ даетъ на то право, уполномочиваетъ ихъ къ тому государство. Но государство, само по себѣ не имѣя непосредственно религіознаго назначенія, въ свою очередь не имѣло бы этого права, если бы не было къ тому призвано, уполномочено... Кѣмъ?—Отвѣтъ для христіанина и притомъ православнаго можетъ быть только одинъ:—Церковью. Государство имѣло бы такое право только въ томъ случаѣ, если бы его уполномочила для того Церковь, сдѣлавъ его орудіемъ достиженія своихъ цѣлей.

Логичность такого уполномочиванія ясно признавалась на Западѣ и послужила основаніемъ для изобрѣтенія и выработки цѣлой системы, опредѣляющей отношеніе между государственною властью и церковью, получившей окончательное выраженіе свое въ теоріи двухъ мечей. „На тверди небесной, гласитъ напр. булла Инокентія III, т. е. въ церкви вселенской создалъ Богъ два великихъ свѣтильника, т. е.—двѣ власти: первосвященническую и царскую. Но власть духовная, т. е. первосвященническая, больше власти тѣлесной, т. е. царской, и каково различіе между солнцемъ и луною, таково же и различіе между первосвященниками и царями. (Corpus juris canonici. Cap. 6. X de majoritate et obedientia 1, 33). Въ постановленіяхъ 6-го Парижскаго собора отъ 829 года мы читаемъ: „Мы знаемъ, что съ самаго сызначала все тѣло святой церкви Божіей, какъ приняли мы по преданію святыхъ отцевъ, раздѣляется на двѣ великія особи—первосвященническую и царскую“ (in duas eximias personas divisum esse—sacerdotalem et regalem). „Саксонское земское право“ есть памятникъ гражданскаго права, а не церковнаго; но оно внушено и проредактировано въ соотвѣтствующемъ отношеніи церковью. Въ первомъ же параграфѣ этого устава говорится со ссылкою на Евангеліе отъ Луки XXII 38: „Два меча создалъ Богъ на землѣ для *охраненія* христіанства: папѣ врученъ мечъ духовный, императору свѣтскій“. По толкованію глоссы къ этому параграфу, „когда ученики сказали Христу: вотъ два меча, Христосъ отвѣтилъ имъ: довольно есть. Эти два меча изображаютъ духовную и мірскую власть. Первый мечъ принялъ Петръ и теперь владѣетъ имъ папа; другой мечъ взялъ Іоаннъ, а теперь имѣетъ его императоръ“. Въ посланіи къ папѣ Евгенію Бернардъ Клервалійскій развиваетъ подробно теорію двухъ мечей, останавливая вниманіе папы на словѣ: „довольно“ и на томъ, что Христосъ велѣлъ предварительно добыть одинъ только мечъ, которымъ долженъ былъ бы владѣть только одинъ человѣкъ, но когда Ему сказали: вотъ два меча, онъ сказалъ: довольно, — а не сказалъ, что уже слишкомъ. Отсюда, заключаетъ Бернардъ, ясно слѣдуетъ, что оба меча находятся въ рукахъ Петра и его преемниковъ. Первый мечъ — духовный, и ты имъ владѣешь непосредственно, но и второй мечъ также днаъ тебѣ, и

находится въ твоихъ рукахъ и ты владѣешь имъ, но не непосредственно, а рукою императора.

Итакъ, государство на Западѣ явно получало свое религіозное полномочіе отъ Церкви, хотя и становилося черезъ то въ зависящее отъ нея положеніе. Намъ, православнымъ, трудно указать на такую уполномочивающую хартію, по той простой причинѣ, что ея не имѣлось и не имѣется. А между тѣмъ право государство «на охраненіе и распространеніе истины православія» для своего существованія требуетъ именно такого полномочія. Необходимо представляется самъ собою вопросъ: уполномочиваетъ ли Церковь государство и государственную власть зависящими отъ нихъ средствами распространять религіозную истину и охранять ея чистоту?

Спросимъ объ этомъ у самой Церкви. Пусть сама Церковь устами величайшихъ своихъ святителей и лучшихъ своихъ представителей отвѣтитъ намъ на этотъ вопросъ.

«Не прискорбно ли, говоритъ св. Иларій Пиктавійскій, что въ наши дни достигаютъ безумія вѣрить, что можно и должно двигать дѣло Божіе средствами человѣческими и искать покровительства для Церкви Христовой у временной, мірской власти? Скажите же мнѣ, вы,—настоящіе епископы, и вы, мнящіе себя таковыми,—какими средствами пользовались апостолы для распространенія благовѣствованія? Развѣ они обладали какою либо мірскою властью для того, чтобы проповѣдывать Христа и приводить къ Нему языческіе народы? Получали ли они титулы и достоинства отъ римскаго двора,—они, проживавшіе нерѣдко въ цѣпяхъ и въ темницахъ? Посланія апостольскія отмѣчены ли именами дворцовъ и резиденцій? Ключи царствія небеснаго не находились ли въ рукахъ, которымъ трудъ доставлялъ пропитаніе? Но теперь, увы, повсюду мы видимъ совершенно противуположное. Не стремятся болѣе привлекать людей къ христіанству, побѣждая сердце ихъ любовью и разумомъ (amore et ingenio) и какъ бы увлекая ихъ божественною силою, но насиліемъ желаютъ принуждать къ вѣрѣ. Церковь, нѣкогда доказывавшая истину мученіями, которымъ она подвергалась, грозитъ теперь людямъ и устрашаетъ ихъ ссылками, темницей и смертью. Забывая, что нельзя повелѣвать вѣрить, они желаютъ, исторгая мощь и великолѣпіе у міра, у того самаго міра, которымъ она должна быть ненавидима, если желаетъ быть Церковью Божіею. Такимъ образомъ подъ плащомъ религіи они увлекаютъ государя на ложные пути, требуютъ отъ него слѣдствій, помощи судовъ, поддержки со стороны царственной власти его и не краснѣютъ отъ такой извращенности» (Ad. Constant I, 6).

Справедливость побуждаетъ насъ сказать, что св. Иларій говоритъ не столько о дѣятельности епископовъ православныхъ, сколько о дѣятельности епископовъ аріанскихъ или аріанствующихъ: „Скажите мнѣ вы, настоящіе епископы, и вы, мнящіе себя таковыми“.

Разсчетъ на государственную власть въ дѣлѣ распространенія и охраненія религіозныхъ убѣжденій является и въ устахъ другаго отца Церкви принадлежностью и свойствомъ ереси, а не православія. „Въ наши времена, говоритъ св. Аѳанасій Великій, возстало страшное чудовище, т. е. ересь, не только кусающая вокругъ себя рѣчами своими и преслѣдующая клеветами и оскорбленіями прямыхъ и благочестивыхъ людей, но и призывающая мірскую власть себѣ на помощь... Не мечомъ и не войною возвѣщается истина, но убѣжденіемъ и обсужденіемъ. А можетъ ли убѣжденіе быть свободнымъ, когда боятся императора? Какое возможно обсужденіе, когда защищающій убѣжденія свои получаетъ въ награду мученія и даже смерть? Прибѣгая къ власти и насилію надъ человѣкомъ и надъ волей его, вы доказываете, что не имѣете довѣрія къ вѣрѣ своей, не вѣрите въ свое убѣжденіе. Христосъ такъ полонъ милости, что говоритъ людямъ: „хочетъ ли кто слѣдовать за Мною?“ Истина распространяется не властью, не мечомъ, не вооруженными толпами, но убѣжденіемъ и моленіемъ“. (Historia arianismi, c. 5). Обращаемъ вниманіе на то, что, по словамъ Аѳанасія, всякій разсчетъ на помощь внѣшней власти и внѣшняго насилія есть признакъ невѣрія въ вѣру свою.

„Ничто, говоритъ Григорій Назіанзинъ, не противится такъ духу истинной Церкви, какъ внѣшнее принужденіе. Мы должны предоставить принужденіе это нашимъ врагамъ, вести борьбу только съ пороками міра и даже не допускать возжигаться въ сердцахъ нашихъ чувству ненависти къ тѣмъ, кто ненавидитъ насъ и преслѣдуетъ. (Orat 25 (Al. 23), in laudem Heronis, 8).

Тотъ же отецъ Церкви возстаетъ и противъ излишняго усердія въ обличеніи и розыскиваніи неправовѣрія. „Не осуждай брата своего, говоритъ онъ, не называй нетвердость его безбожіемъ и не заходи легкомысленно слишкомъ далеко, обвиняя его или оправдывая. Будь смиренъ въ этомъ дѣлѣ. Отдавай брату преимущество передъ собою и это не послужитъ тебѣ ко вреду, ибо въ этомъ отношеніи осужденіе и презрѣніе является не инымъ чѣмъ либо, какъ устраненіемъ брата своего отъ Христа и единственной надежды на спасеніе, при чемъ скрытый плодъ, можетъ быть болѣе достойный, чѣмъ самъ ты, вырывается вмѣстѣ съ плевелами. Поднимай брата мягко и любовно, не какъ противникъ, не какъ любящій насиліе врачъ, умѣющій только выжигать и вы-

рѣзывать. Познавай лучше въ смиреніи самого себя и собственную слабость свою. По истинѣ не все одно и тоже: вырвать растеніе, преходящій цвѣтокъ, или вырвать человѣка. Ты подобіе Божіе и имѣешь дѣло съ подобіемъ Божіимъ-же, и ты—судящій—самъ судимъ будешь". (Orat. XXXIII, 29).

Даже святой на папскомъ тронѣ не иначе, чѣмъ всѣ остальные отцы Церкви, смотрѣлъ на противуцерковность всяческаго принужденія, несмотря на посѣянныя уже на Западѣ сѣмена иноученія. „Любовь, говоритъ св. Григорій, Папа Римскій, составляетъ отличительную черту христіанскаго учителя. Оттого-то до сихъ поръ и не слыхано здѣсь желаніе насиліемъ принуждать людей къ вѣрѣ или къ отказу отъ вѣры и убѣжденій (Lib. III. Epist 53 (52) ad Johann episcop. Const). „Истинная Церковь не преслѣдуетъ своихъ преслѣдователей даже. Когда преслѣдуютъ ее словомъ, она получаетъ болѣе свѣта; когда преслѣдуютъ ее дѣлами, она возрастаетъ силою въ терпѣніи (Moralium lib. 19 in Joh., cap. 29, n. 16). Употребляющій для убѣжденія брата своего иныя средства, чѣмъ разумные доводы, которыми стремится онъ передать ему собственныя свои убѣжденія, явно доказываетъ тѣмъ, что онъ радѣетъ не о дѣлѣ Божіемъ, а о собственномъ своемъ дѣлѣ. (Lib. 13. Ep. 12 (15) ad Paul. Ep.).

Мужественно встрѣчая гоненія и преслѣдованія, которымъ подвергалась Церковь, христіане самую вѣру въ возможность дѣйствовать путемъ насилія и принужденія на какія бы то ни было религіозныя убѣжденія почитали заблужденіемъ, неразуміемъ, свойственнымъ и возможнымъ одному только вымирающему уже язычеству. «Нельзя, говоритъ Іустинъ мученикъ, оправдывать гоненій, которыя воздвигаются противъ людей, имѣющихъ другую религію и достаточно честныхъ для того, чтобы не скрывать своихъ вѣрованій и не выказывать лицемѣрно убѣжденій, которыхъ въ дѣйствительности у нихъ нѣтъ. Нужно предполагать, что сильные міра сего боятся, какъ бы весь міръ не сталъ на сторону добродѣтели и не лишилъ ихъ возможности проявлять долѣе свою строгость. Но такой страхъ былъ бы достоинъ палача, а не императора. (Первая апологія гл. II, III, IV и XII).

Ясно провидѣлъ плоды всяческаго принужденія въ дѣлѣ вѣры Тертуліанъ. „Бойтесь, восклицаетъ онъ въ своей апологіи, порождать и и узаконивать невѣріе, уничтожая свободу вѣры и свободное произволеніе Божества, воспрещая мнѣ чтить, что хочу я, и принуждая чтить то, чего не хочу. Гдѣ найдется Богъ, любящій вынужденное поклоненіе"? (*Tertlulianus* Apologet, c. 23) О, высота безбожія! о, позоръ безпримѣрный! Завели обычай воспрещать поклоненіе Божеству, свободно, по

требованіямъ человѣческой воли, такъ что нельзя уже быть Богомъ безъ сенатскаго опредѣленія. Нѣтъ ничего нерелигіознѣе религіознаго принужденія". (Ad nationes c. 10). Нѣтъ ничего безвѣрнѣе такъ или иначе вынужденной вѣры!

Этими примѣрами изъ святыхъ отцевъ пополняемъ мы собраніе такихъ же требованій съ ихъ стороны религіозной свободы, приведенное нами двадцать лѣтъ тому назадъ въ нашихъ статьяхъ „Вопросъ о свободѣ совѣсти".

Итакъ, послѣ такихъ примѣровъ, мыслимо ли предположеніе, что Церковь уполномочила или уполномочиваетъ государство присущими ему средствами, всегда подразумѣвающими власть и принужденіе, „охранять и распространять религіозную истину, ею исповѣдуемую, а вслѣдствіе того и передавать это полномочіе „правительственнымъ лицамъ", какъ своимъ агентамъ? Нѣтъ! Какъ Божій день ясно и очевидно, что Церковь прямо и безусловно отказывалась отъ такой охраны и распространенія и категорически воспрещала всякую такую охрану, понаскольку она могла воспрещать что-либо государству, не спрашивавшему ея позволеній и правоспособному производить такую охрану не только помимо ея разрѣшеній, но даже и вопреки категорическимъ ея воспрещеніямъ. Предоставляемъ защитникамъ религіознаго стѣсненія и дѣйствія путемъ какого бы то ни было принужденія къ религіи всякіе, какіе ни заблагоразсудится, доводы, но устраняемъ логическую возможность говорить отъ имени Церкви и во имя ея интересовъ. Или эти интересы были чужды для Аѳанасія Великаго, Григорія Назіанзина, Иларія Пиктавійскаго, Григорія Великаго и др.? Или они были къ нимъ менѣе чутки, чѣмъ современные усердствователи? Или эти столпы христіанства и православія хуже постигали и понимали истинную сущность интересовъ церковныхъ, чѣмъ г. Тихомировъ и ему подобные?

* *
*

До сихъ поръ мы говорили о принужденіи прямомъ, непосредственномъ, явномъ, открытомъ, а потому, несмотря на зловредность свою и нелѣпость, сравнительно честномъ и благоразумномъ. Такое принужденіе направляется прямо къ своей цѣли и прямо говоритъ человѣку: умри или измѣни своимъ убѣжденіямъ! Откажись отъ своихъ убѣжденій или иди въ тюрьму, ссылку, въ каменноломни и т. п. Такое открытое принужденіе зачастую, а во времена религіозной напряженности и въ громадномъ большинствѣ случаевъ принадлежитъ къ числу воздѣйствій, „убивающихъ тѣло, души же не могущихъ убить". Но могутъ существовать

и принужденія постепенныя, и принужденія косвенныя. Начнемъ съ разсмотрѣнія первыхъ. Они могутъ проявлять постепенность свою, во-первыхъ, не требуя, чтобы человѣкъ разомъ отказался отъ всей совокупности своихъ убѣжденій и разомъ исповѣдалъ бы совершенно иной строй, отказался бы напримѣръ, отъ язычества и перешелъ къ христіанству или отказался отъ христіанства и перешелъ бы къ язычеству; а, такъ сказать, дробя задачу, и постепенно принуждая къ ряду уступокъ или отреченій, къ постепенному искаженію своего убѣжденія и постепенному принятію чужого. Во-вторыхъ, и сама принуждающая угроза можетъ выражаться не сразу во всей широтѣ и величавости своего объема — умри или измѣни своимъ убѣжденіямъ, исповѣдуй противное имъ — а, такъ сказать, малыми пріемами: наложеніемъ сравнительно малыхъ наказаній, умаленіемъ или и полнымъ отнятіемъ нѣкоторыхъ правъ и преимуществъ, экономическою борьбою и т. п. Принудительная сила остается по существу своему тою же самой и даже дѣйствуетъ вѣрнѣе, не поражая своею жестокостью и не вызывая вслѣдствіе того себѣ соотвѣтствующаго отпора, а получаемое дѣйствіе остается въ свою очередь тѣмъ же самымъ, ибо тою же самою остается и самая цѣль принужденія. Во внутреннемъ процессѣ подвергаемаго постепенному принужденію представляется, конечно, нѣкоторое отличіе. Нѣтъ мѣста для величавой во всякомъ случаѣ борьбы. Совершенно наоборотъ, убѣжденія приходится размѣнивать на мелочь и уступать по мелочамъ, соотвѣтственно по мелочамъ совершающемуся принужденію. Оттого-то убѣжденія мельчаютъ и утрачиваютъ свою цѣну не только въ глазахъ тѣхъ, кто подвергается искушающей силѣ ихъ, но и въ глазахъ всѣхъ созерцателей непрерывно ведущейся мелочной борьбы. И вотъ необходимымъ послѣдствіемъ такой мелочной борьбы является мельчаніе религіозныхъ идеаловъ: религіозное безразличіе, религіозная апатія или „безвѣрная вѣра“, какъ выразился Хомяковъ. Вмѣсто вѣры является принятіе догматовъ вѣры, допусканіе догматовъ вѣры, — ибо: чему же въ сущности можетъ это мѣшать? Вѣдь такое принятіе не подвергаетъ насъ никакимъ особеннымъ лишеніямъ, ничего особеннаго отъ насъ не требуетъ, ни къ чему особенному насъ не обязываетъ! *Такую* вѣру отчего же намъ не допустить въ себѣ? Отчего же не вѣрить и намъ *такимъ образомъ*? Копошится правда въ глубинѣ души незамирающій червь сомнѣнія... Такъ что же? мы и поддаемся и уступаемъ этому червю, когда становится почему-либо не въ терпежъ, даже и не давая червю этому доростать до размѣровъ огромнаго змѣя, на что онъ по природѣ своей такъ способенъ, и даже не считаемъ себя въ такихъ случаяхъ настоящими отступниками, ибо, въ сущности, настоящимъ образомъ мы

ничему и не вѣримъ. Вѣра для однихъ точно также, какъ и невѣріе для другихъ давнымъ давно уже стало состояніемъ, а не дѣятельностью.

Дробленіе религіознаго убѣжденія и приневоливаніе къ принятію его или къ отказу отъ него по частямъ было изобрѣтено еще римскими гонителями христіанства. Оставайтесь въ сущности сами собою, — говорили они христіанамъ,—но согласитесь только на нѣкоторыя, необходимыя намъ уступки! Оставайтесь вѣрными своимъ убѣжденіямъ, но согласитесь только подобно всѣмъ, хотя бы и безвѣрно—вѣры отъ васъ никто и не требуетъ — воздавать внѣшнее поклоненіе богамъ, признаннымъ со стороны государства (publice adscitis) и совершать культъ установленный государствомъ! Вамъ и это кажется слишкомъ многимъ? Прекрасно. Мы согласны удовлетвориться и еще меньшимъ. Принесите только видимую жертву статуѣ императора, въ которой олицетворяется государство. Признайте такимъ актомъ, что она есть такая же религіозная святыня, какъ и сама вѣра ваша, а потому имѣетъ право быть предметомъ вашего поклоненія и требовать отъ васъ такого же безусловнаго и безграничнаго повиновенія во всемъ, какъ и сама такъ называемая ваша Церковь, подчиненная ему или, по крайней мѣрѣ, ему только равночестная. Вы не согласны даже и на эту уступку? — Igitur: christianos ad leones!“

И христіане гибли, не соглашаясь на эту уступку. Но въ этомъ безсиліи принужденій виноваты были отчасти сами принуждавшіе, дѣйствовавшіе слишкомъ прямо и недостаточно дробившіе свою задачу, а соразмѣрно съ тѣмъ и противупоставляемую отказу угрозу наказанія.

Христіанскіе императоры Рима хорошо поняли эту ошибку. Они понимали совершенно ясно, что надъ внутреннимъ убѣжденіемъ человѣка они не имѣютъ никакой власти въ смыслѣ возможности видоизмѣнить его физическимъ насиліемъ. Въ этомъ отношеніи они вполнѣ раздѣляли мнѣніе, высказанное Теодорихомъ Готскимъ: religionem imperare non possumus, quia nemo cogitur ut credat invitus (Cassiodor. Varior. II 27). Но они понимали очень хорошо, — и въ этомъ мы должны не только отдать имъ долгъ справедливости, но и признать даже нѣкоторую ихъ заслугу—что религія не можетъ прочно держаться въ сердцѣ человѣка и притомъ держаться изъ поколѣнія въ поколѣніе, если она лишена возможности проявленія въ жизни, если внутреннее Богопочитаніе не сопровождается и не можетъ сопровождаться какимъ бы то ни было внѣшнимъ Богопочитаніемъ.

Истину эту, прекрасно доказанную за послѣднее время профессоромъ Гусевымъ въ полемикѣ съ графомъ Л. Н. Толстымъ, римско-византійскіе

императоры давнымъ давно уже постигли вполнѣ и на ней основали всю религіозную или вѣроисповѣдную свою политику. Они стремились убивать и уничтожать религію, такъ сказать, *изморомъ*, воспрещая всякое внѣшнее проявленіе ея въ жизни и всякое проявленіе внѣшняго Богопочитанія. Такимъ образомъ религія должна была исподволь задохнуться, замереть въ сердцѣ человѣческомъ. Нельзя, разсуждали императоры, изгнать воздухъ изъ человѣческихъ легкихъ, но можно воспретить ему дышать ртомъ или по крайней мѣрѣ затруднить, если и не совсѣмъ прекратить ему возможность дыханія. Внѣшняя жизненная сторона язычества заключалась въ домашнемъ и общественномъ культѣ, необходимо соединенномъ съ жертвоприношеніями, опознаваніемъ воли божества по внутренностямъ жертвъ, вопрошаніи оракуловъ, религіозной мантикѣ и гаданіи, совершеніи обрядовъ и т. п. Всѣ эти внѣшнія дѣянія были безусловно необходимы для существованія религіи, какъ живого начала, какъ жизненной связи между міромъ божественнымъ и міромъ людей. Безъ этихъ проявленій она могла быть только сухою отвлеченною теоріею, какъ и всякая религія безъ соотвѣтствующаго ея содержанію домашняго и общественнаго культа, безъ проявленія въ жизни обращается въ мертвую, отвлеченную теорію, не пускающую въ сердце человѣческое никакихъ корней и никакими корнями въ ней не держащуюся. Сознавая невозможность преслѣдованія религіи и управленія религіей, римско-византійское государство направило свою дѣятельность на задушеніе религіи и религіознаго чувства черезъ воспрещеніе видимыхъ его проявленій, необходимыхъ для самого его существованія. Cessat superstitio, sacrificiorum aboleatur insania,—вѣщаетъ законъ Константія (Codex Theodosianus Lib XVI Tit 10, 2). Приведенный законъ выражаетъ весь духъ всего законодательства и всей направленной на язычество дѣятельности якобы христіанскихъ императоровъ, дѣйствовавшихъ въ этомъ отношеніи безъ благословенія Церкви и вопреки желаніямъ ея. (На какіе нибудь уполномоченія со стороны Церкви во всей массѣ рескриптовъ и повелѣній нѣтъ ни одного ни прямого, ни косвеннаго намека). Для того, чтобы заглохла и уничтожилась преслѣдуемая религія (Superstitio означаетъ всякую недозволенную религію на языкѣ римскаго законодательства), воспрещаются всякія жертвоприношенія, какъ дневныя, такъ и ночныя, всякое проявленіе культа, какъ домашняго, такъ и общественнаго, всякое вопрошаніе судьбы, всякое воздвиженіе и поддерживаніе алтарей, а наконецъ предписывается и закрытіе всѣхъ храмовъ. (Placuit, omnibus locis atque urbibus universis clandi templa et accessu vetitis omnibus licentiam delinqaendi perditis abnegari. Volumus etiam cunctos sacrificiis abstinere. Cod Theodos XVI Tite X, 4). Отношенія между человѣкомъ и предполагаемымъ имъ Божествомъ воспрещены вполнѣ. У

религіознаго чувства отнята вполнѣ возможность жизни, т. е. возможность такъ или иначе вырваться, пробиться наружу; оно окружено со всѣхъ сторонъ, закупорено, сдавлено и должно необходимо заглохнуть, задохнуться.

Какими же мѣрами достигается это религіозное истребленіе религіознаго чувства? Какими средствами истребляется въ человѣкѣ вѣра, какова бы она ни была? О! мѣры эти лишены характера грубой или утонченной жестокости и вызываютъ только мелкій отпоръ, мелкое сопротивленіе, а не требуютъ величественнаго напряженія духа, проявленія всегда заманчиваго и увлекающаго другихъ мужества. Правда, что на первыхъ порахъ упоминается вскользь и о мечѣ, и о смертной казни quodsi quis aliquid forte hujusmodi perpetiaverit gladio ultore sternatur (346 г.). Poenae capitis subjugari praecipimus eos, quos operam sacrificiis dare (356 г. Cod. Theodos. XVI Titul X,и4, 6). Правда, молитвенное участіе въ жертвоприношеніи или присутствіе при немъ влечетъ за собой ссылку, а вопрошаніе оракуловъ распятіе (381 и 385 г., Cod. Teodos XVI, Titul X, 7, 9). Но уже съ послѣднихъ годовъ столѣтія, участіе въ жертвоприношеніи и вообще совершеніе какого бы то ни было требуемаго языческою религіею обряда влечетъ за собою преимущественно только гражданскую отвѣтственность: крупные и мелкіе штрафы, смотря по характеру преступленія, конфискаціи имущества и т. п. (Cod. Theodosionus XVI, Titulus X, 12, 23 и др.). Конечно, этими средствами достигается не замѣна однихъ убѣжденій религіозныхъ другими—худшихъ лучшими или лучшихъ худшими, смотря по тому кто ими пользуется и желаетъ достигнуть ими цѣли своей,—а только уничтоженіе и убіеніе какой бы то ни было религіозной вѣры, водвореніе невѣрія, безвѣрія и пустоты на „мѣстѣ святѣ“ или, какъ превосходно выражается св. Иларій Пиктавійскій, „исторженіе вѣры мощью и силою заимствованною у міра, у того самаго міра, которымъ должна быть ненавидима Церковь Божія“. Но и самая принадлежность къ язычеству, хотя бы и не сопровождаемая какими бы то ни было внѣшними проявленіями вѣры, не должна оставаться, по мнѣнію римскаго государства, безнаказанною; она и преслѣдуется ограниченіями и лишеніями нѣкоторыхъ правъ и преимуществъ, какъ составляющихъ достояніе только тѣхъ, кто исповѣдуетъ вѣру государства, и являющихся для нихъ „поощреніемъ и облегченіемъ“, какъ чрезвычайно мѣтко выражается г. Тихоміровъ. Но развѣ эти „поощренія и облегченія“ нужны для исповѣдующихъ истинную вѣру? Развѣ истина не служитъ для нихъ наградою сама по себѣ?

Но если „поощренія“ эти и „облегченія“ не имѣютъ разумнаго смысла и значенія для исповѣдующихъ уже вѣру государства, то они,

разумѣется, имѣютъ великую прелесть и значеніе для тѣхъ, у которыхъ всею предшествующею дѣятельностью принужденія „исторгнута“ уже, по выраженію отца Церкви, прежняя вѣра и въ которыхъ, прибавимъ мы уже отъ себя, поколеблена и парализована даже и самая способность вѣры, которой въ добавокъ отъ нихъ строго и не требуютъ, ограничиваясь формальнымъ съ ихъ стороны принятіемъ признаваемаго государствомъ ученія.

Когда возникли ереси и заблужденія въ христіанскомъ государствѣ римскомъ, „вѣроисповѣдная политика“, какъ выражается г. Тихоміровъ, была уже выработана имъ и готова. Безъ всякаго благословенія со стороны Церкви и безъ всякой ссылки на такое благословеніе—что прямо свидѣтельствуется всѣми помѣщенными въ кодексѣ Ѳеодосіевомъ указами о еретикахъ—государство стало примѣнять къ охраненію „предполагаемой истины православія“ тѣже самыя, оказавшіяся удобными средства, которыя передъ тѣмъ и одновременно съ тѣмъ употребляло оно для ея „распространенія“. Для того, чтобы убѣдиться въ томъ, намъ стоитъ только перевернуть нѣсколько страницъ того же Ѳеодосіева кодекса. Еретикамъ не только воспрещается проповѣдь своего ученія и распространеніе его, но воспрещаются и молитвенныя собранія и всякое вообще общественное или частное богослуженіе, и всякія собранія для религіозно-общественныхъ дѣлъ, запрещается имѣть свою іерархію и свои храмы, составляющіе необходимую потребность ихъ неправославнаго, но все-таки христіанскаго религіознаго чувства, запрещается какимъ бы то ни было образомъ проявлять религіозную жизнь свою, за исключеніемъ символа ничѣмъ отъ православной не отличающуюся. Вѣра ихъ должна быть убита, уничтожена изморомъ, какъ прежде такому же приговору подвергнуты были всѣ убѣжденія религіозныя язычниковъ. Государство прежде безъ всякаго полномочія со стороны Церкви, предписывавшее исполнительнымъ властямъ своимъ, „правительственнымъ лицамъ“, какъ говоритъ г. Тихомировъ, въ качествѣ лозунга: cessat superstitio, sacrificiorum aboleatur insania!—теперь давало тѣмъ же „правительственнымъ лицамъ“ въ качествѣ такого же лозунга: omnes vetitae legibus et divinis et imperialibus haereses perpetuo conquiescant—да стихнутъ навѣки всѣ воспрещенныя какъ божественными, такъ и императорскими законами ереси. Какія же кары противупоставляло государство свободѣ проявленія религіознаго чувства? Какими же средствами *принуждало* ересь стихать? Только для манихеевъ предназначалась смертная казнь—poena capitis. Всѣ вообще виды проявленія религіознаго чувства другихъ ересей преслѣдовалися либо ссылкою, либо денежнымъ штрафомъ въ большихъ или меньшихъ размѣрахъ, либо конфискаціею имущества, либо лишеніемъ всѣхъ или

нѣкоторыхъ правъ, какъ напр. самая принадлежность къ ереси, сопровождавшаяся лишеніемъ права составлять духовныя завѣщанія и распоряжаться послѣ смерти своимъ имуществомъ. Мѣсто и домъ, гдѣ оказывалось совершеннымъ общественное служеніе или общественное собраніе еретиковъ, отбирались въ казну точно также, какъ и тотъ участокъ, на которомъ хотя бы временно воздвигался алтарь для языческаго жертвоприношенія. (*Codex Theodosianus* Lib. XVI Titul 5, de haereticis). Такъ исторгались религіозное убѣжденіе и вѣра еретиковъ, при чемъ, парализовалось, подвергалось опалѣ и осуждалось на полное непроявленіе не только то, что было въ немъ спеціально-неправаго, еретическаго, но и то, что заключалось въ немъ общеправославнаго и христіанскаго. Такимъ образомъ съ спеціально-еретическими прибавками и особенностями въ людяхъ-еретикахъ подвергалось „исторженію“ или ослабленію, душилось всякое религіозно-христіанское чувство вообще, ибо обрѣченіе на непроявленіе равнялось, какъ уже видѣли мы, именно болѣе или менѣе систематическому задушиванію. Все это производилось римскимъ государствомъ не только не съ благословеніемъ Церкви, на которое оно нигдѣ и не ссылается, но, какъ уже видѣли мы, и при явномъ ея неодобреніи. Такимъ же точно образомъ, какъ и язычниковъ, государство карало всѣхъ принадлежащихъ къ ереси и лишеніемъ нѣкоторыхъ особенныхъ правъ и преимуществъ, какъ напр. права военной службы и службы при императорскомъ дворцѣ, права занимать государственныя должности и т. п. Все это были только „облегченія“ и „поощренія“, которыя государство оказывало своимъ единовѣрцамъ. Такъ объясняетъ это г. Тихоміровъ. Но убѣжденные единовѣрцы, разумѣется, въ такомъ „поощреніи“ и „облегченіи“ не нуждались и не нуждаются. Стало быть—такими „облегченіями“ и „поощреніями“ государство распространяло не вѣру, а невѣріе своихъ единовѣрцевъ и въ то же самое время представляло изъ такихъ „поощреній“ и „облегченій“ приманку для иновѣрцевъ,—въ обоихъ отношеніяхъ увеличивая численность исповѣдующихъ заодно съ нимъ „безвѣрную вѣру“ и въ то же самое время парализуя и устраняя и самую потребность живой, истинной вѣры. О, какъ полезно было бы представителямъ новаго Рима вникнуть въ свое время въ глубоко-вѣрныя и въ своемъ родѣ пророческія изрѣченія Тертулліана, разсчитывавшаго найти и у вождей Стараго Рима уваженіе къ святынѣ и сущности самаго религіознаго чувства вообще, къ самому органу религіи, если можно такъ выразиться, къ совѣсти, составляющей именно этотъ необходимый органъ, къ самому элементу вѣры. „Страшитесь,—восклицалъ пламенный карѳагенецъ,—страшитесь порождать и узаконивать невѣріе, уничтожая свободу вѣры и ея проявленія!“ Что же кромѣ

невѣрія, прикрытаго лицемѣрною маскою, могла порождать и порождала самозванная „вѣроисповѣдная политика“ государства, принявшаго на себя безъ всякаго полномочія со стороны Церкви миссію „принудительно охранять и распространять истину православія“? Притупляя совѣсть — истинный органъ вѣры и религіознаго чувства, она должна была порождать невѣріе обязательно силою самихъ вещей и притомъ еще должна была подготовлять элементъ для безконечныхъ споровъ, фанатической борьбы и проявленій якобы—религіозной нетерпимости, ибо ничто не отстаивается съ такимъ упорствомъ и ожесточеніемъ, какъ заученныя фразы и слова, смыслъ которыхъ не постигается и не чувствуется непосредственно, и ни къ чему не проявляемъ мы столько нетерпимости, какъ къ мнѣніямъ, противупоставляемымъ нашимъ мнѣніямъ же, хотя бы и заученнымъ и затверженнымъ нами вслѣдствіе собственной нашей духовной безплодности.

Намъ остается еще привести все до сихъ поръ нами сказанное въ непосредственную связь съ разсужденіями г. Тихомирова о правѣ государства и правительственныхъ лицъ, какъ русскихъ и православныхъ, принудительно охранять и распространять истину православія (Г. Соловьевъ къ удивленію и негодованію г. Тихомирова отрицаетъ *„даже“* это право) и о потребныхъ или непотребныхъ для такого „охраненія“ и „распространенія“—принужденія, облегченій, поощреній и т. п.

Если г. Тихомировъ *прямо* признаетъ право принужденія, т. е. является *прямымъ* послѣдователемъ и проповѣдникомъ римской формулы cоge или impelle intrare, то онъ такимъ образомъ прямо, явно и безусловно противорѣчитъ православію, *прямо, явно и безусловно* выразившемуся въ этомъ отношеніи въ приведенныхъ нами словахъ Аѳанасія Великаго, Иларія Пиктавійскаго, Григорія Назіанзина и др. Важны не мѣра и степень принужденія, а самый фактъ принужденія. Вѣра, якобы вызванная угрозою двухъ или трехъ дней заключенія, еще жалче и еще слабѣе, чѣмъ вѣра якобы вызванная страхомъ смертной казни. Если въ вопросѣ о томъ или другомъ видѣ исповѣдуемыхъ убѣжденій играетъ роль „блюдо чечевицы“, то тѣмъ жалче и тѣмъ постыднѣе! Но и блюдо чечевицы можетъ быть сильнымъ орудіемъ принужденій, когда оно направляется на изнемогающаго отъ голода человѣка. Игра съ „блюдомъ чечевицы“ если она ведется безпрерывно по отношенію къ постоянно голодающему человѣку, становится страшною силою. Дѣло вовсе не въ средствахъ принужденія, а въ самомъ принципѣ принужденія и въ самомъ фактѣ его существованія. Если «вѣроисповѣдная политика» ведетъ борьбу средствами мелкими и мелочными, то оттого борьба не слабѣетъ, а только опошляется, заставляя постепенно тускнѣть и рели-

гіозную совѣсть, принижая постепенно достоинство религіознаго чувства и заставляя мельчать все болѣе и болѣе и самую вѣру. Такая «вѣроисповѣдная политика“ достигаетъ цѣлей своихъ только черезъ религіозную и нравственную деморализацію всѣхъ.

Неопредѣленность всѣхъ вообще выраженій г. Тихомирова можетъ дать возможность предположить, что прямо «право правительственныхъ лицъ *принудительно* охранять и распространять истину православія» имъ не признается и не проповѣдуется. Полагаемъ, что возможность эта вполнѣ устраняется словами его: „г. Соловьевъ отрицаетъ *даже* право правительственныхъ лицъ и т. д.“

Но еслибы г. Тихомировъ и не проповѣдывалъ этого права *прямо*, то онъ во всякомъ случаѣ проповѣдуетъ его *косвенно*. Разсмотримъ слѣдующія его слова: «по точному смыслу аргументаціи г. Соловьева неизбѣжно заключеніе, что не только принудительно, а вообще никакими облегченіями, поощреніями и т. п. глава государства не имѣетъ права поддерживать своихъ единовѣрцевъ и единоплеменниковъ, ибо всякое преимущество, имъ данное, столь же нарушаетъ равноправность, какъ и мѣры принужденія противъ иновѣрцевъ и иноплеменниковъ». Припомнимъ, что слова эти относятся къ разъясненію непосредственно предшествовавшихъ, въ которыхъ говорится о правѣ правительственныхъ лицъ принудительно охранять и распространять истину православія. Итакъ, рѣчь идетъ прежде всего не о правѣ главы государства, а слѣдовательно по его уполномочиванію и правительственныхъ лицъ поддерживать своихъ единовѣрцевъ вообще, а спеціально о правѣ поддерживать ихъ облегченіями, поощреніями и т. п.—для охраненія и распространенія истины православія. Оспаривать такое значеніе этихъ словъ положительно невозможно. Итакъ, облегченія, поощренія, преимущества единовѣрцевъ и вообще отсутствіе равноправности съ ними для другихъ являются средствами къ охранѣ и распространенію истины православія. По отношенію къ охранѣ, поощренія, облегченія и преимущества эти не могутъ имѣть другой цѣли, кромѣ желанія удержать единовѣрцевъ въ вѣрѣ ихъ и *препятствовать* имъ уклоняться отъ этой вѣры и отказываться отъ нея, такъ какъ съ уклоненіемъ или отказомъ они лишались бы этихъ поощреній, облегченій и преимуществъ, а, становясь равноправными съ иновѣрцами, утратили бы еще нѣкоторыя права, такъ что жизнь ихъ сдѣлалась бы труднѣе, тяжелѣе и непріятнѣе. По отношенію къ распространенію истины православія они имѣли бы цѣлью *побуждать* иновѣрцевъ стремиться къ истинѣ православія, независимо отъ ея достоинствъ, но въ виду тѣхъ правъ, преимуществъ и облегченій, которыя доставляются ея исповѣданіемъ и отсутствіе которыхъ ложится на всѣхъ иновѣрцевъ болѣе

или менѣе тяжелымъ бременемъ. Иначе истолковывать слова г. Тихомирова, разумѣется, невозможно.

Итакъ, для чего же государство стало бы поощрять, облегчать и т. д. своихъ единовѣрцевъ?

Для того, чтобы *препятствовать* имъ уклоняться отъ истины православія, *побуждать* ихъ его исповѣдывать.

Для чего государству ограничивать права иновѣрцевъ, не дѣлая ихъ равноправными православнымъ и не давая имъ соотвѣтствующихъ поощреній, облегченій и т. п.?

Для того, чтобы *побуждать* ихъ приходить къ истинѣ православія для полученія всѣхъ этихъ удобствъ и препятствовать имъ держаться вѣры своей черезъ ощущеніе неудобствъ сохраненныхъ съ ея исповѣданіемъ.

Само собою разумѣется, что *препятствованіе* и *побужденіе* суть только отрицательная и положительная форма одного и того же понятія, суть котораго равносильна такому или иному *воздѣйствію* на человѣческую волю. Цѣль препятствованія и побужденія одна и таже—*заставить* человѣка поступить вопреки своему основному желанію, поддавшись силѣ внѣшнихъ обстоятельствъ. Ясно, что и препятствованіе и побужденіе являются тѣмъ же самымъ *принужденіемъ*, подраздѣленнымъ на мелкіе пріемы и требующимъ сравнительно меньше усилій для отпора, сравнительно менѣе стѣсняющимъ его волю.

Въ этомъ-то и великая разница, воскликнетъ, можетъ быть, г. Тихомировъ.

Но *принудить* человѣка къ чему либо, а тѣмъ болѣе къ перемѣнѣ своихъ убѣжденій или къ измѣнѣ своимъ убѣжденіямъ вообще невозможно. Если человѣку говорятъ: умри или отрекись отъ своихъ убѣжденій—то этимъ, конечно, производятъ на него воздѣйствіе, но еще не *принуждаютъ* его безусловно, не стѣсняютъ свободы его безусловно, такъ какъ онъ можетъ предпочесть и смерть, какъ то и дѣлали тысячи и тысячи христіанъ. Такое предложеніе ставитъ ему *искушеніе*, но за то и возбуждаетъ его мужество. Когда ему предлагаютъ измѣнить своимъ убѣжденіямъ или идти въ тюрьму, въ ссылку и т. п.—воздѣйствія на волю, а вслѣдствіе того и *искушеніе* являются сравнительно слабѣйшими, но цѣль и средство являются тѣми же самыми. Когда человѣку предлагаютъ отказаться отъ своихъ убѣжденій и проявлять другія или лишиться нѣкоторыхъ правъ, нѣкоторыхъ матерьяльныхъ или вообще экономическихъ удобствъ, а также и нѣкоторыхъ нематеріальныхъ, то, смотря по человѣку, воздѣйствія эти, а вслѣдствіе того и представляемое *искушеніе* могутъ являться и еще болѣе слабыми, но цѣль воздѣйствія

и средства, которыми оно совершается, остаются безусловно тѣми же самыми.

Принудительная сила косвенныхъ воздѣйствій на волю человѣческую можетъ быть весьма различна, но она всегда тѣмъ не менѣе въ большей или меньшей степени сохраняется и составляетъ цѣль самаго воздѣйствія, которое безъ нея не имѣло бы смысла, а потому всякіе ради опредѣленной цѣли предпринимаемыя воздѣйствія суть *принужденіе* или одинъ изъ видовъ *принужденія*.

Но,—можетъ быть возразятъ намъ,—развѣ виды и степени принужденія и принудительности для людей безразличны? Развѣ для людей одно и тоже, будутъ ли ихъ жечь на площадяхъ, подвергать истязаніямъ, засаживать въ тюрьмы и посылать въ ссылку, или—только сажать на гауптвахту, лишать нѣкоторыхъ правъ и преимуществъ, подвергать нѣкоторымъ экономическимъ неудобствамъ, облагать штрафами и т. п.

Для людей? Но вѣдь рѣчь идетъ не объ отдѣльныхъ людяхъ, а о правѣ государства принуждать, поощрять и т. п.

Но—опять, можетъ быть, возразятъ намъ,—и для государства, въ смыслѣ нравственнаго его достоинства и юридической его правоты, не можетъ быть безразличнымъ, жжетъ ли оно на площадяхъ, засаживаетъ ли въ тюрьмы и посылаетъ въ каменоломни или—только ограничивается наложеніемъ штрафовъ, лишеніемъ правъ и т. п.

Для государства? Да вѣдь рѣчь идетъ опять таки не о правѣ государства принуждать и приневоливать вообще, а о правѣ его принуждать и приневоливать для охраненія и распространенія истины православія, т. е. о правѣ его охранять и распространять эту истину путемъ принужденія. И опять возникаетъ вопросъ: для кого работаетъ и дѣйствуетъ такимъ путемъ государство—для себя, для Церкви или для себя и для Церкви? Права государства принуждать и приневоливать вообще никто не отрицаетъ да и отрицать невозможно, ибо государство и зиждется преимущественно на этомъ правѣ какъ на проявленіи общей воли, обязательной для всѣхъ и для каждаго; вопросъ заключается только въ томъ: приноситъ ли оно пользу или вредъ себѣ или Церкви, проявляя это право свое въ области религіозной, и распространяется ли власть его на религіозное чувство человѣка и на религіозныя его потребности?

Итакъ, предположимъ, что государство проявляетъ эту власть свою во имя Церкви и для блага Церкви. Въ правѣ ли оно поступать такимъ образомъ? Мы видимъ уже, что для того, чтобы имѣть это право, оно должно получить это право отъ Церкви, дѣйствовать въ качествѣ ея уполномоченнаго. Но мы видѣли точно также, что Церковь не только не уполномочиваетъ кого бы то ни было на такого рода дѣятельность

во имя ея, но и отрекается отъ нея всецѣло, какъ отъ противорѣчащей всему существу ея и всей задачѣ ея. Что иное, какъ не такое ея отрѣченіе выражаютъ приведенные нами выше слова ея величайшихъ учителей? Церковь устами Иларія Пиктавійскаго воспрещаетъ апостоламъ своимъ искать какой бы то ни было помощи у принуждающей прямо или косвенно свѣтской власти, и почитаетъ безуміемъ—въ тѣхъ же человѣческихъ средствахъ, во временной власти искать для нея охраны. Церковь устами Аѳанасія Александрійскаго признаетъ искательство такой опоры для охраны и распространенія истины достояніемъ и принадлежностью еретиковъ, возвѣщая съ своей стороны, что не можетъ быть истиннаго убѣжденія тамъ, гдѣ дѣйствуетъ и вмѣшивается въ дѣла страхъ императорской власти. Церковь устами Григорія Назіанзина прямо объявляетъ, что ничто такъ не противно духу ея, какъ всякое насиліе и принужденіе, и что такой образъ дѣйствія долженъ всецѣло быть предоставляемъ только врагамъ ея. Церковь устами Григорія,—папы римскаго, возвѣщаетъ, что самое стремленіе принуждать людей вѣрить или невѣрить представляетъ изъ себя нѣчто неслыханное, что всякій, употребляющій для убѣжденія или разубѣжденія другое средство, кромѣ проповѣди и доводовъ, прямо доказываетъ этимъ, что онъ служитъ собственному дѣлу своему, а не дѣлу Божіему. Наконецъ, также самая Церковь въ полномъ согласіи со всѣмъ вышеприведеннымъ говоритъ устами Тертулліана, что насиліемъ и принужденіемъ, предпринимаемыми якобы во имя вѣры, проповѣдуется и распространяется только невѣріе, что нѣтъ ничего болѣе нерелигіознаго, чѣмъ религіозное насиліе. Все это относится въ равной степени къ прямому какъ и къ косвенному принужденію, ибо и въ косвенномъ принужденіи дѣйствуетъ все таже самая насилующая власть, все тотъ же самый страхъ передъ кесаремъ, вмѣшивать который въ дѣло Церкви прямо воспрещаетъ намъ Аѳанасій Великій.

Итакъ, еслибы государство намѣревалось во имя Церкви и для блага ея принудительно охранять и распространять истину православія, то оно дѣйствовало бы вполнѣ самозванно и вопреки опредѣленнымъ требованіямъ и наставленіямъ самой Церкви. Достигалось ли бы этимъ благо церковное хотя бы и независимо отъ церковныхъ желаній и даже вопреки желаніямъ и завѣтамъ Церкви? Разумѣется нѣтъ. Благодаря такому сосѣду-проповѣднику Церковь наполнялась бы множествомъ мнимовѣрующихъ людей, подающихъ въ ней голоса свои, принимающихъ участіе въ ея дѣлѣ, и тѣмъ лишалась бы основной чистоты своей, терпѣла бы искаженіе, какъ отголосокъ мнимо-вѣрующихъ, маловѣрующихъ и невѣрующихъ, силящихся заявить о своемъ существованіи, принять участіе въ ея опредѣленіи, а можетъ быть даже и посрамлять истинно вѣрующихъ,

настоящихъ сыновъ ея. Въ лучшемъ случаѣ она наполнялась бы либо равнодушными, распространяющими равнодушіе вокругъ себя и требующими равнодушнаго съ ея стороны ко всему отношенія, либо маловѣрными, такъ трепещущими за скудную и неестественную вѣру свою, что насильственная охрана истины, въ которую еле-еле вѣрятъ они, представляется для нихъ не только желательною, но даже и необходимою, ибо безъ нея тотчасъ же рухнетъ зданіе, шаткое и хрупкое для нихъ, и, какъ полагаютъ они, и въ самомъ себѣ и въ другихъ не имѣющее также твердыхъ устоевъ. Если бы дѣйствительно существовала, и существовала систематически такая проповѣдующая и охраняющая самозванная дѣятельность государства, не вызывая при томъ рѣшительнаго протеста со стороны Церкви, то постепенно ослабѣвала и позабывалась бы потребность живой истинной проповѣди церковной, равно какъ и потребность живаго, истиннаго отпора церковнаго всему, что противно истинѣ православія, и Церковь становилась бы все болѣе и болѣе косной и бездѣйствующей, все болѣе и болѣе ко всему равнодушной.

Итакъ, ясно, что предпринимаемая во имя Церкви и для блага церковнаго дѣятельность государства, направленная на принудительное (хотя бы и косвеннымъ только образомъ) охраненіе и распространеніе истины православія, могла бы быть только самозванною и притомъ безусловно для Церкви зловредною дѣятельностью.

Имѣетъ ли право государство „принудительно (опять хотя бы и косвеннымъ только образомъ) охранять и распространять истину православія“, не во имя Церкви и ея интересовъ, а *для себя* и ради собственныхъ своихъ интересовъ?

Дѣйствуя такимъ образомъ, вопреки завѣтамъ Церкви и въ ущербъ ея интересамъ, государство врядъ ли могло бы называться христіанскимъ и православнымъ, и, если не можетъ почитаться, къ удовлетворенію г. Тихомирова, „государствомъ либерально-безразличнымъ къ вѣрѣ“, то зато получаетъ право на наименованіе противу православнаго и антихристіанскаго.

Будетъ ли черезъ это достигаться государственная польза, т. е. дѣйствительный государственный интересъ, — тотъ интересъ, котораго стремится достигнуть оно, хотя бы и наперекоръ требованіямъ Церкви, и въ ущербъ ея интересамъ? Государство можетъ исходить только изъ предположенія, что для него подданные православные лучше и полезнѣе неправославныхъ подданныхъ, а потому и заботиться какъ о сфабрикованіи наибольшаго числа ихъ, такъ и о наиблагонадежнѣйшемъ ихъ сохраненіи. Но такая антиправославная и антицерковная дѣятельность его, врядъ-ли могла бы давать православные фабрикаты. Мы уже видѣли, что такая дѣятельность можетъ производить только мнимо-вѣрую-

щихъ людей и болѣе служитъ къ распространенію невѣрія, чѣмъ къ распространенію вѣры. Такимъ образомъ явно, что если государство заинтересовано, хотя бы и своекорыстно, въ существованіи православія и православности своихъ подданныхъ, то такая, болѣе чѣмъ самозванно предпринятая имъ дѣятельность, приводила бы его къ совершенно противуположнымъ послѣдствіямъ, т. е. была бы зловредною для него самого.

Н. Аксаковъ.

(Продолженіе будетъ).

О значеніи характера въ жизни народовъ.

Статья Le Bon'a.

(Продолженіе *).

5. Войны между народами, какъ послѣдствіе разницы въ ихъ характерахъ.

Несмотря на развитіе цивилизаціи и на разсужденія философовъ, война между народами никогда не переставала быть однимъ изъ ихъ главныхъ занятій. Научныя открытія сдѣлали ее только истребительнѣе, и очень сомнительно, чтобы наука когда либо могла совсѣмъ устранить войны. Даже восходя къ опустошительнымъ набѣгамъ Атиллы и Чингисхана, мы едва-ли найдемъ въ исторіи время, когда было-бы убито столько людей, сколько въ нашъ вѣкъ пара и электричества.

Если какое нибудь явленіе повторяется настойчиво и правильно, то слѣдуетъ предположить, что оно обусловлено строгой необходимостью. Нашъ протестъ противъ него былъ бы столь же тщетенъ, какъ протестъ противъ старости и смерти; по отношенію къ войнамъ онъ былъ-бы даже несправедливъ, такъ какъ войны, въ сущности, служатъ прогрессу. Безъ нихъ древніе народы не могли-бы выдти изъ варварства и основать большія общины, въ которыхъ развились науки, искуства и торговля. Какая цивилизація не была воинственной? Какой вполнѣ мирный народъ игралъ когда-либо замѣтную роль въ исторіи?

Здѣсь не мѣсто, впрочемъ, разсматривать положительныя и отрицательныя стороны войны и мы ограничимся лишь указаніемъ на ея неизбѣжность и опредѣленіемъ ея причинъ.

Причины эти очень разнообразны. Среди нихъ на первомъ мѣстѣ стоитъ врожденный инстинктъ, общій всѣмъ животнымъ и побуждающій сильнаго подчинять себѣ слабыхъ или пожирать ихъ. Цивилизація, конечно, ослабляетъ его, но она не можетъ ослабить той глубокой антипатіи, которая существуетъ между народностями, обладающими діамет-

*) «Русская Бесѣда», Январь 1895 г.

рально противоположнымъ психическимъ строемъ, такъ какъ онѣ различно понимаютъ жизнь и разно къ ней относятся. Большая часть войнъ родилась изъ этой антипатіи. Всѣ, такъ называемыя, династическія, религіозныя, культурныя, завоевательныя войны сводятся въ большинствѣ случаевъ, къ борьбѣ между народностями. Такова была, напримѣръ, война Персовъ съ Ассирійцами, въ первый разъ передавшая господство надъ міромъ изъ рукъ семитовъ въ руки арійской расы; таковы же были и войны грековъ съ азіатскими народами, римлянъ съ варварами, и проч. Средневѣковыя религіозныя войны были тоже проявленіемъ борьбы между народностями, съ одной стороны защищавшими индивидуализмъ и свободу мысли, а съ другой—политическій и религіозный цезаризмъ съ его придатками: принципомъ твердой власти, традиціей и формализмомъ.

Считать эти войны результатомъ соперничества государей было-бы слишкомъ наивно—государи, не воплощающіе идеаловъ своей страны, ея страстей и надеждъ, недолго держатся на престолѣ.

Можемъ ли мы надѣяться, что цивилизація, вмѣстѣ съ усиленіемъ сношеній между народами, устранятъ или, по крайней мѣрѣ уменьшатъ психологическія антипатіи между ними? На этотъ вопросъ можно отвѣчать на основаніи положительныхъ фактовъ.

Въ очень еще недалекомъ прошломъ, когда сношенія между народами были гораздо рѣже чѣмъ теперь, а знаніе иностранныхъ языковъ встрѣчалось у немногихъ, психологическая разница, отталкивающая народы другъ отъ друга, была мало замѣтна и, кромѣ того, маскировалась вѣжливостью, свойственной высшимъ классамъ общества, которые одни тогда сносились съ иностранцами. Теперь, напротивъ, когда пути сообщенія улучшились, когда коммерческіе и другіе интересы обусловливаютъ безпрестанныя сношенія и обмѣнъ мыслей между народами, теперь-то именно разница ихъ психическаго строя и зависящія отъ нея разногласія по всевозможнымъ вопросамъ буквально бросаются въ глаза. Между личностями, принадлежащими къ разнымъ расамъ, не можетъ быть единомыслія ни по одному изъ этихъ вопросовъ, за неимѣніемъ общей точки зрѣнія. И чѣмъ чаще сносятся народы между собою, тѣмъ глубже становятся возникающія между ними разногласія; чѣмъ больше сближаютъ ихъ общіе интересы, тѣмъ сильнѣе развивается антипатія, такъ что, вмѣсто братства, они быстрыми шагами идутъ къ взаимной враждѣ.

Антипатія между народами влечетъ за собою множество политическихъ и соціальныхъ послѣдствій. Сокращеніе разстояній, при помощи пара и электричества, повело къ устройству таможенъ, образующихъ китайскую стѣну вокругъ каждаго государства. Но большая часть наро-

довъ не довольствуются гарантіями, представляемыми этой стѣной, а требуютъ полнаго изгнанія иностранцевъ. Америка и Австралія, давно уже вотировавшія изгнаніе китайцевъ, теперь не допускаютъ на свою территорію и бѣдныхъ переселенцевъ; Россія была бы рада избавиться отъ своихъ евреевъ; антисемиты добиваются того же отъ германскаго правительства, которое уже изгоняетъ итальянцевъ со своихъ желѣзныхъ дорогъ и поляковъ изъ Познани; даже швейцарское правительство, отвергнувши, въ 1892 году, проектъ отказа отъ работъ иностраннымъ рабочимъ, въ настоящее время требуетъ отъ казенныхъ поставщиковъ, чтобы у нихъ работали только мѣстные обыватели. Повсюду замѣтно одно и то же стремленіе, такъ что едва-ли XX вѣкъ будетъ вѣкомъ братства!

Братство между народами возможно лишь тогда, когда они плохо другъ друга знаютъ. Уменьшить пространство, ихъ раздѣляющее, значитъ дать имъ возможность поближе познакомиться, а слѣдовательно и возненавидѣть другъ друга.

А мы присутствуемъ еще только при началѣ этого всеобщаго стремленія освободиться отъ иностранцевъ. И надо думать, что для него существуютъ глубокія причины; одна только международная антипатія едва-ли будетъ достаточна для того, чтобы объяснить это явленіе; не вѣрнѣе ли предположить, что правительства разныхъ странъ инстинктивно чувствуютъ опасность, представляемую обиліемъ иностранцевъ, которое всегда разрушало государства. Иностранцы отнимаютъ у народа то, что ему всего дороже, душу. Римъ пересталъ существовать съ тѣхъ поръ, какъ его наводнили иностранцы.

Представьте себѣ страну, не имѣющую прироста населенія, какъ современная Франція. Если она окружена странами, въ которыхъ земли мало, а приростъ очень силенъ, то иммиграція въ нее изъ нихъ, буде она допускается, неминуема, такъ какъ она доставляетъ огромныя выгоды эмигрантамъ (лучшее вознагражденіе за трудъ, меньшіе налоги, возможность избѣжать воинской повинности и проч. и проч.). Но для страны, въ которую эта эмиграція направлена, она пагубна, тѣмъ болѣе что эмигрируютъ обыкновенно люди низшаго сорта, которые на родинѣ не знаютъ чѣмъ прокормиться.

Гуманность Франціи по отношенію къ иммигрантамъ рано или поздно ее погубитъ. Сорокъ лѣтъ назадъ ихъ было въ ней всего 400,000, а теперь уже втрое болѣе и иммиграція съ каждымъ годомъ усиливается.

Марсель и такъ уже превратилась въ итальянскую колонію; въ ней итальянцевъ больше, чѣмъ въ любомъ изъ колоніальныхъ городовъ Италіи. Если дѣла будутъ идти такимъ образомъ, то скоро треть населенія Франціи будутъ составлять итальянцы, а другую треть—нѣмцы. Что же ста-

нется тогда, ужь не говоря о ея единствѣ, а даже съ самымъ существованіемъ Франціи? Цѣлый рядъ несчастныхъ войнъ представляетъ для страны менѣе опасности, чѣмъ такое мирное нашествіе иноплеменниковъ.

Инстинктъ древнихъ народовъ вполнѣ вѣрно подсказывалъ имъ необходимость опасаться иностранцевъ; они хорошо знали, что сила и достоинство страны измѣряются не числомъ *обывателей*, а числомъ *гражданъ*.

Изъ всего сказаннаго видно, что цивилизація не уменьшаетъ вѣроятія борьбы между народами, а ниже мы увидимъ, что она его увеличиваетъ, прибавляя къ естественной антипатіи еще побужденія экономическаго свойства. Философы и филантропы осуждены, стало-быть, долго еще плакать надъ невозможностью совершеннаго прекращенія войнъ. Они могли-бы, однакоже, утѣшиться, если-бы убѣдились, что окончательный и всеобщій миръ сразу остановилъ бы всякій прогрессъ и всякую цивилизацію; всѣ народы, при этомъ условіи, скоро сдѣлались-бы варварами. „Увѣренность въ мирѣ“, говоритъ M. de Vogüé, „повлекла бы за собою меньше, чѣмъ въ полстолѣтіе, страшную испорченность и такое паденіе нравовъ, которыя подѣйствовали бы на человѣчество разрушительнѣе войнъ“.

Нельзя сказать, конечно, чтобы, въ войнахъ не было вредныхъ и бѣдственныхъ сторонъ, но необходимо поставить вопросъ: чего больше въ нихъ,—вреда или пользы.

Тяжелыя послѣдствія войны выражаются троякимъ образомъ: потерею денегъ, потерею людей и пониженіемъ національной бодрости.

Потеря денегъ не особенно важна,—богатые народы всегда раньше сходили съ исторической сцены, чѣмъ бѣдные, и нѣкоторое обѣднѣніе никогда не приносило націямъ существеннаго вреда. Статистики говорятъ намъ, что Германія издержала уже семь милліардовъ для того, чтобы сохранить себѣ двѣ завоеванныя провинціи, и что всѣ великія державы Европы, вмѣстѣ взятыя, издерживаютъ ежегодно до пяти милліардовъ на вооруженія. Авторъ не видитъ въ этомъ особой бѣды, хотя можно ожидать, что уже въ ближайшемъ будущемъ многія изъ нихъ обанкротятся. Банкротство угрожаетъ Португаліи, Греціи, Испаніи и Италіи; а скоро, можетъ быть, и съ другими будетъ то же. Но это только до нѣкоторой степени возбуждаетъ ихъ энергію и заставитъ привыкнуть къ лишеніямъ. На денежныя потери, связанныя съ военными издержками, слѣдуетъ смотрѣть какъ на страховую премію, которую народы уплачиваютъ за то, чтобы не быть разграбленными. Есть ли въ Европѣ такая страна (за исключеніемъ никому ненужныхъ или состоящихъ подъ могучимъ покровительствомъ), которая, не имѣя арміи, просуществовала

бы хоть одинъ день? Ее сейчасъ же забралъ-бы кто нибудь (какъ забрали Египетъ) и раздавилъ бы налогами, болѣе тяжелыми, чѣмъ содержаніе собственнаго войска.

Вторая невыгода войнъ, необходимость жертвовать людьми, имѣетъ лишь очень отдаленныя послѣдствія. Говорятъ, что Наполеоновскія войны отняли у Франціи три милліона людей. Но эти войны двадцать лѣтъ занимали Европу, создали для многихъ народностей блестящія легенды, удовлетворяя въ тоже время естественному стремленію человѣческой природы къ борьбѣ, и, надо признаться, что за все это заплочено еще не очень дорого.

Главнѣйшее изъ дурныхъ послѣдствій этихъ войнъ и единственный существенный вредъ всѣхъ прочихъ—состоитъ въ томъ, что онѣ отнимаютъ у страны цвѣтъ населенія, самыхъ крѣпкихъ и сильныхъ людей, что отражается на приростѣ населенія и обусловливаетъ физическую слабость послѣдняго. Но этотъ результатъ страшенъ лишь для странъ, населеніе которыхъ и безъ того слабо приростаетъ.

Статистики говорятъ намъ, чего стоили войны человѣчеству, но они забываютъ, обыкновенно, вычислить, сколько онѣ ему дали; а эту сторону дѣла забывать не слѣдуетъ.

Между многочисленными выгодами, даваемыми войною, на первомъ мѣстѣ слѣдуетъ поставить ростъ народной души, безъ котораго никакая цивилизація невозможна. Войны укрѣпляютъ ее въ случаѣ побѣды и повышаютъ ея силы въ случаѣ пораженія. Говорятъ, что Іенское сраженіе погубило Германію; едва-ли это такъ—безъ него объединеніе и теперешнее процвѣтаніе Германской Имперіи было-бы, вѣроятно, отсрочено на нѣсколько вѣковъ. Если смотрѣть на него съ точки зрѣнія отдаленныхъ послѣдствій, то мы имѣетъ скорѣе право сказать, что Іенское сраженіе было гибелью Франціи.

Но мы должны оставить въ сторонѣ отдаленныя послѣдствія борьбы между народностями, и обратиться къ немедленнымъ, важность которыхъ брасается въ глаза.

Войны послѣдняго времени заставили Европу усиленно вооружаться; что же изъ этого вышло? Всеобщее разореніе, говорятъ статистики и финансисты; значительный подъемъ народнаго духа и усиленіе народнаго характера, могли-бы отвѣтить этимъ аккуратнымъ чиновникамъ психологи. Безъ обязательнаго военнаго режима, подъ которымъ теперь состоитъ вся Европа, анархизмъ, соціализмъ и прочія язвы, разъѣдающія цивилизацію, двинулись бы впередъ гигантскими шагами; старыя религіозныя вѣрованія, на которыхъ основано современное общество, быстро бы разрушились и мы не нашли бы чѣмъ ихъ замѣнить. Военный ре-

жимъ учитъ насъ терпѣнію, спокойствію, твердости духа и способности къ самопожертвованію; однимъ словомъ, даетъ намъ временный идеалъ. Онъ одинъ только можетъ бороться съ эгоизмомъ и разслабленіемъ, все болѣе и болѣе надвигающимися на цивилизованныя страны. Воинская повинность есть страшно тяжелый налогъ, разумѣется, но этотъ налогъ спасаетъ европейскія государства отъ наплыва варварства, угрожающаго Европѣ со всѣхъ сторонъ. Вліяніе военнаго режима на характеръ народа такъ важно, что нельзя достаточно на немъ настаивать. Вотъ что говоритъ объ этомъ фельдмаршалъ Мольтке въ своихъ запискахъ: „Никакая нація въ мірѣ не получаетъ такого воспитанія, какъ наша, благодаря всеобщей воинской повинности. Говорятъ, что школьный учитель далъ намъ наши побѣды. Но вѣдь одного только знанія недостаточно для того, чтобы поднять человѣка до способности къ самопожертвованію за идею, за честь родины, за долгъ,—а не въ этомъ ли состоитъ цѣль всякаго воспитанія? Не школьный учитель, а военный режимъ выигралъ для насъ сраженія, и онъ же, въ теченіе шестнадцати лѣтъ, даетъ нашей молодежи крѣпость физическую и нравственную, пріучаетъ ее къ порядку, къ повиновенію, къ честности, вселяетъ въ нее любовь къ родинѣ и мужественную энергію“.

Польза, приносимая военнымъ режимомъ, не ограничивается, однако, поднятіемъ духа націи и укрѣпленіемъ ея характера. Можно сказать, что почти всѣ современныя улучшенія въ индустріи были вызваны имъ же. Металлургическое производство, машиностроеніе, достигшее небывалой точности, усовершенствованіе мореплаванія, постройка значительной части желѣзныхъ дорогъ—всѣмъ этимъ мы обязаны военному режиму.

Войны, стало-быть, по крайней мѣрѣ ихъ возможность и близость, суть могущественнѣйшіе физическіе и нравственные побудители для народовъ. Военный духъ представляетъ собою послѣдній столбъ, поддерживающій европейское общество (за неимѣніемъ другихъ идеаловъ), и народы должны-бы были благословлять, а не проклинать его. Не будемъ бояться тѣхъ естественныхъ антипатій, которыя отталкиваютъ народности другъ отъ друга; безъ этихъ антипатій, когда возможность войны исчезла-бы навсегда, мы потеряли-бы вмѣстѣ съ нею и нашу цивилизацію.

Если всѣ представленныя доказательства не убѣдятъ мягкосердыхъ, но недальновидныхъ филантроповъ, то мы можемъ указать имъ на послѣдствія принужденнаго и продолжительнаго мира для народовъ.

Такимъ миромъ, подъ могучей рукою англичанъ, въ теченіе ста лѣтъ, пользуется Индія — одна изъ громаднѣйшихъ и населеннѣйшихъ странъ земного шара. Населеніе ея, за послѣдніе десять лѣтъ, увели-

чилось на 26 милліоновъ; плотность его (если считать только удобообитаемыя мѣста) вдвое болѣе, чѣмъ въ самыхъ населенныхъ странахъ Европы,—а роковымъ результатомъ такого положенія является всеобщая, глубокая и безнадежная бѣдность. И эта бѣдность была-бы еще больше, если бы голодъ періодически не разрѣжалъ этого человѣческаго муравейника; а вѣдь голодъ несравненно губительнѣе войны и въ матерьяльномъ, и въ нравственномъ отношеніи. Судя по статистическимъ свѣденіямъ, одна только провинція Орисса въ 1866 году потеряла отъ голода цѣлый милліонъ жителей, въ 1868 году 1.200,000 человѣкъ погибли въ Пенджабѣ; въ 1874 году—1.300,000, въ Деканѣ... Что наши войны въ сравненіи съ этими гекатомбами? Стоитъ-ли бѣжать отъ пули, для того чтобы умереть съ голоду?

Наконецъ, всѣ разсужденія о пользѣ или вредѣ войны имѣютъ интересъ часто теоретическій. Мы не можемъ выбирать, мы должны терпѣть войну; поэтому благоразумнѣе къ ней готовиться и извлекать изъ нея пользу.

Между тѣмъ, лучшимъ средствомъ подготовленія къ войнѣ служитъ развитіе совокупности чувствъ, составляющихъ военный духъ. Въ немъ одномъ лежитъ дѣйствительное могущество армій. Безъ него армія, какъ бы она ни была вооружена, превращается въ стадо, неспособное къ сопротивленію. Писатели и ораторы, стремящіеся уничтожить этотъ духъ въ сердцахъ французовъ, суть злѣйшіе враги родины. Въ тотъ день, когда Франція его потеряетъ, ей ничего больше не останется терять—непріятельское вторженіе положитъ конецъ ея исторіи.

Французамъ нужно постоянно помнить мрачныя предсказанія военныхъ писателей разныхъ странъ касательно исхода великой войны, которая предстоитъ Европѣ. Это будетъ одна изъ тѣхъ историческихъ катастрофъ, при которыхъ нѣкоторыя изъ существующихъ народностей совсѣмъ стираются съ лица земли; что нибудь вродѣ исчезновенія ассирійцевъ передъ персами, римлянъ—передъ варварами, Византіи—передъ турками. Будемъ имѣть это постоянно въ виду, при воспитаніи нашихъ дѣтей и нашихъ солдатъ.

Для того, чтобы избѣжать борьбы, надо къ ней приготовиться; и если она уже неизбѣжна, то слѣдуетъ помнить, что побѣда принадлежитъ не той арміи, которая болѣе многочисленна, а той, въ которой больше сильныхъ характеровъ. Война есть вопросъ психологическій, и ни одинъ изъ великихъ полководцевъ этого не забывалъ. „На войнѣ“, говоритъ Наполеонъ, „все дѣло въ духѣ солдатъ“. Потери ничего не значатъ—успѣхъ будетъ на сторонѣ того, кто лучше ихъ перенесетъ.

Пониженіе характера арміи превратитъ ее въ толпы Ксеркса, а повышеніе—создастъ воиновъ Леонида.

Всѣ военные писатели единогласно утверждаютъ, что, для средней (по духу) арміи, потеря въ 20% имѣетъ деморализующее значеніе, обусловливаетъ пораженіе и бѣгство. Поднимите же, стало-быть, духъ вашего войска выше средняго уровня, такъ чтобы 20% потери его не деморализовали, и вы всегда добьетесь побѣды. А такое поднятіе—въ нашихъ рукахъ; оно зависитъ отъ воспитанія, которое мы даемъ солдату и гражданину.

Кромѣ энергіи характера, однимъ изъ главныхъ психологическихъ факторовъ войны является единомысліе, которое тоже есть плодъ спеціальнаго воспитанія и выражается одинаковой манерой всѣхъ членовъ арміи вести себя по отношенію къ одинаковымъ положеніямъ, хотя бы самымъ непредвидѣннымъ. Въ мемуарахъ Мольтке можно найти много указаній на такое единомысліе въ германской арміи, во время франко-прусской войны. Главный штабъ не успѣвалъ еще отдавать приказаній, какъ они уже оказывались исполненными, по почину низшихъ начальниковъ. А въ воспоминаніяхъ французскихъ генераловъ, за время той же войны, видно совершенно обратное—подчиненные не исполняли приказаній даже тогда, когда они были отданы. Германцы, значитъ, обладали дисциплиной духа, а у французовъ не было даже дисциплины тѣла, тогда какъ въ первой-то и лежитъ вся разгадка военныхъ успѣховъ.

Когда психологія выйдетъ, наконецъ, изъ алхимическаго періода, въ которомъ находится, то она несомнѣнно станетъ основою гражданскаго и военнаго воспитанія народовъ.

6. Экономическая борьба народностей, какъ послѣдствіе разницы въ ихъ нуждахъ.

Вооруженная борьба между національностями не скоро, конечно, прекратится, но рано или поздно ея все же не будетъ. (?) Народныя антипатіи будутъ расти, по мѣрѣ развитія знакомства народовъ другъ съ другомъ, но вооруженныя столкновенія, благодаря прогрессу цивилизаціи, уступятъ, вѣроятно, свое мѣсто борьбѣ экономической, гораздо болѣе безпощадной и губительной.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, на страницахъ того же Revue Scientifique, авторъ предсказывалъ, что сближеніе между Востокомъ и Западомъ, при помощи пара и электричества, кончится гигантской экономической борьбой между восточными и западными народами. Теперь эта борьба въ полномъ разгарѣ. Долго Европа наводняла востокъ своими

произведеніями, а теперь все перемѣнилось, теперь востокъ заваливаетъ Европу продуктами своей промышленности и земледѣлія, притомъ крайне дешевыми, потому что восточный рабочій, имѣя мало потребностей, довольствуется ничтожной заработной платой.

Индія, пользуясь европейскими усовершенствованіями и машинами, присылаетъ теперь не только хлѣбъ, но и бумажныя ткани, которыми прежде снабжалъ ее Манчестеръ. Китай слѣдуетъ примѣру Индіи. Европа не потеряла еще надежду задержать наплывъ азіатскихъ товаровъ таможнями; но это можетъ удаваться лишь до тѣхъ поръ, пока Китай и Индія не попробовали утилизовать въ широкихъ размѣрахъ громадный запасъ каменнаго угля, которымъ обладаютъ. Когда это случится, европейскій рабочій долженъ будетъ умереть съ голода или свести свои потребности до уровня Индуса и Китайца. Вопреки мечтамъ соціалистовъ, заработная плата европейскаго рабочаго, по вышеприведеннымъ причинамъ, будетъ скорѣе падать, чѣмъ повышаться.

Когда, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, авторъ впервые высказалъ эти положенія, англійскіе журналы, признавая ихъ справедливость, замѣтили, однако-же, что потребности азіатскаго рабочаго со временемъ разовьются и заработная плата будетъ одинакова, какъ въ Азіи, такъ и въ Европѣ. Но они, по обыкновенію, забыли объ устойчивости народныхъ характеровъ, которая проявляется, однако-же, на всякомъ шагу. Китайцы давно уже основались въ Америкѣ и въ Австраліи, а между тѣмъ, до сихъ поръ довольствуются горстью риса и чашкой чая, не соблазняясь окружающей ихъ роскошью жизни. Европейская цивилизація слишкомъ неподходитъ къ ихъ психическому строю, а потому и не оказываетъ на него никакого вліянія. Кто видѣлъ, какъ работаютъ и живутъ индусы, тотъ знаетъ, что ихъ нельзя соблазнить никакими суммами, если дневное пропитаніе обезпечено.

Глубокая экономическая революція, которая передастъ азіатскимъ народамъ владычество надъ рынкомъ, только еще начинается; но близокъ тотъ уже часъ, когда Европа совсѣмъ перестанетъ вывозить свои произведенія.

По отношенію къ Америкѣ это уже исполнилось; но американскій рабочій все-же европеецъ по происхожденію и обладаетъ европейскими потребностями, поэтому продукты его работы никогда не будутъ очень дешевы. Если Европа перестанетъ снабжать Америку своими произведеніями, то ей нечего бояться и наплыва произведеній американскихъ. А съ Индіей и Китаемъ будетъ совсѣмъ другое. Если тамошній рабочій и пріобрѣтетъ когда-либо европейскіе вкусы, то Европа все же гораздо

раньше должна будетъ отказаться отъ всякаго вывоза и понизить цѣны на свой товаръ до minimum'а.

На таможни надежда плоха. Пусть бы еще Европа могла производить такое количество продуктовъ, котораго хватало бы для ея собственнаго употребленія, но этого давнымъ давно уже нѣтъ; населеніе ея такъ разрослось, что прокормить себя не можетъ. Экономисты говорятъ, что Англія могла бы прожить только 187 дней на своемъ хлѣбѣ, ничего не покупая, а Италія—289 дней; и такъ всѣ европейскіе народы, за исключеніемъ Россіи. Значитъ изоляція можетъ довести Европу только до голода, такъ что волей-неволей придется открыть таможенныя заставы. Но чѣмъ же тогда платить за хлѣбъ, разъ экспорта никакого нѣтъ? Что будетъ со старой Европой, съ ея ста тридцатью милліардами долга и тяжелыми налогами? Она неминуемо должна впасть въ полный маразмъ, которымъ кончались всѣ предшествующія цивилизаціи, и, послѣ кровавыхъ войнъ и смутъ, довести свое населеніе до той цифры, при которой всякая страна можетъ сама себя прокормить. Вотъ тогда-то, можетъ быть, самые закоренѣлые экономисты поймутъ невыгоды слишкомъ большого прироста населенія и согласятся, что страны мало населенныя находятся въ лучшемъ положеніи сравнительно съ густонаселенными.

Не всѣ, однако-же, народности Европы, будутъ дѣлить горькую ея судьбу, и есть даже одна страна, именно Россія, которая получитъ при этомъ громадныя выгоды. Она не только производитъ хлѣбъ въ достаточномъ для своего пропитанія количествѣ, но въ составъ ея входитъ множество азіатскихъ племенъ, которыя отъ конкурренціи съ европейцами ни мало не пострадаютъ. Кромѣ того Россія же, въ близкомъ будущемъ, воспользуется и всѣми выгодами транзита изъ Азіи въ Европу. Грандіозная Сибирская желѣзная дорога, строящаяся не по днямъ, а по часамъ, связавъ Европу съ Китаемъ, ускоритъ наступленіе экономическаго кризиса. Перевозка товаровъ изъ Шанхая въ Европу, требующая теперь 45 дней, будетъ совершаться по Сибирской жел. дорогѣ въ 18 дней. Вотъ когда Россія станетъ распорядительницей судебъ Европы! А если желѣзныя дороги проникнутъ и въ Китай, который къ тому времени быть можетъ откроетъ свои угольныя копи, то въ свѣтѣ останутся только три великія державы: Россія, Соединенные Штаты и Китай.

Россія, стало быть, есть единственная изъ европейскихъ державъ, которая получитъ выгоды отъ подготовляющейся великой экономической борьбы. Всѣ соображенія указываютъ, повидимому, на преобладающую роль ея въ близкомъ будущемъ. Когда наша старая Европа, сдѣлавшись

ареной безпощадной, военной, экономической и соціальной борьбы, погибнетъ подъ развалинами своей цивилизаціи, то на мѣстѣ ея возникнутъ новыя страны, съ новой цивилизаціей, и контингентомъ для нихъ послужитъ неистощимое Славянское племя, предназначенное судьбою сыграть ту же роль, которую играли варвары при разрушеніи древней Римской имперіи.

Будущее принадлежитъ Россіи потому, что она представляетъ собою сто милліоновъ почти первобытныхъ людей, неизбалованныхъ культурою, и предводимыхъ небольшой кучкой интеллигенціи. Будущее принадлежитъ ей потому, что народъ ея есть единственный въ Европѣ, который можетъ быть поднятъ во имя религіозныхъ идеаловъ, а мы знаемъ изъ исторіи, что̀ можетъ сдѣлать такой народъ. Будущее принадлежитъ ей еще и потому, что за нею стоятъ 500 милліоновъ азіатскаго народа, страшно плодовитаго, начавшаго уже переливаться черезъ край своихъ странъ и ждущаго лишь случая устремиться куда нибудь неудержимой лавою. Будущее увидитъ, вѣроятно, такую борьбу народностей, интересовъ и вѣрованій, какой, въ исторіи еще не было.

Интеллектуальное превосходство Европы будетъ, конечно, играть нѣкоторую роль въ этой борьбѣ. Не слѣдуетъ, однако, забывать, что оно, вѣдь, представляетъ собою достояніе очень небольшого кружка избранныхъ, а что массы, по отношенію къ работѣ руками, едва ли стоятъ китайцевъ; недаромъ Америка и Австралія изгнали послѣднихъ, боясь ихъ конкурренціи.

Если бы борьба между Востокомъ и Западомъ происходила только въ высшихъ слояхъ населенія, то исходъ ея, конечно, былъ-бы несомнѣненъ. Но вѣдь она пропзойдетъ главнымъ образомъ, въ среднихъ и низшихъ слояхъ, почти равныхъ по культурѣ, но очень различныхъ по уровню нуждъ. Побѣда, разумѣется, будетъ на сторонѣ довольствующагося малымъ.

7. Разложеніе характера народностей и упадокъ послѣднихъ.

Психологическіе виды, такъ же какъ анатомическіе, не вѣчны. Внѣшнія условія, поддерживающія постоянство ихъ характера, измѣняются и влекутъ за собою регрессивную перемѣну и въ нихъ самихъ. По законамъ физіологіи, общимъ для всѣхъ клѣточекъ организма, диссоціація идетъ несравненно быстрѣе, чѣмъ образованіе, и нефункціонирующій органъ быстро теряетъ способность функціонировать. Глаза рыбъ, живущихъ въ подземныхъ водахъ, атрофируются, въ концѣ концовъ, и атрофія эта становится наслѣдственною. Даже въ теченіе краткой инди-

видуальной жизни, нефункціонирующій органъ, на образованіе котораго потребовались вѣка, можетъ замѣтно атрофироваться.

Психическій строй народовъ не составляетъ исключенія изъ этого правила. Мозговая клѣточка, долго не функціонировавшая, тоже подвергается атрофіи, а вмѣстѣ съ нею исчезаетъ и психическій ея корреляТъ, на образованіе котораго потрачены вѣка. Смѣлость, энергія, духъ иниціативы, предпріимчивость—быстро могутъ быть потеряны, при отсутствіи упражненія. Поэтому-то, для всякаго народа требуется много времени, чтобы подняться и очень мало для того, чтобы прійти въ упадокъ.

Разсматривая причины паденія народовъ въ исторіи, будутъ ли то Греки, Римляне или Персы, мы увидимъ, что причины эти всегда лежали въ измѣненіи къ худшему ихъ характера, а отнюдь не интеллекта.

Механизмъ разложенія народовъ, во всѣхъ случаяхъ, до такой степени одинаковъ, что приходится спросить себя, какъ это дѣлаетъ одинъ поэтъ, не можетъ ли быть вся исторія написана на одной страничкѣ? Достигнувъ высшей степени цивилизаціи и могущества, когда нельзя уже ожидать нападенія со стороны сосѣдей, народъ начинаетъ отдыхать на лаврахъ и пользоваться своимъ богатствомъ. Тѣ добродѣтели, которыя дали ему преобладаніе, начинаютъ понемногу увядать, а въ замѣнъ ихъ развиваются: эгоизмъ, лѣнь и неудовлетворимые аппетиты. Единственнымъ идеаломъ является наслажденіе во что-бы то ни стало. Тогда сосѣди, болѣе или менѣе варвары, обладающіе слабо развитыми потребностями, но сильной душой, нападаютъ на черезъ-чуръ цивилизованный народъ, уничтожаютъ его и на обломкахъ разрушенной цивилизаціи строятъ новую. Такимъ именно образомъ варвары разрушили непобѣдимый Римъ, а арабы—Персію. Въ интеллектѣ, у побѣжденныхъ, конечно, не было недостатка. Въ этомъ отношеніи они превосходили побѣдителей. Въ Римѣ никогда не было такого количества ученыхъ, писателей, артистовъ и умныхъ людей, какъ при первыхъ императорахъ, то есть при началѣ конца, но онъ потерялъ уже тогда то, что не можетъ быть замѣнено никакимъ развитіемъ интеллекта, то есть характеръ. „Нравы римлянъ испортились, семья распалась, характеры стали дряблыми. Никогда въ Римѣ не было такой тираніи и никогда она не встрѣчала такъ мало сопротивленія“. У старозавѣтныхъ римлянъ потребности были слабы, зато идеалъ силенъ. Идеалъ этотъ—величіе Рима, царилъ въ ихъ душахъ и они жертвовали для него и жизнью, и семьями, и состояніемъ. Когда Римъ сталъ средоточіемъ вселенной, то его наводнили иностранцы, скоро добившіеся правъ гражданства. Наслаждаясь его великолѣпіемъ, они мало думали о поддержаніи его величія. Римъ—превратился тогда въ громадную гостинницу, но пересталъ быть самимъ собой. Когда варвары

подошли къ его стѣнамъ, то онъ только казался живымъ, а душа его давно уже была мертва.

Точь въ точь такая же судьба грозитъ большинству европейскихъ народностей и особенно тѣмъ, которыя, если не по крови, то по традиціямъ, по языку и воспитанію, считаются дѣтьми Рима, „романскими“. Онѣ съ каждымъ днемъ, видимо, теряютъ энергію, лишаются воли и инціативы. Удовлетвореніе постоянно возрастающихъ матерьяльныхъ нуждъ становится ихъ единственнымъ идеаломъ. Семья въ нихъ распадается, общественныя связи ослабѣваютъ, недовольство и психическое недомоганіе распространяется на всѣ классы, отъ самыхъ бѣдныхъ до самыхъ богатыхъ. Подобно кораблю, лишившемуся компаса и носимому волнами, современный европеецъ блуждаетъ, по волѣ случая, въ пространствѣ, когда-то населенномъ богами, а теперь опустѣломъ. Онъ потерялъ вѣру, а вмѣстѣ съ нею и надежду. Впечатлительныя до уродства и подвижныя до болѣзненности толпы, которыхъ ничто болѣе не сдерживаетъ, перескакиваютъ безпрестанно отъ свирѣпой анархіи къ тяжелому деспотизму. Ихъ можно поднять однимъ словомъ, но сегодняшній богъ завтра становится ихъ жертвой. Онѣ, какъ будто-бы, страстно желаютъ свободы, но на самомъ дѣлѣ отталкиваютъ ее и просятъ цѣпей. Онѣ слѣпо повинуются самымъ невѣжественнымъ сектантамъ, самымъ тупымъ деспотамъ. Ораторы, желающіе руководить массами и на самомъ дѣлѣ имп руководящіе, смѣшиваютъ болѣзненную раздражительность послѣднихъ, которая заставляетъ ихъ перескакивать отъ одного деспота къ другому, съ настоящимъ стремленіемъ къ независимости, которое совсѣмъ недопускаетъ деспотизма. Государство, каковъ бы ни былъ его режимъ, служитъ теперь божествомъ, къ которому всѣ партіи обращаются за регламентаціей, обнимающей всѣ житейскія дрязги самыми византійскими формальностями. Молодежь все болѣе и болѣе отказывается отъ карьеръ, требующихъ разсудка, воли, энергіи и личныхъ усилій—малѣйшая отвѣтственность ее затрудняетъ. Узкіе горизонты чиновничьяго мѣста—это все, что ей нужно. Энергія и дѣятельность замѣняются у государственныхъ людей—политическими, невообразимо пустыми разсужденіями; у толпы—непродолжительными и безпричинными припадками энтузіазма или злобы, у писателей—плаксивымъ сантиментализмомъ и блѣдными разсужденіями о бѣдствіяхъ сей жизни. Безграничный эгоизмъ развился повсюду, понятія о чести и совѣсти исчезли *), нравственность постепенно

*) Изъ отчета министра юстиціи, за 1890 годъ, видно, что одни нотаріусы, въ 6 лѣтъ совершили незаконныхъ сдѣлокъ на 62 милліона, и что смѣщеніе ихъ идетъ, слѣдующимъ образомъ въ 1882 г.—31, въ 1883 г.—41, въ 1884—55, въ 1886—71 въ 1889—103.

гаснетъ, люди потеряли способность управлять собою, а кто потерялъ эту способность, тотъ роковымъ образомъ присужденъ къ потери самостоятельности.

Измѣнить все это будетъ очень трудно. И прежде всего надо-бы было измѣнить нелѣпую систему воспитанія, общепринятую во Франціи. Система эта убиваетъ всякую энергію и гаситъ послѣднія искры интеллектуальной самостоятельности, ставя передъ юношами единственный пошлый идеалъ—успѣхъ на конкурсѣ, который требуетъ только усилій памяти, а въ окончательномъ результатѣ благопріятствуетъ умамъ, привыкшимъ къ рабской подражательности и неспособнымъ производить самостоятельной работы. „Я стараюсь закалять души этихъ дѣтей“, сказалъ какой то англійскій учитель Гизо, посѣщавшему тамошнія школы. Во Франціи нѣтъ ни такихъ учителей, ни программъ, по которымъ-бы можно было работать въ этомъ направленіи.

Вотъ отъ этого-то всеобщаго пониженія психическаго спроса и зависитъ неспособность народовъ къ самоуправленію, столь же далекому отъ анархизма, какъ и отъ деспотизма. Хорошо поставленная республика содѣйствуетъ образованію могущественной интеллектуальной аристократіи, а современная французская толпа жаждетъ равенства и потому стремится къ цезаризму, какъ режиму преимущественно эгалитарному. Но цезаризмъ тоже подвергся эволюціи и является теперь подъ видомъ соціализма. Эта форма абсолютной власти государства будетъ, конечно, наиболѣе суровою, такъ какъ она безлична, а потому и неотвѣтственна.

Соціализмъ есть величайшее изъ несчастій, угрожающихъ европейскимъ народамъ. Онъ докончитъ ихъ разложеніе и обусловитъ окончательную гибель западной цивилизаціи. Для того, чтобы вполнѣ понять его силу, нужно смотрѣть не на смыслъ ученія, на которомъ онъ основанъ—смысла можетъ и не быть—а на энтузіазмъ, имъ вызываемый. Соціализмъ есть религія всѣхъ униженныхъ и оскорбленныхъ современной цивилизаціей. Онъ показываетъ имъ, въ туманѣ будущаго, новый рай, къ которому стремятся все большія и большія толпы вѣрующихъ. Скоро они будутъ имѣть своихъ мучениковъ и составятъ символъ вѣры, господство котораго надъ душами будетъ абсолютно.

Нельзя сомнѣваться, что символъ этотъ, противный самому элементарному здравому смыслу, приведетъ человѣчество къ абсолютному рабству, что онъ разрушитъ всякую энергію, всякую личную инціативу, но такая очевидность существуетъ только для психолога, а толпѣ она недоступна. Для того чтобы убѣдить толпу, нужны другія доказательства, взятыя отнюдь не изъ разума—въ дѣлахъ вѣры человѣкъ разума не слушаетъ, а руководствуется только чувствомъ.

Помимо Россіи, населеніе которой состоитъ, отчасти, изъ народовъ азіатскихъ, одна только страна въ Европѣ—Англія—благодаря энергіи народнаго харахтера и силѣ старыхъ вѣрованій, устоитъ, можетъ быть, отъ напора новой нелѣпой религіи. Что же касается Германіи, то она, несмотря на кажущееся процвѣтаніе, будетъ первою жертвою этой религіи. Не даромъ различныя соціальныя секты пользуются такимъ успѣхомъ среди ея населенія. Соціализмъ явится тамъ, вѣроятно, переодѣтый въ строгія научныя формулы, годныя лишь для идеальнаго человѣческаго общества: но такой научный соціализмъ, произведеніе чистаго разума, будетъ тѣмъ прямолинейнѣе и нетерпимѣе.

Соціализмъ, однакоже, представляетъ собою режимъ черезъ-чуръ тяжелый для того, чтобы онъ могъ продолжительно господствовать. Онъ напомнитъ намъ времена Тиверія, Калигулы и Нерона, но скоро долженъ будетъ уступить свое мѣсто новой цивилизаціи, которая возникнетъ на обломкахъ стараго міра. Исторія постоянно повторяется.

Изъ всего вышеизложеннаго, вытекаютъ слѣдующія положенія:

1) Народности отличаются другъ отъ друга психологическими чертами, столь же постоянными, какъ и физическіе признаки вида. Психологическій видъ, какъ и физическій, преобразуется при помощи наслѣдственности, лишь въ теченіе длиннаго ряда лѣтъ.

2) Къ основнымъ, постояннымъ и наслѣдственнымъ, психологическимъ чертамъ народнаго характера, присоединяются черты добавочныя, измѣняющіяся подъ вліяніемъ внѣшнихъ обстоятельствъ и обусловливающія, въ широкихъ границахъ, кажущуюся измѣнчивость всего психическаго строя народа.

3) Психическій строй даннаго народа создается не живыми только индивидуумами, входящими въ составъ послѣдняго, а и мертвыми его предками, такъ какъ они-то и создали всю безсознательную сторону этого строя.

4) Жизнь народа и всѣ проявленія его цивилизаціи суть простыя отраженія его души, вещественные знаки невещественныхъ, но вполнѣ реальныхъ сущностей.

5) Ни случай, ни внѣшняя обстановка, ни, въ особенности, политическія учрежденія не играютъ никакой роли въ исторіи народа—вся она есть результатъ его характера.

6) Такъ какъ элементы цивилизаціи народа суть лишь внѣшніе знаки его психическаго строя, то они никакъ не могутъ быть передаваемы отъ одного народа другому. Передаются только внѣшнія формы, никакого значенія не имѣющія.

7) Глубокія различія, существующія между психическимъ строемъ разныхъ народовъ, обусловливаютъ разницу во взглядахъ, мысляхъ и дѣйствіяхъ этихъ народовъ, которая служитъ причиной взаимнаго непониманія и антипатіи, ведущихъ къ войнамъ. Всѣ войны завоевательныя, религіозныя, династическія, были, въ сущности, борьбою между народностями.

8) Агломератъ людей разныхъ національностей можетъ развиться въ особый народъ лишь по прошествіи многихъ вѣковъ, когда скрещиванія и продолжительная жизнь при одинаковыхъ условіяхъ создадутъ общія вѣрованія, общія чувства и общіе интересы, однимъ словомъ, — общую душу. Среди цивилизованныхъ націй нѣтъ болѣе естественныхъ народностей, то-есть происходящихъ отъ одного корня и пропитанныхъ единымъ духомъ.

9) Пріобрѣтеніе прочной коллективной души обозначается высшей степенью процвѣтанія народа, а распаденіе души (производимое, чаще всего, скрещиваніемъ съ иностранцами) влечетъ за собою упадокъ народности.

10) Психологическіе виды, какъ и анатомическіе, не вѣчны; они старятся и исчезаютъ, при чемъ разложеніе идетъ несравненно быстрѣе, чѣмъ образованіе.

11) Новая внѣшняя обстановка, физическая и нравственная, сильно дѣйствуетъ только на новые народы, то-есть на такіе, которые образовались изъ обломковъ старыхъ и не успѣли еще развить въ себѣ коллективную душу. Но на старые народы она почти не дѣйствуетъ. Ихъ можетъ измѣнить лишь скрещиваніе, такъ какъ только наслѣдственность можетъ бороться съ наслѣдственностью. Старая раса скорѣе вымретъ, въ новой обстановкѣ, чѣмъ измѣнится.

12) Внѣшняя обстановка физическая и нравственная, дѣйствуетъ, за то весьма быстро на добавочныя стороны народнаго характера. Особенно сильное вліяніе производятъ не только на нихъ, но даже на основныя черты послѣдняго, религіозныя вѣрованія. Не измѣняя кореннымъ образомъ основныхъ чертъ характера, они направляютъ ихъ въ одну сторону. Косвенно, всѣ историческіе перевороты были обусловлены смѣной религіозныхъ вѣрованій. Созданіе новаго культа всегда являлось зарей новой цивилизаціи, а паденіе культа сопровождалось разрушеніемъ послѣдней.

Мы, теперь, именно стоимъ на границѣ такой смѣны — небо пусто для большинства европейскихъ народовъ, и видъ Европы долженъ измѣниться въ неотдаленномъ будущемъ.

К. Толстой.

Георгій Конисскій Архіепископъ Бѣлорусскій.

(по поводу столѣтія со дня его кончины.)

(1795—1895 г.)

Колыбель Нѣжинъ, Кіевъ мой учитель;
Я въ тридцать восемь лѣтъ сдѣлался Святитель.
Семнадцать лѣтъ боролся я съ волками,
А двадцать два, какъ Пастырь, отдохнулъ съовцами.
За претерпѣнные труды и непогоду
Архіепископомъ и Членомъ сталъ Синоду.
Георгій именемъ, а изъ Конисскихъ дому,
Коню подобенъ бывалъ почтовому.
Сего тутъ *подла* зарылъ грѣшны кости
Годъ семисотный пятый девяностый.

(Надгробная надпись Георгію Конисскому, сочиненная имъ самимъ.)

Тринадцатаго февраля нынѣшняго года исполнилось сто лѣтъ со дня кончины Георгія Конисскаго, архіепископа Бѣлорусскаго, знаменитаго борца за православіе и русскую народность въ Бѣлорусскомъ краѣ, находившися въ половинѣ XVIII столѣтія подъ владычествомъ Польской короны и подъ гнетомъ папистовъ и іезуптовъ, стремившихся истребить православіе въ краѣ и утвердить если не католичество, то, по крайней мѣрѣ, унію. По этому случаю считаемъ благовременнымъ почтить память этого необыкновеннаго іерарха воспоминаніемъ о его подвигахъ, трудахъ и страданіяхъ, подъятыхъ имъ за русское дѣло.

Георгій Конисскій родился 20 ноября 1717 года въ г. Нѣжинѣ, отъ старинной дворянской фамилии и при крещеніи названъ Григоріемъ. На 11-мъ году отъ рожденія онъ былъ отправленъ для образованія въ Кіевскую духовную академію. Здѣсь въ продолженіи 15-лѣтняго курса ученія, юный Конисскій, при отличныхъ дарованіяхъ, оказалъ блестящіе успѣхи въ наукахъ. Особенно отличался онъ языковѣдѣніемъ: кромѣ латинскаго и польскаго, онъ основательно изучилъ языки греческій, еврейскій и нѣмецкій. По окончаніи академическаго курса, Конисскій, на 27 году отъ роду, принялъ монашество съ именемъ Георгія въ 1744 году и нѣкоторое время былъ профессоромъ, а затѣмъ и ректоромъ родной академіи.

Но Промыслу угодно было предназначить Георгія къ новому славному служенію. Въ 1755 году онъ избранъ былъ на могилевскую, православную архіерейскую каѳедру и рукоположенъ во епископа. Русское правительство, покровительствовавшее православнымъ Польскаго королев-

ства, какъ своимъ единовѣрцамъ и единоплеменникамъ, дало новому епископу средства благоустроить свою бѣдную Епархію.

За Георгіемъ Конисскимъ, какъ малороссомъ, стали двигаться въ Бѣлоруссію многія малороссы и размѣщались при его каѳедрѣ и по монастырямъ. Объ нихъ сохранилось извѣстіе, что они происходили изъ казацкаго рода и отличались энергіей въ своихъ дѣйствіяхъ *). Дѣйствительно, нужна была малороссійская энергія и настойчивость, съ коими соединено было въ Бѣлоруссіи оживленіе православія. Но христіанское величіе духа дало средство этому необыкновенному іерарху вынести эти трудности и стать во главѣ движенія къ возсоединенію Бѣлоруссіи отъ самаго начала и до полнаго его развитія при Екатеринѣ II.

Въ то время Бѣлорусская церковь находилась въ самомъ печальномъ положеніи. Римское и уніатское духовенство, опиравшееся на силу польскихъ магнатовъ, не переставало утѣснять православныхъ до послѣдней крайности. Нѣсколько тысячъ православныхъ жителей Бѣлоруссіи, разныхъ сословій, то прельщеніями, то насиліемъ и даже мученіями вынуждены были принять унію.—Вмѣстѣ съ ними болѣе 200 приходскихъ церквей и 5 монастырей православныхъ перешли во власть польскаго уніатскаго архіепископа. Запрещено было строить новыя храмы и починять старые. Гонители православія успѣли исходатайствовать у короля строжайшій *универсалъ* или указъ, которымъ воспрещено было на праздныя мѣста поставлять вновь священниковъ безъ особаго на то соизволенія короля. По своеволію владѣльцевъ, весьма часто случалось, что православные священники, которыхъ твердости въ вѣрѣ поколебать они не могли, безъ всякой вины были изгоняемы изъ своихъ приходовъ и принуждены были скитаться съ семействами безъ крова и пропитанія. Никто не смѣлъ даже изъ жалости дать имъ пріютъ, чтобы не навлечь на себя подозрѣнія, ненависти и лишенія. Къ большому поруганію православія, самые жиды, пріобрѣтая за деньги у помѣщиковъ права арендаторовъ имѣній, дѣлали самыя возмутительныя насилія не только служителямъ церкви, но и самымъ храмамъ. Были случаи, что жиды безнаказанно присвоивали церковную утварь, земли и угодья.

При такихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ преосвященный Георгій принялъ управленіе Бѣлорусскою епархіею. Вступленіе свое въ управленіе онъ ознаменовалъ весьма полезными и важными распоряженіями. Онъ нашелъ большую часть духовенства на весьма низкой степени умственнаго развитія, потому что враги православія, какъ сказалъ онъ въ одномъ словѣ, «лишивъ ихъ свободы совѣсти, отняли у нихъ и свѣтъ ученія.» Поэтому преосвященный Георгій обратилъ прежде всего вниманіе на устройство могилевской духовной семинаріи съ низшими школами. Въ 1757 году положивъ основаніе оной, онъ, по недостатку въ учителяхъ, открылъ сперва только низшіе классы и вмѣстѣ съ тѣмъ успѣлъ испросить у русскаго правительства пособіе въ 400 р. на содержаніе наставниковъ и учениковъ, которое и стало выдаваться съ 1758 г.

Заботясь объ образованіи духовенства, Георгій не менѣе заботился и о наставленіи, подкрѣпленіи и охраненіи ихъ правъ. Положивъ осно-

*) Проф. Кояловичъ. О возсоед. уніат. стар. временъ стр. 11—12.

ваніе училищамъ, онъ въ то же время устроилъ типографію при архіерейскомъ домѣ, въ которой приказалъ печатать *Катехизисъ* или *Сокращенное христіанское ученіе* Ѳеофана Прокоповича со многими своими дополненіями. Эту книжку онъ разослалъ во всѣ церкви своей епархіи при пастырскомъ наставленіи. Въ немъ Святитель весьма трогательно убѣждаетъ духовенство поучать народъ истинамъ христіанской вѣры и вести жизнь богоугодную. Съ другой стороны, бдительный стражъ Церкви Христовой, Георгій всѣми мѣрами старался охранять достояніе церковное, которое время отъ времени расхищаемо было врагами православія. Преосвященный по опыту зналъ, что католики и уніаты, отторгая храмы отъ православныхъ, считали правиломъ, пользуясь общею тревогою, захватывать въ свои руки письменные документы на церковныя земли и угодья, безъ которыхъ православнымъ нельзя было и думать о возвращеніи отнятаго. По этимъ причинамъ, а также и потому, что уже много поступало жалобъ объ отнятыхъ церковныхъ имуществахъ, преосвященный Георгій устроилъ при архіерейскомъ домѣ особый архивъ и въ оный собралъ значительное число разныхъ актовъ, въ подлинникахъ и въ спискахъ. Такимъ образомъ они были сбережены не только отъ расхищенія и потери, но впослѣдствіи составили любопытные матеріалы для исторіи Бѣлорусскаго края.

Между тѣмъ въ то время, какъ Георгій прилагалъ всѣ старанія къ устроенію и охраненію своей паствы, враги православія втайнѣ готовили новыя козни и, гоненія. Въ 1757 году минскій капелланъ Юдицкій въ м. Лосвѣ съ помощью жолнеровъ, т. е., польскихъ солдатъ, отнялъ православную церковь и ввелъ въ нее уніатскаго священника, а православныхъ прихожанъ, подъ предлогомъ ослушанія, три недѣли томилъ въ своемъ замкѣ въ оковахъ, пока принудилъ измѣнить вѣрѣ предковъ. Еще большія насилія дѣлалъ миссіонеръ доминиканецъ, странствовавшій по Бѣлоруссіи. Онъ производилъ надъ православными неслыханныя насилія: заставлялъ ихъ носить огромные кресты, съ вѣнцами на головѣ, съ веревками на шеѣ и угрожалъ розгами, висѣлицами и кострами, отнялъ Преображенскую церковь.

Надлежало прибѣгнуть къ заступничеству единовѣрнаго могущественнаго Русскаго двора. Преосвященный Георгій описалъ всѣ эти насилія въ своихъ донесеніяхъ св. Синоду. По его ходатайству тогда же велѣно было русскому посланнику въ Варшавѣ Гроссу домогаться у короля законнаго удовлетворенія. Русское Правительство вошло въ непосредственное объясненіе съ совѣтникомъ польскаго посольства Прассе и особою нотою 1758 года энергично требовало представить королю, чтобы прекращены были гоненія на православныхъ, чтобы разрѣшено было строить новыя церкви и починять старыя. Но это ходатайство не имѣло успѣха. Насилія надъ православными продолжались. Несмотря на опасность, преосв. Георгій при обозрѣніи епархіи въ іюнѣ 1759 г. прибылъ въ Оршу, былъ встрѣченъ дикой манифестаціей католиковъ: толпы миссіонеровъ, шляхтичей и жолнеровъ сопровождали его въѣздъ насмѣшками, непристовыми криками и ругательствами. Привѣтственный колокольный звонъ былъ остановленъ, торжественная встрѣчная процессія горожанъ была разсѣяна. Въ самомъ храмѣ владыку не оставили въ покоѣ. Въ

то время, когда онъ за службой говорилъ поученіе народу, фанатики въ шапкахъ, съ оружіемъ въ рукахъ ворвались въ храмъ, разогнали народъ и желали тутъ же учинить расправу и съ самимъ архипастыремъ. Ему, однако, удалось скрыться въ стѣнахъ монастыря. Но и монастырь вскорѣ былъ окруженъ. Преосвященнаго спасла лишь находчивость: онъ приказалъ положить себя въ крестьянскую телѣгу и, прикрывъ навозомъ, вывести изъ монастыря, гдѣ его жизнь уже была внѣ опасности. Георгій снова долженъ былъ искать защиты у Русскаго двора. Послѣдовавшіе вскорѣ затѣмъ дипломатическіе переговоры между польскимъ и русскимъ Кабинетами опять-таки не имѣли благопріятныхъ послѣдствій. Достаточно сказать, что на жизнь Могилевскаго архипастыря было сдѣлано новое покушеніе со стороны тѣхъ же фанатиковъ, на этотъ разъ въ самой его резиденціи, въ Могилевѣ. Преосвященный Георгій вторично счастливо избѣжалъ опасности, успѣвши найти убѣжище въ низкихъ сырыхъ подвалахъ своего дома. Нѣсколько разъ и еще обращался преосвященный къ русскому Правительству съ просьбою защитить православныхъ бѣлоруссовъ, но представленія русскаго двора по прежнему оставлялись безъ вниманія Польскимъ Правительствомъ, хотя на бумагѣ оно и не скупилось на всевозможныя обѣщанія.

Дѣйствовать со всею рѣшительностью на защиту православія выпало лишь на долю императрицы Екатерины II. Съ положеніемъ православныхъ въ Бѣлоруссіи она была ознакомлена самимъ Георгіемъ Конисскимъ, который, прибывъ въ Москву на торжество коронованія государыни, произнесъ здѣсь предъ ея лицомъ блестящую рѣчь, правдиво обрисовавши печальную картину тяжелой борьбы бѣлоруссовъ за вѣру. Высказавши въ этой рѣчи и свою надежду на избавленіе отъ бѣдствій помощью императрицы, Георгій еще болѣе расположилъ послѣднюю съ участіемъ отнестись къ судьбамъ своихъ единовѣрцевъ въ Польшѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ и самъ Георгій, смѣлымъ и ревностнымъ заступничествомъ за страждующую свою паству, обратилъ на себя особое вниманіе императрицы, которая сразу оцѣнила въ немъ дѣятеля энергичнаго, умнаго и безусловно полезнаго краю. Когда, вскорѣ послѣ описываемыхъ событій, въ Святѣйшемъ Сунодѣ возникло было предположеніе о переводѣ Георгія на другую каѳедру съ цѣлью дать ему отдыхъ и успокоеніе, императрица остановила это дѣло своимъ замѣчаніемъ: «Георгій нуженъ въ Польшѣ». Еще болѣе явнымъ знакомъ особенно милостиваго расположенія къ Георгію и защищаему имъ дѣлу православія было со стороны государыни непосредственное ея обращеніе къ польскому королю Станиславу Понятовскому съ рекомендаціей Конисскаго и просьбой сохранить за нимъ всѣ прежнія права и достояніе епископіи. Подъ защитой императрицы, съ ея граматой Георгій явился въ польскую столицу и въ особой аудіенціи былъ принятъ Станиславомъ. Здѣсь во дворцѣ, предъ правителемъ Польши и онъ произнесъ на латинскомъ языкѣ извѣстную и вмѣстѣ съ тѣмъ трогательную рѣчь въ защиту православной вѣры и ея исповѣдниковъ въ Бѣлорусскомъ краѣ. «Одна только вѣра, — говорилъ Конисскій,—ставится намъ въ преступленіе. Мы, христіане, христіанами же притѣсняемся, вѣрные, но вѣрными озлобляемы болѣе, нежели невѣрными. Запечатаны наши церкви, въ которыхъ прославляется Христосъ,

а жидовскія синагоги, гдѣ изрыгаются хулы на Него, открыты и неприкосновенны. За то, что мы не дерзаемъ толковать вѣчные Божіи законы согласно съ преданіями человѣческими и, такъ сказать, не смѣшиваемъ небо съ землею,—за то, говорю, называютъ насъ схизматиками, еретиками, богоотступниками. За то, что страшимся противорѣчить съ безстыдствомъ гласу совѣсти, осуждаютъ насъ на заключеніе въ темницы, на раны, на позорную казнь и сожженіе». Изъ этой правдивой рѣчи, а особенно изъ послѣдовавшей затѣмъ кабинетной бесѣды съ Конисскимъ, король, можетъ быть, впервые ознакомился со всѣми тяжкими подробностями религіозной драмы бѣлоруссовъ. Чувство справедливости подсказало ему дать полное удовлетвореніе высокому ходатайству. «Все вамъ будетъ подтверждено, на что только прежнія имѣете права», — сказалъ Станиславъ преосвященному, прибавивъ при этомъ: много-ли такихъ, какъ вы, умныхъ людей въ Россіи? — «Я самый послѣдній», скромно отвѣчалъ владыка.

Во время пребыванія Георгія въ Варшавѣ въ его епархіи совершились новыя насилія. Въ селеніи Осмоловичи миссіонеръ ксензъ Терлецкій съ іезуитами захватилъ православный храмъ, а бѣдныхъ одноДворцевъ предалъ уголовному суду. Напуганные грознымъ приговоромъ смертной казни, они скрылись въ лѣсахъ, не смотря на лютые морозы и ужасы голода; но несчастные были розысканы ловчими, которые преслѣдовали ихъ, какъ дикихъ звѣрей, и насильно обратили: однихъ въ римскую вѣру, другихъ—въ унію.

Представленія Георгія Конисскаго польскому королю поддерживаемы были и русскимъ правительствомъ чрезъ своихъ посланниковъ въ Польшѣ. А такъ какъ эти представленія не только не имѣли успѣха, а вызвали еще на польскомъ сеймѣ 1766 года новыя выходки противъ православія, то всѣ дворяне не католики составили въ 1767 году въ Слуцкѣ конфедерацію или союзъ и, требуя равноправности и терпимости вѣроисповѣданій, обратились за помощію къ Россіи и иностраннымъ державамъ. Къ этому союзу присталъ и Преосвященный Георгій Конисскій. Императрица Екатерина II приняла союзъ подъ свое покровительство и потребовала отъ Польши обезпеченія вѣротерпимости для ея подданныхъ некатоликовъ. Рѣшительныя угрозы русскаго посланника князя Рѣпнина и страхъ предъ русскими войсками подѣйствовали на сеймъ, созванный королемъ въ 1768 году. На этомъ сеймѣ назначена была коммисія изъ 70 лицъ, которая заключила съ Рѣпнинымъ договоръ, хотя отчасти облегчавшій участь православныхъ въ Польшѣ. Договоромъ этимъ опредѣлено: католическая вѣра въ Польшѣ признается господствующею; переходъ изъ нея въ другое вѣроисповѣданіе почитается преступленіемъ; но за то православнымъ предоставляется право поддерживать, строить и содержать церкви, дома церковные, школы, больницы. Духовнымъ дозволялось свободно напутствовать больныхъ, хоронить публично умершихъ, совершать крестные ходы. Они освобождались отъ зависимости польскихъ ксендзовъ и отъ даней, платимыхъ въ пользу послѣднихъ. Дѣтямъ рожденнымъ отъ смѣшанныхъ браковъ, дозволено было слѣдовать: сыновьямъ—вѣроисповѣданію отца, дочерямъ—вѣроисповѣданію матери. Православные освобождались отъ обязательнаго присутствованія при католическихъ процес-

сіяхъ, и для разбирательства вѣроисповѣдныхъ столкновеній учрежденъ былъ *смѣшанный судъ* (judicium mixtum) изъ 17 католиковъ и 8 православныхъ и протестантовъ. Преосвященный Георгій также былъ назначенъ членомъ этого суда [1]). Постигнувъ въ полной мѣрѣ важность новыхъ своихъ обязанностей и желая упрочить на будущее время благосостояніе подданныхъ польскаго королевства, исповѣдавшихъ православную вѣру, онъ старался собрать, указать, объяснить всѣ древнія граматы, привилегіи, постановленія, на которыхъ основывалась неприкосновенность правъ православныхъ жителей Польши. Благоразуміемъ и опытностью, точными свѣдѣніями въ дѣлахъ и безпристрастіемъ онъ снискалъ себѣ всеобщее уваженіе: даже самые враги искали его дружества и совѣтовъ. Львовскій уніатскій епископъ Леонъ Шептицкій однажды откровенно сказалъ Конисскому: «Мы уніаты за вами (православными) еще живемъ, когда католики васъ догрызутъ, то примутся и за насъ; да и теперь уже, въ ссорахъ, называютъ насъ, ровно какъ и васъ, схизматиками». Уніатскіе епископы, призванные въ Варшаву для совѣщаній, рѣшились ввѣрить Георгію «чрезвычайную» свою тайну, что они «оставивъ папскую надъ собою юрисдикцію», хотятъ опять соединиться съ Греко-Россійскою Церковью, о чемъ представили королю и письменный меморіалъ.

Но это облегченіе, доставленное православнымъ подданнымъ Польши при содѣйствіи Россіи, было непродолжительно. Изувѣрная польская шляхта озлобилась противъ указанныхъ условій договора. Вспыхнула такъ называемая барская конфедерація, волновавшая Польшу цѣлыхъ четыре года, вовлекшая Россію въ войну съ Турціей и усмиренная наконецъ русскими войсками. По окончаніи войны Россія согласилась на давнія и настойчивыя предложенія Пруссіи — раздѣлить Польское государство и произвела въ 1772 году этотъ раздѣлъ, такъ называемый *первый раздѣлъ* Польши между Пруссіей, Австріей и Россіей. Россіи достались воеводства: Мстиславское, Могилевское, часть Полоцкаго съ Инфлянтами и часть Минскаго, т. е. говоря вообще вся такъ называемая Бѣлоруссія съ 1.360,000 жителей.

Изъ вновь присоединенныхъ Бѣлорусскихъ областей—Могилевской, Оршанской, Рогачевской и Мстиславской образована Бѣлорусская Епархія и Епископомъ въ ней оставленъ Преосвященный Георгій Конисскій. Съ этого времени начинается второй періодъ жизни и дѣятельности Конисскаго: буйства и насилія фанатическихъ папистовъ прекратились, водворились тишина и спокойствіе. Ревностный пастырь, мужественный борецъ за православіе, окончивъ тяжелую, продолжительную борьбу съ папистами, сталъ отдыхать спокойно надъ скипетромъ единовѣрной монархини. Георгій отправился въ Петербургъ и здѣсь 10 мая 1773 г., въ придворной церкви произнесъ прекрасную рѣчь, въ которой выразилъ императрицѣ чувство глубокой благодарности отъ лица всѣхъ православныхъ за избавленіе отъ чужеземнаго ига. «Не отринули, ваше императорское величество, когда я отъ епархіи своей приносилъ слезы и жалобы, говорилъ въ своей рѣчи Георгій, дозвольте же нынѣ, всемилостивѣйшая

---

[1]) Бѣлоруссія и Литва. Батюшкова, стр. 306.

государыня, отъ тѣхъ же единовѣрцевъ принести торжество духа и благодареніе».

Въ мѣропріятіяхъ императрицы Екатерины касательно новоприсоединенной области, расчитанныхъ на то, чтобы привлечь въ Россію сердца польской интеллигенціи этой страны, было одно существенное упущеніе, которое дало ложное направленіе всѣмъ дѣламъ и поставило преосвященнаго Георгія Конисскаго въ крайне трудное и мучительное положеніе. Изъ многочисленныхъ указовъ, изданныхъ Екатериною для благоустройства Бѣлоруссіи ни одинъ не касался давняго и жгучаго вопроса этой страны—вопроса о тѣхъ уніатахъ, которые насильственно удерживались въ уніи. Поэтому-то преосвященному Георгію удалось только нѣкоторые приходы, отторгнутые въ унію, возвратить въ православіе.

Среди заботъ и попеченій о благосостояніи своей паствы, преосвященный не переставалъ заботиться о просвѣщеніи духовенства. Въ 1780 году онъ построилъ для семинаріи новое громадное зданіе, съ приличными помѣщенія для учителей и учениковъ, вызвали изъ Кіевской Академіи нѣсколькихъ студентовъ и устроилъ въ семинаріи каѳедры не только богословія и философіи, но и языковъ еврейскаго, греческаго и польскаго. Вмѣстѣ съ этимъ, по его ходатайству, возвышенъ окладъ на содержаніе семинаріи до 2,500 р. Преображенскій монастырь въ которомъ находился архіерейскій домъ, также обязанъ преосвященному своимъ устройствомъ и благолѣпіемъ.

Въ 1780 г. императрица Екатерина предприняла обозрѣніе Бѣлоруссіи. Австрійскій императоръ Іосифъ, желавшій лично узнать великую русскую царицу, слава о которой гремѣла по Европѣ и Азіи, прибылъ въ Могилевъ съ небольшой свитою для свиданія съ нею. 19 мая императрица имѣла торжественный выѣздъ въ городъ и отправилась прямо въ каѳедральный соборъ, гдѣ преосвященный Георгій встрѣтилъ ее привѣтственною рѣчью. Императрица и австрійскій императоръ Іосифъ присутствовали при закладкѣ новаго собора, который посвященъ былъ имени Св. Іосифа Обручника, въ честь августѣйшаго гостя и въ память союза двухъ могущественныхъ государей Европы. Послѣ этого преосвященный Георгій имѣлъ случай уже въ послѣдній разъ видѣть императрицу во время ея знаменитаго путешествія въ Крымъ 1787 г. 18-го января императрица прибыла въ городъ Мстиславль и встрѣчена была духовенствомъ съ тремя архіереями разныхъ исповѣданій: православнымъ—Георгіемъ Конисскимъ, римско-католическимъ—Сестренцевичемъ и уніатскимъ—Лисовскимъ. Здѣсь-то преосвященный Георгій произнесъ свою прекрасную неподражаемую рѣчь, которая начинается словами: «Оставимъ астрономамъ доказывать, что земля вокругъ солнца обращается: наше солнце вокругъ насъ ходитъ и ходитъ для того, да мы въ благополучіи почиваемъ» [1]). Императрица пожаловала Георгію 1,000 рублей на соборъ и архіерейскій домъ также 1,000 р. и на Мстиславскій монастырь 300 руб.

---

[1]) Соч. Георг. Конисск., т. II, стр. 375.

Георгій въ это время былъ уже семидесятилѣтнимъ старцемъ. Лѣта и труды постоянно ослабляли его здоровье. Онъ скончался послѣ продолжительной и тяжкой болѣзни, 13-го февраля 1795 года.

Жизнь и дѣятельность Георгія Конисскаго въ различныхъ отношеніяхъ представляютъ различныя его достоинства. Для церкви и для паствы своей онъ былъ ревностнымъ пастыремъ, бдительнымъ стражемъ и наставникомъ, для науки—отцомъ и другомъ питомцевъ, при царскомъ дворѣ—смѣлымъ защитникомъ правды, на судѣ—строгимъ блюстителемъ святости законовъ. Подвиги вѣры и служенія пріобрѣли ему безсмертную славу не только въ Россіи, но и въ чужихъ странахъ и даже отъ самихъ враговъ православія.

Ѳ. Четыркинъ.

ЧЕРНЫЕ ДНИ.

(Изъ разсказа фельдшерицы).

I.

Въ N, одномъ изъ многолюдныхъ приволжскихъ городовъ, холера въ позапрошломъ 1892 г. появилась во второй половинѣ іюня. Я пріѣхала въ этотъ городъ на борьбу съ страшною болѣзнію на третій или четвертый день послѣ оффиціальнаго объявленія его неблагополучнымъ въ холерномъ отношеніи.

Всю зиму и весну передъ тѣмъ я провела въ Самарской губ. въ голодающихъ мѣстностяхъ, пораженныхъ сыпнымъ тифомъ. Здѣсь санитарный отрядъ, въ составѣ котораго я была фельдшерицей, снискалъ медицинскою и благотворительною дѣятельностью въ крестьянскомъ населеніи такую любовь къ себѣ, ко всѣмъ намъ относились съ такимъ довѣріемъ и уваженіемъ, повсюду встрѣчали съ такою искреннею радостью, что я впервые испытала въ живомъ, хотя и слишкомъ трудномъ дѣлѣ, всю прелесть и отраду разумной, человѣколюбивой работы. Нѣтъ ничего ужаснѣе народныхъ бѣдствій, какъ голодъ и моръ, но и къ нимъ можетъ быть примѣнима до извѣстной степени поговорка: нѣтъ худа безъ добра. Мнѣ кажется, существуетъ даже нѣкоторое пропорціональное отношеніе между худомъ и добромъ: огромные размѣры народнаго бѣдствія требовали и большихъ добрыхъ дѣлъ, необычнаго напряженія нравственныхъ и матеріальныхъ силъ, а для этого требовались также и люди, склонные и способные находить въ облегченіи человѣческихъ страданій свое личное душевное удовлетвореніе. Я, по крайней мѣрѣ, никогда не забуду столь рѣдкаго въ нашей общественной жизни всеобщаго подъема братскихъ чувствъ къ пострадавшимъ отъ голода и болѣзней и проведенной мною цѣлой половины голоднаго года въ самомъ центрѣ нужды и болѣзней. Эта пора навсегда останется дорогимъ воспоминаніемъ въ моей жизни, не смотря на то, что я сама едва не умерла, заразившись здѣсь тяжелою формой сыпного тифа.

Вотъ почему съ большою радостью я приняла приглашеніе N-ской городской управы на мѣсто фельдшерицы при холерной больницѣ. Я еще отдыхала послѣ моей болѣзни въ маленькомъ имѣніи одного самарскаго землевладѣльца, все время голоднаго года близко стоявшаго къ дѣлу народной помощи, когда получила объ этомъ приглашеніи телеграмму отъ моей подруги Лизы Бѣлковой, бывшей вмѣстѣ со мною „на тифѣ“, тоже фельдшерицею санитарнаго отряда. На лѣто, по прекращеніи эпидеміи, она уѣхала въ г. N, гдѣ отецъ ея, бывшій учитель гимназіи, проживалъ на пенсіи. Получивъ телеграмму, я тотчасъ же уложила въ чемоданъ свой маленькій багажъ и помчалась по желѣзной дорогѣ.

На всемъ пути отъ Самары до N было безлюдно и пустынно. Это отчасти происходило отъ того, что уже были въ разгарѣ полевыя работы, но главная причина, какъ объяснилъ мнѣ одинъ изъ немногихъ пассажировъ, ѣхавшихъ со мною въ вагонѣ, была холерная паника. Внизъ къ Астрахани, по словамъ пассажира, рѣдко кто отваживался на путешествіе, откладывались самыя неотложныя дѣла; напротивъ съ низовьевъ Волги на сѣверъ замѣчалось усиленное пассажирское движеніе; отъ холеры бѣжали не только богатые, но даже рабочіе, покидая значительные лѣтніе заработки. Это было дурнымъ предзнаменованіемъ для новаго дѣла, на которое я ѣхала, но я не боялась быть тамъ, гдѣ была моя подруга Лиза Бѣлкова; съ нею я поѣхала бы, кажется, хоть на край свѣта. Что эта была за славная, рѣдкостная дѣвушка! Цвѣтущая двадцатилѣтняя красавица, съ русскимъ добрымъ открытымъ лицомъ, съ голубыми прекрасными глазами, всегда бодрая, радостная, дѣятельная,— Лиза производила на меня удивительно ободряющее впечатлѣніе. Не даромъ и въ деревняхъ, гдѣ мы были на тифѣ, крестьяне говорили о ней, что когда она гдѣ покажется, то словно какъ солнышкомъ пригрѣетъ и освѣтитъ. Кромѣ прямыхъ своихъ обязанностей по лѣченію больныхъ, Лиза была самымъ дѣятельнымъ агентомъ въ организованномъ здѣсь, по иниціативѣ частныхъ лицъ, обществѣ братской помощи; она входила во всѣ нужды крестьянскаго населенія, устраивала столовыя и молочныя фермы для дѣтей,—и все это дѣлала съ неостывающимъ жаромъ и увлеченіемъ. Намъ всѣмъ въ отрядѣ доставалось отъ тяжелой работы; всѣ мы обыкновенно начинали свой трудовой день въ 6 часовъ утра и до поздняго вечера проводили въ непрерывныхъ хлопотахъ, едва успѣвая пообѣдать, подкрѣпить себя чаемъ; но Лиза насъ даже изумляла своею энергіею и неутомимостью въ работѣ. Я просто была влюблена въ мою подругу. Истинно добрый человѣкъ—будь то мужчина или женщина, юноша или дѣвица—одинаково способенъ привлечь къ себѣ ваше сердце, зародить въ немъ къ себѣ самое искреннее расположеніе, привя-

занность и даже любовь. Но я имѣла еще особыя основанія для своихъ симпатій къ Лизѣ. Все время моей тяжкой болѣзни, моя подруга, какимъ то чудомъ сама не заразившаяся тифомъ, слѣдила за моимъ лѣченіемъ, и ей я больше всего обязана была своимъ выздоровленіемъ.

Съ большимъ волненіемъ подъѣзжала я къ вокзалу гор. N, заранѣе зная изъ телеграммы, что моя подруга сама явится къ приходу поѣзда встрѣтить меня. Издали я увидѣла ея довольно высокую, стройную фигуру въ сѣрой накидкѣ и круглой соломенной шляпкѣ на головѣ; сердце мое просто трепетало отъ радости, и я чуть невыбѣжала изъ вагона, когда поѣздъ остановился у вокзала.

— Милая Соня, съ крайне удивившимъ меня огорченіемъ на лицѣ обратилась ко мнѣ Лиза, едва мы успѣли расцѣловаться,— прости меня, что я тебя вызвала на холеру.—Ты перенесла тифъ, тебѣ бы нужно хорошенько оправиться послѣ болѣзни...

— Но я совершенно поправилась, милая, перебила я,—и, напротивъ, очень рада твоему вызову: я начинала уже томиться отъ бездѣлья.

— Ахъ, нѣтъ,—ты ничего не знаешь. Здѣсь совсѣмъ не то, что было у насъ на сыпномъ тифѣ. И люди здѣсь другіе, по крайней мѣрѣ кажутся иными, когда появилась эта ужасная болѣзнь...

И Лиза разсказала мнѣ самыя неутѣшительныя вещи о настроеніи города, особенно простого населенія его. Уже за нѣсколько дней до появленія въ немъ холеры, всѣ чувствовали себя крайне ненормально. Бѣжавшій въ паникѣ съ низовьевъ Волги простой людъ разносилъ съ собою и эту панику, и самые невѣроятные слухи о докторахъ, о причинахъ болѣзни, о принимаемыхъ противъ ея мѣрахъ. Въ общественныхъ мѣстахъ города,—на базарныхъ площадяхъ, въ увеселительныхъ заведеніяхъ—повсюду только и рѣчи было что о холерѣ, и темные фантазеры изъ народа разсказывали нелѣпыя басни, собирая вокругъ себя толпы довѣрчивыхъ слушателей...

— Но милая Лиза, прервала я ея унылый разсказъ,— все это, нужно думать, продержится не долго. Вѣдь и на сыпномъ тифѣ къ намъ относились сначала подозрительно и недовѣрчиво...

— Да... Но, видишь-ли, холера совсѣмъ особенная болѣзнь. Тамъ, на тифѣ, къ намъ имѣли время присмотрѣться; болѣзнь дѣйствовала медленно и процентъ выздоравливающихъ отъ нея былъ великъ. Тамъ кромѣ медицинской помощи, мы, пользуясь средствами добрыхъ людей, кормили, поили, одѣвали своихъ больныхъ. А это много значитъ. Здѣсь же—иное дѣло. Болѣзнь дѣйствуетъ быстро, распространяется съ страшною силой, самая картина болѣзни ужасна... Но впрочемъ сама увидишь все, своими глазами...

Первый разъ я была свидѣтельницею нерадостнаго настроенія моей подруги, надъ которымъ она не успѣла еще возвыситься. Бываютъ же такія минуты и обстоятельства въ жизни, когда самое горячее желаніе сдѣлать людямъ пользу, добро, оказывается неисполнимымъ, почти невозможнымъ. Невеселая мысль объ этомъ все время стояла въ моей головѣ, когда мы съ Лизою медленно тащились отъ вокзала на старой извозчичьей клячѣ, съ дремавшимъ хозяиномъ ея, ветхимъ старичкомъ, по кривымъ и пыльнымъ улицамъ города, направляясь къ Лизину домику. День былъ ясный, знойный. Іюньское, горячее солнце отливало красно-желтымъ цвѣтомъ, какой обыкновенно бываетъ въ самые жаркіе лѣтніе дни. Только вѣтерокъ нѣсколько умѣрялъ зной; порою же, успливаясь, поднималъ съ дороги цѣлыя облака сѣрой, пушистой пыли. На улицахъ пахло карболкой и хлоромъ, и было почти безлюдно; казалось N-цы запрятались отъ нестерпимой жары по темнымъ и прохладнымъ угламъ. Но видъ рѣдкихъ прохожихъ, встрѣчавшихся по дорогѣ, говорилъ о другой причинѣ этого затишья: на угрюмыхъ, разстроенныхъ лицахъ рѣзко отпечатывался страхъ, — самый примитивный, животный страхъ; у нѣкоторыхъ было замѣтно выраженіе положительнаго ужаса передъ чѣмъ то неумолимымъ и грознымъ, иные глядѣли на васъ съ непонятнымъ озлобленіемъ и ненавистью. На встрѣчу иногда попадались чиновники и служащіе въ торговыхъ конторахъ города; они пробирались по тротуару, робко озираясь по сторонамъ, какъ бы опасаясь засады и нападенія. Въ людяхъ, во всемъ здѣсь, даже въ самомъ воздухѣ носилось что то тяжелое, нехорошее, недоброе.

— Но разъ ужъ ты пріѣхала, то нечего, милая, теперь задумываться, заговорила Лиза, замѣтивъ мое смущеніе. Вѣдь ты не убѣжишь, еслибы я даже стала просить тебя объ этомъ. Значитъ, твое поступленіе въ больницу—дѣло рѣшеное. Будемъ же бодры и веселы. Посмотри—вонъ и къ нашей красавицѣ Волгѣ мы подъѣзжаемъ. Неправда-ли, какъ она чудно хороша!

Широко, свободно и покойно раскинулась Волга въ своихъ живописныхъ берегахъ, отражая въ зеркальной поверхности ясное небо, гигантскіе пароходы и барки. И кто-бы могъ думать, что въ ея прозрачной глубинѣ таятся миріарды какихъ то бактерій, порождающихъ ужасную болѣзнь... Едва мы выѣхали на набережную, какъ натолкнулись на одну изъ тѣхъ сценъ, которыя только и можно встрѣтить въ холерное время. Недалеко отъ моста черезъ Волгу, по которому намъ нужно было перебраться на зарѣчную сторону, стояла небольшая кучка рабочихъ и мѣщанъ, а возлѣ нихъ—громоздкая, безобразная холерная фура, обтянутая грязно-сѣраго цвѣта парусиной. Толпа смотрѣла внизъ, на

рѣку, у самаго берега которой виднѣлась большая барка. И тамъ происходило что-то неладное, оттуда неслись крики, шумъ и ругань.

— Остановись на минутку—сказала Лиза извозчику.—Что здѣсь такое? обратилась она къ молодому, здоровенному мѣщанину, грубое и тупое лицо котораго просто пугало.

— Да вонъ, на баркѣ—сердито ткнулъ онъ рукой въ сторону рѣки—забираютъ будто больного, а рабочіе-то, товарищи значитъ, не даютъ его... Изверги! самихъ бы ихъ схватить.

— Кого же это схватить? спросила Лиза.

— А вотъ этихъ архаровцевъ—еще сердитѣе отвѣтилъ мѣщанинъ—въ бѣлыхъ балахонахъ-то что... И дохтуръ, и фершелъ тамъ, и городовые... Взять бы ихъ всѣхъ, да жижу изъ нихъ красную повыжать...

— Фи! какія ужасныя пошлости говорите вы—и за что?

— А за то: не мори народъ православный, не разводи холеру—вотъ за что!..

— Лиза, поѣдемъ, ради Бога! чуть не взмолилась я.

— Несутъ! послышалось въ толпѣ. Попался таки голубчикъ. Въ больницу теперь, ну и капутъ тебѣ тамъ.

Изъ-за берега показались фельдшеръ, и нѣсколько городовыхъ, которые несли, крѣпко держа за ноги и за руки босоногую корчившуюся фигуру въ изорванной ситцевой рубахѣ, съ всклоченною лохматою головой.

Я готова была расплакаться, а Лиза сидѣла гнѣвная, возбужденная, вздрагивая всѣмъ своимъ тѣломъ.

— А въ больницѣ и правда ему капутъ!—обернулъ къ намъ свое старое, сморщенное лицо нашъ возница, когда мы уже ѣхали по мосту черезъ Волгу.

— Выздоровѣетъ, и вернется, дѣдушка! отозвалась Лиза.

— Нѣтъ, милая барышня, нѣтъ! Это ужъ я самъ знаю. Мнѣ самому довелось быть въ больницѣ въ Москвѣ, когда тамъ тоже моръ на народъ былъ. Лѣтъ тридцать, а то и больше тому назадъ. Я то не больной былъ, а гробы на больныхъ сколачивалъ. Пять плотниковъ насъ тогда взяли въ холерную больницу. Съ нами то хорошо обходились—что говорить—и кормили хорошо, каждый день водки давали. Ну, и бывало сколачиваемъ это мы гробы то, а сами то и дѣло поглядываемъ въ окно, а прямо, супротивъ окна то, ворота больничныя были. Господь ты нашъ милосердный! Сколь-отъ за день то, народушка, бывало, привезутъ въ больницу, а назадъ то ни одного человѣка не вернулось, ни единой души православной.

— Пустое ты говоришь, дѣдушка. Вѣроятно, здоровыхъ въ другія ворота выпускали. Я знаю, въ Петербургѣ большія больницы выходятъ обыкновенно на двѣ улицы, съ воротами на каждую.

— Н-незнаю! протянулъ старикъ, а только ни единой души...

II.

Въ небольшомъ переулкѣ, куда мы свернули съ главной улицы города, возлѣ одного изъ маленькихъ домиковъ, почти скрытаго въ густомъ садикѣ изъ вишенъ, акацій и черешенъ, я увидѣла совсѣмъ бѣлаго человѣка—въ бѣломъ коломянковомъ костюмѣ, съ бѣлой длинной бородой и бѣлоснѣжными волосами на головѣ. Онъ стоялъ, приставивъ ладонь къ глазамъ и пристально глядѣлъ въ нашу сторону. Это былъ Лизинъ отецъ.

— Милый, ждетъ насъ! проговорила Лиза,—онъ хотѣлъ вмѣстѣ со мною встрѣтить тебя на вокзалѣ, да вѣдь тѣсно было бы втроемъ намъ помѣститься на дрожкахъ.—Здраствуй, папа! вотъ и Соня.

— Очень радъ, истинно радъ! ласково и привѣтливо обратился ко мнѣ Лизинъ отецъ,—имѣю честь представиться: Иванъ Алексѣевичъ Бѣлковъ. Мнѣ Лиза много говорила о васъ и очень сожалѣла, что не могла съ вами вмѣстѣ пріѣхать съ тифа, такъ какъ вамъ нужно было кумысу тамъ что-ли попить послѣ болѣзни. А теперь вотъ пожаловали къ намъ—не въ добрый часъ.

Радостное лицо Ивана Алексѣевича какъ то вдругъ омрачилось при послѣднихъ словахъ.

— Почему же въ недобрый часъ, папа?—сказала Лиза,—холера недолго продержится, и мы тогда съ Соней успѣемъ отдохнуть.

— Ну ужъ, ты ужъ! Знаю я тебя—укоризненно замахалъ рукой Иванъ Алексѣевичъ. Но милости просимъ въ комнаты; обѣдъ уже приготовленъ для васъ.

Въ передней насъ встрѣтила пожилая деревенская баба, съ рябымъ, некрасивымъ, но добродушнымъ лицомъ и усердно стала хлопотать возлѣ насъ.

— Готовъ обѣдъ то, Дарья? спросилъ Иванъ Алексѣевичъ.

— Готовъ, готовъ... Ахъ, барышня, ахъ милая! И вы тоже съ нашей Лизанькой въ больницу пойдете. Охъ, охъ! А сегодня то—сказываютъ въ городѣ—поймали двухъ какихъ то чужестранцевъ,—сыпали, слышь, порошокъ какой то въ Волгу... И сказываютъ, будто отравителей то этихъ самыхъ цѣлая шайка...

— И ты вѣришь этимъ глупымъ баснямъ? съ неудовольствіемъ замѣтила Лиза.

— Да не зря, я чай, люди болтаютъ то...

— А если и про насъ, про Соню и меня, станутъ говорить нелѣпости тебѣ, ты тоже повѣришь?

— Что вы, что вы!—отчаянно замахала руками Дарья. Чтобъ я подумала дурное про моихъ барышень, да разрази меня Богъ! Да ежели другой кто скажетъ мнѣ дурное про васъ, я и ему глаза выцарапаю, такъ вотъ и вопьюсь въ его безстыжія бѣльма...

— Вотъ видите, что у насъ тутъ дѣется! сказалъ мнѣ Иванъ Алексѣевичъ, когда мы изъ передней вошли въ маленькое, чистенькое зальце и на минуту присѣли всѣ на стоявшій здѣсь диванчикъ... Небылицы, басни всякія такъ и растутъ, какъ грибы...

— И пусть ихъ растутъ, папа. Право же, не стоитъ обращать на это вниманія, сказала ему Лиза.

— Да-съ... Но все-таки—это дурной, очень дурной знакъ, если ты допускаешь даже въ нашей Дарьѣ возможность самыхъ нелѣпыхъ подозрѣній—и къ кому же? Къ тебѣ, кого она знаетъ почти съ дѣтства твоего и любитъ до смерти...

Иванъ Алексѣевичъ проговорилъ это не безъ запальчивости и значительно посмотрѣлъ на Лизу и на меня, но Лиза, очевидно, не желала продолжать подобнаго разговора и уклончиво замѣтила, что мнѣ съ дороги надобно умыться, переодѣться и спѣшить обѣдать, чтобъ итти потомъ въ больницу. Иванъ Алексѣевичъ ничего не сказалъ и только печально вздохнулъ.

Послѣ обѣда Иванъ Алексѣевичъ настоялъ, чтобы мы напились чаю и самъ наливалъ намъ стаканы. Лиза давала мнѣ разныя совѣты, сообщала нужныя свѣдѣнія. Рѣшено было, что мы будемъ, по крайней мѣрѣ въ началѣ, работать въ одной палатѣ, а на ночь, когда можно, домой. Такъ какъ въ тифѣ я потеряла мои волосы, то Лиза совѣтовала мнѣ поверхъ шляпки носить платокъ, такъ, чтобы онъ закрывалъ всю голову. Дѣвушекъ съ короткими волосами зовутъ студентками и теперь особенно относятся къ нимъ недружелюбно. Затѣмъ, моя подруга сдѣлала коротенькій экзаменъ моимъ теоретическимъ познаніямъ о холерѣ, и такъ какъ я, кромѣ кой какихъ свѣдѣній изъ учебниковъ, успѣла прочитать въ дорогѣ одну толстую брошюру о холерѣ, то Лиза осталась очень довольна моими отвѣтами.

Иванъ Алексѣевичъ все время внимательно слушалъ насъ, въ раздумьи кивалъ своей головой—то одобрительно, то съ сожалѣніемъ какъ показалось мнѣ. Лиза за разговоромъ со мною нѣсколько разъ накло-

нялась къ отцу и нѣжно цѣловала его, желая отогнать отъ него тревожившія его мысли.

— Не пора ли, однако, и въ походъ, проговорила Лиза.

— Да не спѣши ты, ради Бога!—чуть не взмолился Иванъ Алексѣевичъ,—неугомонная ты этакая; дай ты хотя подругѣ-то своей передохнуть съ дороги. Пожалуйста, еще чайку. Вы ее не слушайте: она вѣчно все спѣшитъ...

Лиза улыбнулась и снова усѣлась.—Тогда и мнѣ, папа, налей.

— Вотъ такъ то лучше! — съ волненіемъ заговорилъ Иванъ Алексѣевичъ... Позвольте мнѣ пожаловаться вамъ на мою Лизочку: одна она у меня, на свѣтѣ, никого у старика больше нѣтъ... Да—съ! Ты несмотри на меня такъ, Лиза, я правду говорю...

— Ахъ, папа! Я знаю что ты скажешь.

—А вотъ онѣ, можетъ быть, не знаютъ!—настойчиво и съ упрекомъ проговорилъ Иванъ Алексѣевичъ. Послушайтесь благоразумнаго совѣта старика: подождите хотя нѣсколько деньковъ ходить въ больницу и Лизѣ моей посовѣтуйте; можетъ она васъ, подругу свою, послушаетъ...

Иванъ Алексѣевичъ сказалъ это прерывающимся отъ волненія голосомъ, и на глазахъ у него показались слезы. Наступило тяжелое молчаніе. Лиза встала изъ-за стола и нервно заходила по комнатѣ, закинувъ свои руки за голову, что, какъ я знала, она обыкновенно дѣлала, въ минуты тяжелаго раздумья и сильныхъ душевныхъ волненій. Зналъ очевидно про это и ея отецъ, потому что онъ весь понурился какъ-то и виновато опустилъ свои глаза.

— Ты не сердись на меня, Лизочекъ, проговорилъ, наконецъ, тихо Иванъ Алексѣевичъ,—я же правду, кажется, говорю и по любви моей къ тебѣ великой...

— Я не сержусь, папа, но какъ тяжело это... Вѣдь мы все съ тобою переговорили объ этомъ, и ты знаешь, что я не могу сдѣлать, какъ тебѣ хочется. Если я брошу больницу, другіе, кому не знакомъ совсѣмъ нашъ городъ, подавно должны бѣжать изъ нея. Вотъ и Соня тоже пріѣхала, и она все уже знаетъ о настроеніи нашего города, о всѣхъ тѣхъ ужасахъ, которые тебѣ не даютъ изъ-за меня покоя. Соня даже своими глазами видѣла одну пребезобразную сцену...

— И вы тоже не боитесь? тихо проговорилъ Иванъ Алексѣевичъ, пытливо заглядывая мнѣ въ глаза.

— Конечно, опасности есть,—отвѣтила я,—и я не желала бы ихъ, но что же дѣлать? Нужно же кому нибудь исполнять...

— Да, нужно, нужно! Такъ и Лиза все говоритъ...

— И вы тоже знаете, что это нужно, замѣтила Лиза.

— И я тоже знаю! совсѣмъ тихо проговорилъ Иванъ Алексѣевичъ:—Я самъ тебѣ внушалъ это; въ дѣтствѣ твоемъ я поучалъ тебя любить своего ближняго и помогать ему...

— Ну, вотъ!.. просіяла Лиза,—и бывало еще—помнишь, папа? ты посмѣивался надъ бабушкой... У меня была преоригинальная бабушка—обратилась Лиза ко мнѣ—она была изъ здѣшнихъ небогатыхъ купчихъ, съ характеромъ, но такая скопидомка, расчетливая. Изъ-за скопидомства своего, при всей религіозности, бабушка очень своеобразно понимала завѣтъ любить ближняго,—подъ ближнимъ она разумѣла только родственниковъ своихъ, да и то самыхъ близкихъ.

Лиза весело разсмѣялась; Иванъ Алексѣевичъ тоже улыбался.

— Бабушка твоя бѣдовая была!—Это Лиза правду про нее говоритъ. Ужъ она свѣчи, бывало, даромъ не поставитъ въ церкви, непремѣнно что нибудь за это попроситъ: чтобъ курочки лучше неслися, капуста на огородѣ росла, садикъ процвѣталъ—чего нибудь да попроситъ! Практичная женщина!

— И она же не совсѣмъ то нравилась тебѣ этою практичностью, сказала Лиза, и тѣмъ настойчивѣе старался ты внушать мнѣ совершенно противоположное... Но знаешь, папа? Мнѣ всегда хотѣлось помочь ближнему въ бѣдѣ, но я не знала, какъ это сдѣлать. Мнѣ всегда казался этотъ человѣческій долгъ такимъ прекраснымъ, близкимъ сердцу, но далекимъ, недосягаемымъ, какъ небесныя звѣзды. А между тѣмъ оказалось такъ просто исполнить этотъ долгъ.

Лиза снова заходила по комнатѣ и, указавъ на меня, продолжала:

— Вотъ спроси Соню, папа, какъ легко мы исполняли этотъ долгъ на тифѣ, и какъ радостно даже вспомнить объ этомъ. Какъ милы мнѣ убогія мазанки и лачуги бѣдныхъ деревушекъ съ живущими въ нихъ темными, но добрыми созданіями, какъ они просвѣтлѣютъ, бывало когда мы являлись съ своею помощью, какъ признательны и благодарны, были намъ эти темные люди за оказываемое имъ добро! Помнишь Соня, какъ въ одной деревнѣ, тихонько, когда мы спали, принесли и оставили намъ пару уцѣлѣвшихъ послѣ голода куръ, опасаясь, что мы не возьмемъ отъ нихъ этого подарка. Когда мы проходили по деревенской улицѣ, насъ всегда веселою гурьбою сопровождали дѣти и какъ къ матерямъ своимъ ласкались къ намъ. Развѣ же можно забыть это! А вѣдь ты, папа, опасался за меня, когда я была на тифѣ, не меньше, чѣмъ и теперь. Да и раньше, когда я поступила на фельдшерскіе курсы, ты вѣдь тоже опасался и находилъ, что мое гимназическое образованіе, увѣнчанное золотою медалью, болѣе мнѣ къ лицу, чѣмъ званіе

фельдшерицы; хоть бы ужъ женщины-врача, а то какой-то фельдшерицы!.. Но я знаю, что такъ думалъ ты по любви ко мнѣ, и я это не въ укоръ говорю тебѣ, папа. Я хочу только, чтобъ ты не настаивалъ больше на моемъ удаленіи отъ дѣла, какъ бы оно ни казалось тебѣ труднымъ и опаснымъ.

Иванъ Алексѣевичъ совсѣмъ просіялъ; онъ восторженно, съ умиленіемъ и гордостью смотрѣлъ на дочь.

— Да я же ничего, да развѣ же я имѣю что противъ твоихъ чувствъ! лепеталъ онъ растроганный и взволнованный.—А все-таки, какъ не похожи вы, мои милыя, на нашихъ барышень, у которыхъ только и заботушки, что прихорашиваться, нравиться,—костюмчики, шляпки и все прочее такое въ головѣ. А вы вотъ долгъ исполняете и долгъ большой, большущій долгъ.

— И ты, конечно, не желалъ бы, чтобъ я или Соня промѣняли этотъ долгъ на костюмчики, шляпки и все такое.

— Нѣтъ, нѣтъ! Боже меня сохрани! горячо возвысилъ голосъ Иванъ Алексѣевичъ,—нѣтъ лучше ужъ этотъ долгъ... Оттого, можетъ быть, ты такъ хороша и такъ дорога мнѣ, Лизочекъ мой, что живетъ въ твоемъ сердцѣ эта любовь къ человѣку, эта искра Божія... Да-съ!

Лиза порывисто обняла своего отца.

— Я говорила тебѣ, Соня, какой у меня добрый папа. Ну, а теперь и въ походъ намъ пора; теперь ужъ ты, папа, не станешь насъ задерживать...

Иванъ Алексѣевичъ всталъ, перекрестился, потомъ дрожащею отъ волненія рукою перекрестилъ Лизу, потомъ меня.

— Словно за тысячу верстъ провожаю васъ, тихо промолвилъ онъ,—да сохранитъ васъ Богъ отъ лихой болѣзни, отъ всякихъ бѣдъ и напастей.

III.

Больница находилась на одной изъ окраинъ города и состояла изъ одного двухъэтажнаго, казарменнаго вида, зданія и двухъ деревянныхъ флигелей позади, среди старыхъ березъ и кленовъ. Все это—главное зданіе и флигеля на большое мѣсто огорожены были досчатымъ заборомъ. Я находила, что помѣщеніе подъ больницу выбрано городомъ удачно; окружающее его широкое, открытое поле впереди, садъ и огородъ—все это представлялось сообразнымъ съ санитарными и гигіеническими требованіями. Лиза объяснила мнѣ, что зданіе это нѣсколько лѣтъ было подъ казармами и пустуетъ первый годъ, такъ какъ для

солдатъ отведено городомъ другое, болѣе удобное помѣщеніе. Передъ появленіемъ холеры бывшія казармы на-скоро приспособили подъ больницу, не успѣвъ произвести сколько нибудь сноснаго ремонта. За всѣмъ тѣмъ, по словамъ Лизы, зданіе удовлетворяло главной своей цѣли: въ немъ и флигеляхъ можно было помѣстить до 500 больныхъ, и даже больше.

Когда мы вошли внутрь зданія, насъ такъ и обдало холодкомъ; вѣроятно, въ немъ было сыро и затхло, хотя этого не замѣчалось за рѣзкимъ запахомъ хлора и карболки, насыщавшими воздухъ. Мы поднялись во второй этажъ по широкой лѣстницѣ и, пройдя длинный темноватый корридоръ, вошли въ небольшую комнату съ однимъ окномъ, изображавшую собою кабинетъ старшаго врача больницы. Послѣдній, когда мы вошли къ нему, сидѣлъ за микроскопомъ и сосредоточенно что то въ него разсматривалъ. Я съ любопытствомъ оглядѣла моего новаго начальника. Совсѣмъ уже сѣдой, но довольно бодрый на видъ, съ необыкновенно покойными и кроткими глазами, онъ производилъ пріятное впечатлѣніе и возбуждалъ къ себѣ довѣріе.

— Пришла къ вамъ Степанъ Петровичъ, съ подругой моей; прошу любить и жаловать! обратилась къ старшему врачу Лиза и представила меня.

— Очень пріятно!—отвѣчалъ онъ медленно и тихо и очень сердечно, что особенно понравилось мнѣ. — Вы, кажется, съ Лизаветой Ивановной вмѣстѣ подвизались на тифѣ и, какъ видно, очень близко съ нимъ познакомились: украшеніе то свое—указалъ онъ на голову—потеряли, конечно, въ болѣзни? Но успѣли ли вы оправиться? и подумали ли о всѣхъ трудностяхъ и даже опасностяхъ, которыя предстоятъ вамъ здѣсь...

— Мнѣ все уже разсказала Лиза, и я сама успѣла такъ много видѣть...

— Уже успѣли? Не удивительно: тутъ на каждомъ шагу теперь исторіи. Вотъ даже это, указалъ докторъ на микроскопъ,—нѣкоторые гласные въ думѣ заявили мнѣ, что они до тѣхъ поръ не повѣрятъ въ холеру и до тѣхъ поръ считаютъ излишнимъ крупное ассигнованіе денегъ на борьбу съ нею, пока своими глазами не увидятъ холерную бациллу. Нужно добыть и показать имъ эту бациллу, хотя она совсѣмъ имъ не нужна и служитъ только предлогомъ къ тому, чтобы сократить или, покрайней мѣрѣ, отдалить необходимые расходы.— Итакъ, вы сегодня же желаете за дѣло взяться? обратился докторъ ко мнѣ.

— Я готова сейчасъ же.

— Въ такомъ случаѣ идите, переодѣньтесь съ Лизаветой Ивановной и отправимтесь смотрѣть нашъ адъ кромѣшный...

Степанъ Петровичъ показалъ мнѣ почти всѣ палаты. Въ больницѣ находилось уже болѣе двухсотъ человѣкъ холерныхъ. Въ обоихъ этажахъ было по одной большой и по нѣсколько маленькихъ палатъ; въ большихъ палатахъ было больныхъ по 40 человѣкъ въ каждой, въ другихъ различно—отъ 10 до 20 человѣкъ. Палаты раздѣлены были на участки, каждый подъ наблюденіемъ фельдшерицы или студента-медика; нѣсколько участковъ находились въ вѣдѣніи ординатора. Кромѣ спеціальнаго медицинскаго персонала тутъ было нѣсколько сестеръ милосердія и прислуга—сидѣлки и служителя. Старшій врачъ показалъ мнѣ особенно тяжелыхъ больныхъ, высказалъ нѣсколько заключеній о современномъ леченіи, о только что начинавшихъ примѣняться здѣсь клистирахъ Cantani, о подкожныхъ впрыскиваніяхъ.

Въ первыя минуты при осмотрѣ больныхъ я чувствовала себя въ удрученномъ состояніи. Какая, дѣйствительно, ужасная эта болѣзнь! Ни къ какому больному такъ не подходитъ названіе „живой мертвецъ“, какъ къ холерному. У самыхъ тяжкихъ больныхъ, лежавшихъ съ парализованными конечностями, недвижимо, какъ земляной пластъ, на который они и походили почернѣлымъ цвѣтомъ своего лица, сохранялось, однако, полное сознаніе, и просто жутко было, когда эти живые мертвецы останавливали на васъ глубоко сознательные, но полные смертельнаго ужаса взоры. Я напрягала въ себѣ всѣ силы, чтобы подняться надъ этимъ царствомъ смерти и сколько нибудь спокойно смотрѣть на больныхъ, слышать ихъ ужасные, жалостные, слабые, безнадежные стоны. Голосъ у тяжелыхъ холерныхъ совсѣмъ особенный, слабый, разбитый, чуть слышный. Но какъ ни тяжко было первое впечатлѣніе, я скоро овладѣла собою; практика на сыпномъ тифѣ много помогла мнѣ. И тамъ тоже не мало приходилось переживать всякихъ ужасовъ и возвышаться надъ ними, безъ чего, конечно, не стало бы силъ и терпѣнія провести цѣлыхъ полгода въ жалкихъ деревенскихъ лачугахъ, зимою, въ холоду и сырости, въ грязи и смрадѣ, просиживать за больными иногда по цѣлымъ днямъ, нерѣдко не зная покоя и ночью. Успокоительно подѣйствовалъ на меня теперь примѣръ другихъ дѣвушекъ фельдшерицъ и сестеръ милосердія, которыя успѣли присмотрѣться къ больнымъ и, по крайней мѣрѣ, наружно казались спокойными. Очень ободряло меня и снисходительное, гуманное отношеніе старшаго врача къ больнымъ, и я все время думала, какъ могли эти больные не довѣрять такому доброму и славному человѣку. Одинъ больной, тотъ самый рабочій съ барокъ, котораго я уже видѣла при пріѣздѣ моемъ въ городъ, когда мы подошли къ нему,

поглядѣлъ на насъ изъ подлобья своимъ горячимъ, полнымъ недовѣрія и ненависти взоромъ; онъ отказывался отъ помощи доктора и лекарствъ... и на всѣ убѣжденія отвѣчалъ упорнымъ молчаніемъ.

Въ самой большой палатѣ, находившейся во второмъ этажѣ, старшій врачъ отвелъ мнѣ участокъ на 10 кроватей, рядомъ съ участкомъ Лизы. Я горячо принялась за мое новое дѣло. Общій характеръ работы былъ крайне хлопотливый и спѣшный. Уходъ и лѣченіе холерныхъ принадлежатъ къ самымъ труднымъ. Но самое непріятное, самое тяжелое для всѣхъ насъ представляло слишкомъ ужъ очевидное недовѣріе къ намъ больныхъ. Ихъ пугали даже клистиры, чуть не адскимъ запахомъ казался имъ запахъ отъ карболки. Мы горячо старались разсѣять въ больныхъ предубѣжденіе, и Лизѣ особенно удавалось это: она такъ хорошо знала, какъ и съ кѣмъ нужно было обойтись. На однихъ она возвышала голосъ, другихъ она умоляла принять лѣкарство, и такъ умѣла расположить ихъ къ себѣ, что былные въ концѣ концовъ становились послушными. Но что эта была за Сизифова работа! Казалось, всѣ мы съ неимовѣрными усиліями вкатывали на гору огромную тяжесть, которая каждую минуту готова была свалиться на наши головы. Взоры больныхъ загорались уже надеждою, довѣріемъ къ намъ, но стоило умереть кому въ палатѣ, или внести въ нее новаго больного,—и настроеніе быстро мѣнялось, и тѣ же взоры заволакивало мракомъ и отчаяніемъ.

Завѣдывающій палатой молодой ординаторъ особенно волновался, когда больные чѣмъ либо заявляли свое боязливое недовѣріе. Онъ представлялъ изъ себя полную противоположность старшему врачу. Какъ тотъ былъ покоенъ, тихъ, снисходителенъ, такъ ординаторъ несдержанъ, раздражителенъ, что называется горячій человѣкъ. Онъ кричалъ на больныхъ, называлъ ихъ бушменами, дикарями, идіотами. Но послѣ вспышки на него находила апатія; онъ отходилъ къ окну, садился на подоконникъ и сидѣлъ хмурый, раздраженный, безучастно глядя на больныхъ, пока кто нибудь снова не выводилъ его изъ терпѣнія. Тогда онъ срывался съ своего мѣста и опять начиналъ „пороть горячку“.

Лиза пояснила мнѣ, что горячность ординатора происходитъ не отъ справедливой только досады на больныхъ, а и отъ чрезмѣрной вѣры въ науку. Бойцовъ—такова была фамилія нашего ординатора—убѣжденъ былъ, что современная наука владѣетъ специфическими средствами противъ холеры, что различные дезинфецирующіе яды внутрь прямо дѣйствуютъ на причину болѣзни, а что если же больные и принимаютъ эти лекарства, то съ такимъ недовѣріемъ и страхомъ, которые совершенно уничтожаютъ чудодѣйственную силу ихъ,—сладкое вѣрованіе, въ которомъ послѣ эпидеміи этого года и послѣдующихъ 93 и 94 гг.

такъ горько разочаровались представители науки. Больные же съ довѣріемъ относились только къ пріемамъ лѣченія, принятымъ въ народной практикѣ: они съ удовольствіемъ давали растирать себя, очень любили горячіе припарки и вообще наружныя средства.

Мои больные были почти все простые рабочіе, но былъ и одинъ купецъ, настоящій русскій купецъ, съ большою темнорусою бородою, почтеннаго вида и могучій, какъ богатырь. Холера у него была слабая.

Раза три начинались у него судороги и я, съ двумя сестрами милосердія, усердно его растирали. Но, къ моему изумленію, когда я предложила ему принять внутрь нѣсколько капель опія, онъ испуганно замахалъ на меня руками. — „Не нужно, пожалуйста не нужно“! отчаянно повторялъ онъ.

— Неужели и вы думаете что дурное противъ насъ? тихо спросила я больного, когда онъ успокоился.

Онъ пытливо посмотрѣлъ на меня и ничего не отвѣтилъ.

— Когда вы поступили въ больницу? спросила я.

— Не поступилъ, а насильно затащили меня сюда. Сегодня утромъ шелъ я въ рынокъ открывать свою лавку; дорогой дурно мнѣ сдѣлалось, и, словно изъ подъ земли, очутилась возлѣ проклятая фура. Меня сейчасъ же забрали. Я просилъ, слезно просилъ доставить меня домой—жена у меня тамъ молодая, дѣти; ужъ умирать, такъ умирать дома...

— Но вы же выздоровѣете!—утѣшала я несчастнаго.

— Нѣтъ, зачѣмъ они сюда взяли меня? Послушайте, но развѣ я кому зло сдѣлалъ? Я боюсь здѣсь, здѣсь всѣ боятся... Пощадите меня, милая барышня. Попросите, чтобъ отпустили меня... Вѣкъ буду благодарить васъ...

Мнѣ стало невыразимо грустно, я поняла одну изъ самыхъ, быть можетъ, главныхъ причинъ ненависти къ больницѣ. Страшно отрывать человѣка отъ близкихъ его, отъ семьи! Конечно, принудительныя полицейско-медицинскія мѣры, особенно въ такой эпидеміи какъ холера, имѣютъ свой резонъ; пользу отъ примѣненія ихъ нельзя отрицать; нельзя было не изолировать отъ здоровыхъ того рабочаго, котораго на баркѣ пришлось брать силою, нельзя вообще оставлять холерныхъ бѣдныхъ безъ ухода, въ грязи, въ самой неприглядной обстановкѣ. Но насколько широко слѣдовало примѣнять эти крутыя мѣры? Приносимою пользою покрывали ли онѣ тотъ ужасъ и отчаяніе, которое распространяли кругомъ?

Горько задумалась я надъ этими вопросами.

IV.

Мы освободились въ 2 часа ночи и располагали отдыхомъ только до 6 часовъ утра. Медицинскій составъ больницы еще не успѣлъ наполниться; ждали изъ Москвы студентовъ на подмогу, и ни правильной очереди, ни опредѣленнаго времени для работы и отдыха пока не установилось. Съ ранняго же утра начиналось усиленное поступленіе холерныхъ въ больницу, и всѣ служащіе въ ней должны были быть на ногахъ. Лиза рѣшила, что итти на короткое время домой не стоило, что лучше отдохнуть въ одномъ изъ пустыхъ пока флигелей. Мы вышли въ садъ, и съ наслажденіемъ почувствовали себя на свѣжемъ воздухѣ. Ночь была тихая, свѣтлая и теплая. Полная яркая луна стояла на небѣ. Такъ тихо, хорошо было кругомъ послѣ того ада кромѣшнаго, изъ котораго мы только что вышли, и такъ жадно дышалось въ чистомъ, ароматномъ воздухѣ послѣ больничной духоты.

— Странно, говорила моя подруга,—я не чувствую особенной усталости; скорѣе возбужденность, лихорадочность какую то.

Я заглянула въ лицо Лизы и глаза ея, казалось мнѣ, блестѣли дѣйствительно страннымъ лихорадочнымъ блескомъ. Вѣроятно и всѣ мы одинаково были возбуждены и ненормальны.

— Знаешь, Лиза, ужаснѣе всего—это ихъ безуміе...

— Да, именно безуміе, согласилась Лиза,—но только бы намъ еще нѣсколько деньковъ выдержать! Мы теперь, какъ на огромномъ пожарѣ: съ необычайною быстротой разгорается эта губительная болѣзнь, и изъ душевной глубины этихъ темныхъ, несчастныхъ людей выплыли наверхъ самыя ужасные страхи и подозрѣнія, что имъ не даютъ жить, что ихъ хотятъ истребить, стереть съ лица земли. Какая страшная мысль! Только ее и не могутъ, не въ силахъ вынести эти бѣдняки. Они терпѣливо выносятъ голодъ, холодъ, обиды, лишеніе свободы, все, кромѣ этой мысли, потому что она грозитъ отнять у нихъ послѣднее—жизнь. Они похожи на безоружнаго человѣка при встрѣчѣ съ разбойникомъ въ глухую ночь, въ темномъ лѣсу. Не готовъ ли съ радостью этотъ несчастный отдать имъ все до послѣдней рубашки, лишь бы только оставили ему жизнь, возможность видѣть людей, небо, солнце, дышать и двигаться, работать и страдать...

У всѣхъ у нихъ въ головѣ сидитъ отвратительный страхъ передъ отравителями. Это нѣчто стихійное, какой то массовый психозъ. И какъ ихъ разубѣдить? Если бы не такъ много умирало отъ этой болѣзни, они могли бы видѣть пользу нашихъ усилій, нашего лѣченія. Конечно,

ихъ еще больше умирало бы, если бы предоставить ихъ самимъ себѣ; но этого они не видятъ.

Лиза тяжело вздохнула и съ тою же горечью продолжала:

— Но тамъ, за стѣнами этой больницы, еще безотраднѣе. Здѣсь они обезсилены болѣзнью и чувствуютъ себя какъ бы въ плѣну. Но ужаснѣе тѣ, что на волѣ, которые еще не тронуты болѣзнью, но уже заражены холерною паникой. Мой папа не безъ основанія боится больше этихъ больныхъ, а не тѣхъ, что заключены въ нашу больницу...

Невесело было у меня на сердцѣ, когда я вошла съ Лизою въ пустой флигель, въ одной изъ комнатъ котораго стояли заготовленныя для больныхъ кровати. Что то принесетъ съ собою грядущій день? думалось мнѣ. Я бросилась, не раздѣваясь, на одну изъ нихъ и, усталая, измученная уснула, какъ мертвая.

V.

Я проснулась отъ рѣзкаго, ослѣпительнаго солнечнаго свѣта, наполнявшаго комнату. Было уже 9 часовъ утра, а не 6-ть. Лизы, конечно, со мной не было, и мнѣ было досадно, что она не разбудила меня. Смущенная, опечаленная за свою неаккуратность я отправилась въ больницу. Но въ палатѣ моей меня встрѣтили радушно и объяснили, что Лиза просила и другихъ не будить меня, чтобы дать мнѣ лучше отдохнуть съ дороги. Тутъ же мнѣ сообщили крайне огорчившее меня извѣстіе: за часъ передъ моимъ приходомъ Лиза ушла къ отцу, заболѣвшему въ эту ночь желудочно-кишечнымъ разстройствомъ.

Я принялась за исполненіе своихъ обязанностей.

Нашъ ординаторъ Бойцовъ, какъ и вчера, поминутно горячился, и голосъ его рѣзко раздавался среди глухихъ стоновъ больныхъ. Мнѣ показалось даже, что онъ сегодня больше чѣмъ то разстроенъ и озабоченъ; въ его живыхъ, блестящихъ глазахъ вспыхивало иногда что то тяжелое, злобное. Я не утерпѣла, и когда онъ остановился возлѣ одного изъ моихъ больныхъ, спросила его на кого и за что онъ сердится—можетъ быть на меня, что я такъ поздно явилась къ дѣлу.

— Не до васъ, милѣйшая, не до васъ. Дѣло идетъ скверно, изъ рукъ вонъ, скверно. Больные мрутъ, какъ мухи; гробовъ даже не достаетъ для нихъ. Безобразіе! Не могли заготовить своевременно...

— А какъ больные сегодня? спросила я.

— Такъ же, какъ и вчера, если не хуже. Наши лѣкарства увеличиваютъ у нихъ рвоту. Нѣкоторые отказываются лѣчиться. Идіоты—одно слово...

— Но чѣмъ же они виноваты.

— Я не о виновности ихъ говорю, а объ идіотизмѣ. Бушмены они, дикари, и ничего съ ними добромъ не подѣлаешь...

— А какъ же по вашему слѣдуетъ съ ними...

— Какъ по моему? А я бы вотъ что сдѣлалъ: Я бы разставилъ вездѣ солдатъ; я бы сначала высѣкъ больного, а потомъ сталъ бы его лѣчить...

— Что вы говорите! Да вы просто шутите...

— Немножко можетъ быть преувеличиваю, я люблю сильныя выраженія, но я нисколько не шучу... Да-съ, противъ этой стадной, безумной одури нужна тоже стихійная сила, но болѣе могучая, грозная, которая могла бы пригнуть къ землѣ эту темную стадную силу... „На колѣни! Вотъ я васъ, такіе-сякіе!.. Свѣта Божьяго у меня не увидите“!.. Вотъ это я понимаю; этакъ съ ними можно справиться, всю одурь вышибить изъ ихъ тупоумныхъ головъ,—и потомъ уже дѣлать все, что слѣдуетъ, для ихъ же пользы...

Я горячо было стала возражать...

— Я знаю прекрасно все, что вы скажете мнѣ, перебилъ меня Бойцовъ,—все можно объяснить и оправдать. Но развѣ вамъ, мнѣ и даже имъ самимъ легче отъ того!.. Вонъ посмотрите... Ахъ, негодяй этакій!

Бойцовъ быстро отошелъ отъ меня къ больничному сторожу изъ солдатъ, который, нагнувшись возлѣ кровати одного больного, торопливо вылилъ изъ пузырька лѣкарство и спѣшилъ наполнить пустой пузырекъ водою изъ графина.

— Ты что же это любезный, дѣлаешь? схватилъ служителя за руку докторъ.

— Да не примаетъ, ваше благородіе, больной лѣкарства.

— Такъ ты поэтому и вылилъ его, и угощаешь больного простой водицей! Постой же, я проучу тебя... Его непремѣнно нужно отправить въ полицію, обернулъ ко мнѣ Бойцовъ свое поблѣднѣвшее отъ негодованія лицо,—я сегодня съ утра замѣтилъ, какъ этотъ молодчикъ перешептывался съ нѣкоторыми больными...

Докторъ вышелъ изъ палаты переговорить объ этомъ случаѣ со старшимъ врачемъ; вслѣдъ за нимъ вышелъ и служитель, который больше уже и не появлялся: онъ убѣжалъ изъ больницы совсѣмъ, и это обстоятельство на всѣхъ насъ произвело крайне удручающее впечатлѣніе.

Вновь прибывавшіе больные казались еще безпокойнѣе, чѣмъ вчера, еще подозрительнѣе и боязливѣе относились къ нашему лѣченію. Они

такъ рѣшительно отказывались отъ лекарства, что мы не настаивали и предоставляли дѣло естественному теченію. Я съ нетерпѣніемъ поджидала Лизу; по крайней мѣрѣ легче при ней было бы смотрѣть и переносить все это. Къ счастію, Лиза не заставила себя долго ждать: къ 11 часамъ она вернулась совсѣмъ веселая, сіяющая, съ смѣющимся лицомъ. Видно было, что никакой опасности болѣзнь отца ея не представляетъ.

— Ты уже слышала, конечно, Соня, весело сообщала мнѣ Лиза,— зачѣмъ я уходила къ папѣ, и представь себѣ—ложная тревога! Вотъ хитрецъ; я никакъ не ожидала отъ него этакой „представленности“... Пришла къ нему, а онъ лежитъ и охаетъ, ахаетъ, какъ опасно больной. Ломаетъ—говоритъ—всего меня, вступило—говоритъ—что то такое въ животъ, руки и ноги, во все тѣло. Даже судороги были. Посмотрѣла его и пульсъ самый нормальный, языкъ красный, какъ у ребенка... Очевидно, все въ порядкѣ... Нѣтъ—говорю—папа, меня не проведешь; ты здоровъ, какъ всегда, и никакая холера тебя, конечно, не тронетъ, потому что живешь ты правильно, немножко вѣришь въ науку, сырой воды въ ротъ не возьмешь.

— Но зачѣмъ же онъ притворился?—недоумѣвала я.

— А чтобъ удалить меня изъ больницы... Его все тревожатъ разные нелѣпые слухи и басни, что ходятъ по городу, а сегодня особенно... Ну, да объ этомъ не стоитъ говорить... А какъ наши больные?

Лиза засуетилась и, какъ ни въ чемъ не бывало, съ веселымъ и бодрымъ видомъ переходила отъ одного больнаго къ другому. Ея молодой, радостный голосъ разносился въ палатѣ. Нѣкоторые больные поворачивали къ ней свои лица и засматривались на нее; казалось, слабая надежда загоралась въ ихъ глазахъ. При всякихъ другихъ условіяхъ, Лиза, я увѣрена, могла бы расположить и привлечь къ себѣ самыхъ закоренѣлыхъ въ предубѣжденіи людей, но только не при холерѣ,—по крайней мѣрѣ не въ самый разгаръ переживаемой въ эти дни городомъ холерной паники. Бойцовъ пытливо нѣсколько минутъ слѣдилъ за Лизой и его насмѣшливый взглядъ какъ бы говорилъ: ничего, милая, и ты не добьешься своимъ прекраснодушіемъ; ничего нельзя подѣлать съ этими идіотами...

Какъ на зло въ эту минуту произошло нѣчто такое, что и во мнѣ совершенно поколебало надежды на какой либо успѣхъ. Двери въ нашу палату широко раскрылись, и внезапный шумъ, гамъ, и даже крики ворвались къ намъ. Нѣсколько сторожей и два полицейскихъ силою втаскивали въ палату огромнаго рыжаго мужика, который упирался изо всѣхъ силъ и ни за что не хотѣлъ итти, словно его вели на казнь.

Видъ у него былъ приговореннаго къ казни: лицо его совсѣмъ было искажено страхомъ и онъ какъ то дико поводилъ вокругъ своими горячими, блуждающими глазами; на губахъ и на бородѣ оставались холерные слѣды; ситцевая рубаха болталась на немъ клочьями. За этимъ страннымъ шествіемъ слѣдовалъ нашъ старшій врачъ, и на его добромъ лицѣ было столько печали, что я готова была расплакаться.

— Я говорилъ вамъ, что вотъ такихъ, какъ этотъ идіотъ, сначала нужно высѣчь, а потомъ ужъ лѣчить, сказалъ мнѣ стоявшій со мною Бойцовъ и весь блѣдный отъ гнѣва подошелъ къ самому мужику. Я съ ужасомъ слѣдила за пылкимъ докторомъ, опасаясь, что онъ потеряетъ всякое самообладаніе.

— Я, тебя, пріятель, на цѣпь велю привязать, если ты будешь буйствовать! закричалъ Бойцовъ въ самое лицо обезумѣвшаго мужика.

Слова ли эти, рѣзкій голосъ Бойцова, или видъ его, а можетъ быть все это вмѣстѣ подѣйствовали на мужика; онъ присмирѣлъ и покорно далъ уложить себя въ кровать.

Старшій врачъ подошелъ къ намъ съ озабоченнымъ, почти унылымъ видомъ.

— Опять съ барокъ взяли силой—тихо говорилъ онъ. Рабочіе не хотѣли выдать его, да и самъ онъ, не смотря на болѣзнь, какъ видите—отбивался и руками и ногами... Ну, что можно подѣлать съ такимъ? Однако, когда успокоится, попытайтесь чѣмъ нибудь помочь ему...

Лиза подошла было къ больному и осторожно, ласково стала уговаривать его. Несчастный, очевидно ничего не понималъ, нѣсколько мгновеній глядѣлъ на нее своими блуждающими, безсмысленными глазами; но вотъ въ его взорѣ вспыхнуло что то похожее на сознаніе, онъ, вѣроятно, подумалъ, что ему предлагаютъ лѣкарство, и лицо его снова исказилось отъ ужаса. Старшій врачъ безнадежно махнулъ рукою и вышелъ изъ нашей палаты.

VI.

Нашъ ординаторъ Бойцовъ былъ правъ, утверждая, что мы находимся въ странѣ непріятелей. Ненависть и злоба противъ насъ росли съ каждою минутою. Почти вслѣдъ за водвореніемъ въ нашей палатѣ безпокойнаго больного изъ больницы дезертировалъ одинъ изъ моихъ больныхъ, тотъ купецъ, о которомъ я говорила. Его уже переводили въ отдѣленіе для выздоравливающихъ, а онъ, улучивъ удобную минуту, вѣроятно, подгорнвъ сторожа, убѣжалъ изъ больницы. Нечего говорить, какъ тяжело дѣйствовали на насъ подобные случаи. Что могли

говорить на свободѣ эти дезертиры, уносившіе противъ насъ свои ужасныя подозрѣнія? И тѣмъ больше представлялось опасности, когда не простой рабочій или мѣщанинъ, а почтенный купецъ, могъ подтвердить своимъ авторитетнымъ словомъ темную молву о больницѣ и докторахъ...

Спустя не болѣе двухъ часовъ послѣ возвращенія своего отъ отца, Лиза получила отъ него крайне тревожное письмо. Иванъ Алексѣевичъ никакъ не могъ побѣдить въ себѣ страха за дочь. Письмо это очень разстроило Лизу, хотя она почему-то не нашла нужнымъ показать его мнѣ. И не знаю почему—желая ли успокоить Ивана Алексѣевича или удалить на нѣкоторое время меня отъ опасности, Лиза попросила ординатора Бойцова, чтобы онъ на нѣсколько часовъ отпустилъ меня къ ея отцу. Бойцовъ, конечно, ничего не имѣлъ противъ, и я тотчасъ же отправилась. Но едва я вышла изъ больницы, какъ увидѣла недалеко самого Ивана Алексѣевича. Завидя меня, онъ подбѣжалъ ко мнѣ и тревожно сталъ спрашивать о Лизѣ. У меня не достало духа сказать ему, что Лиза нашла достаточнымъ послать къ нему меня и, я сказала, что она и сама скоро постарается освободиться.

Иванъ Алексѣевичъ имѣлъ видъ совсѣмъ убитый.

— Развѣ ужъ опасность такъ велика? спросила я его.

— Очень велика! Вы себѣ представить не можете, какъ велика! Сегодня базарный день въ городѣ, много черни понаѣхало изъ окрестностей, и всѣ винятъ васъ, больницу... Положеніе очень опасное; бѣды не миновать... Я знаю нашу чернь... Пойдемте, однако, я провожу васъ до дому, и вернусь за Лизой...

Но намъ не удалось добраться до дому. На пути нашемъ лежалъ одинъ изъ городскихъ рынковъ, который вчера, когда я проходила съ Лизой въ больницу, былъ почти пустъ, — сегодня представлялъ совершенно иную картину. На первый взглядъ ничего, казалось, особеннаго не было здѣсь, кромѣ обычнаго базарнаго оживленія: толпилось много народа, и больше простого, но попадались и статскіе, чиновники съ кокардами на фуражкахъ, купцы. Жизнь свое брала; не взирая ни на что, всѣмъ нужно было ѣсть, пить, думать о насущномъ! Хорошее, успокоивающее впечатлѣніе произвели на меня встрѣчавшіеся на каждомъ шагу полицейскіе. Я обратила на это обстоятельство вниманіе Ивана Алексѣевича, но онъ только рукой махнулъ въ отвѣтъ.

— Можно ли удержать слабою силой плотину, когда прорвется она. Да и полицейскіе сами то же думаютъ въ душѣ, что и эта чернь. Вонъ посмотрите—видите, стоитъ группа мужичковъ, вонъ большой черный мужикъ посерединѣ ораторствуетъ, и полицейскій тоже подо-

шелъ и тоже, вѣроятно, слушаетъ съ удовольствіемъ. Вотъ пойдемте; посмотримъ...

Иванъ Алексѣевичъ не совсѣмъ былъ правъ. Когда мы приблизились къ толпѣ, полицейскій, хотя и сдержанно, однакоже препирался съ нею и просилъ чернаго мужика не ораторствовать; но толпа, какъ говорится, и ухомъ не вела.

— Не слушаютъ? съ безпокойствомъ спросилъ Иванъ Алексѣевичъ блюстителя порядка.

— Чистая бѣда! отвѣтилъ тотъ, — начальство строго на-строго приказало не допускать сборищъ, а какъ сдѣлать это?..

— Какой же и базаръ можетъ безъ сборища быть, возразилъ черный мужикъ.

— Ну, ты у меня, краснобай! обернулся къ нему полицейскій,— я пріятель, и за шиворотъ тебя могу взять, ежели что...

— Прытокъ больно! равнодушно отвѣтилъ мужикъ.

— Позвольте-съ, что здѣсь такое? послышался новый голосъ, необыкновенно ласковый, и пріятный. Лицо говорившаго было такое благообразное, симпатичное, съ ясными, совсѣмъ дѣтскими глазами. Это былъ цвѣтущій еще старичекъ, очевидно купецъ, потому что одѣтъ былъ по старинному—въ длиннополый, дорогаго тонкого сукна сертукъ, а голову покрывала высокая съ огромнымъ козырькомъ фуражка. Въ толпѣ, видимо, знали его, и многіе поклонились ему, а полицейскій даже отдалъ честь и подобострастно проговорилъ:

— Мое почтеніе Павлу Панкратьевичу, много лѣтъ здравствовать вашему степенству!

— Кто онъ такой, этотъ Павелъ Панкратьевичъ? тихо спросила я Ивана Алексѣевича.

— А это купецъ первой гильдіи; не знакомъ я съ нимъ, но слышалъ, что очень почтенный, уважаемый человѣкъ...

— О чемъ толкуете, православные?—повторилъ вопросъ свой Павелъ Панкратьевичъ.

— И охота вамъ слушать мужичье,—слабо протестовалъ блюститель порядка...

— Постой, не перебивай! Вотъ мы послушаемъ сперва. Говори же, любезный!—обратился онъ къ черному мужику...

— Да вѣдь нельзя—покосился мужикъ на полицейскаго.

— Отчего нельзя,—при мнѣ можно... Я самъ тоже вродѣ какъ власть: гласный въ думѣ и купецъ не изъ послѣднихъ, благодареніе Богу...

Мужикъ снова заговорилъ, очевидно, продолжая какой-то разсказъ:

— Ну, вотъ:—ѣдетъ, значитъ, онъ по степи то, а навстрѣчу ему женщина, вся въ бѣломъ, съ распущенными волосами...

— А кто это такое онъ? тихо спросилъ Павелъ Панкратьевичъ.

— Это легенда тутъ ходитъ о мужикѣ и бѣлой женщинѣ—пренебрежительно замѣтилъ стоявшій тутъ же чиновникъ—слышали мы это...

— А вотъ теперь и еще, если угодно, послушайте! нетерпѣливо прервалъ его Павелъ Панкратьевичъ,—продолжай, любезный!—обратился онъ къ оратору.

— Ну, и остановился мужичекъ въ страхѣ великомъ, и говоритъ ему эта женщина: погляди направо—и видитъ: расчудесныя, богатѣющія поля ржи и пшеницы; колосъ тяжеленнѣйшій, такъ и никнетъ къ самой землѣ матушкѣ. Урожай такой, страсть! Мужичекъ то глазъ ажь не можетъ оторвать отъ этакой благодати... „Ну, поглядь—говоритъ она ему—посмотри теперь по лѣвую сторону". Поворотилъ мужичекъ лицо свое по лѣвую сторону, и ахнулъ отъ страха отъ одного!

— Увидѣлъ онъ—други мои разлюбезные—оживленно продолжалъ ораторъ,—мертвое поле... По всей то лѣвой сторонушкѣ, словно какъ отъ великаго непріятельскаго сраженія, видимо-невидимо, несмѣтное множество мертвыхъ людей—и все изъ мужичковъ, изъ простонародья... И говоритъ ему она, бѣлая то, стало быть, женщина: вотъ—говоритъ—глядп, и разумѣй! Пошлетъ—говоритъ—Господь необнаковенный урожай нонече, да некому—говоритъ—будетъ убирать его, потому великая—говоритъ—бѣда придетъ на народушко...

— Сказала это она и ту жъ минутою ровно какъ сквозь землю провалилась, али какъ паръ разсѣялась.

— Охъ! послышался тяжелый вздохъ въ толпѣ.

— Та-акъ! съ удивленіемъ протянулъ другой голосъ.

— Видѣніе, стало быть, это было, тихо и вдумчиво проговорилъ Павелъ Панкратьевичъ.

— Видѣніе,—знамо, видѣніе! Что другое то? подтвердилъ разсказчикъ.

— Да, это истинно видѣніе отъ Бога, вздохнувъ проговорилъ купецъ старичекъ,—и вотъ какъ разъ оно и выходитъ такъ: урожай нонече отмѣнный вездѣ, а народушко словно косою почало косить...

— Народушко травить почали—возбужденно, съ сверкающими глазами, заговорилъ другой мужикъ,—колодцы почали отравливать... На нашей улицѣ кто попьетъ изъ колодца, и готовъ... Доктора яды такіе придумали...

— А не хочешь ли со мною въ часть прогуляться? Такихъ то вотъ, что говорятъ про это, и приказано забирать,—принялъ вдругъ оффиціальный видъ полицейскій.

— Чего я пойду? Развѣ я одинъ говорю про это? всѣ такъ то говорятъ...

— Всѣ говорятъ, всѣ говорятъ такъ!—въ раздумьи повторилъ Павелъ Панкратьевичъ...

— Пойдемте, тихо сказалъ мнѣ Иванъ Алексѣевичъ,—теперь увидѣли и услышали сами. Но это еще мирная толпа, самые краснобаи и буйные люди вонъ тамъ—указалъ онъ на противоположный конецъ рынка—тамъ обжорный рядъ, тамъ кабаки и трактиры. Слышите—какой несется съ той стороны шумъ?..

Намъ нужно было пройти всю базарную площадь; но не успѣли мы сдѣлать нѣсколько шаговъ, какъ доносившійся до насъ шумъ рѣзко, порывисто усилился, переходя въ настоящій ревъ; по всей площади толпа, какъ одинъ человѣкъ, заколыхалась и зашумѣла, заволновалась. Мимо насъ пробѣжали на этотъ адскій шумъ полицейскіе, мужики, купецъ Павелъ Панкратьевичъ тоже за ними.

— Боже мой, это еще что тамъ такое? безпомощно вопрошалъ Иванъ Алексѣевичъ...— Какъ же мы пройдемъ черезъ площадь!

— А ужъ лучше и не ходите туда; тамъ страсти что дѣлается! Я тоже оттуда бѣгу...

— Но что же тамъ такое? — въ одинъ голосъ спросили мы говорившаго это молодого человѣка.

— А мужикъ прибѣжалъ сейчасъ изъ больницы и оретъ, что его живьемъ хотѣли похоронить тамъ... Толпа и забушевала оттого.

На площади, сквозь шумъ и ревъ толпы, разнеслись рѣзкіе, пронзительные свистки полицейскихъ, а съ противоположной широкой улицы, выходившей на площадь, какъ на пожаръ, спѣшили на шумъ новыя толпы кричавшаго, галдѣвшаго, обезумѣвшаго народа.

VII.

Мы спѣшили, почти бѣжали назадъ къ больницѣ. Иванъ Алексѣевичъ рѣшительно заявилъ, что онъ не уйдетъ домой одинъ, безъ Лизы и меня. Я должна была передать эту волю отца моей подругѣ; я старалась успокоить его, обѣщавъ просить, умолять Лизу, чтобы она сейчасъ же вышла къ нему изъ больницы. Но у меня мало было надежды на успѣхъ этой миссіи. Я сама находила, что мы, Лиза и я, не имѣемъ нравственнаго права оставлять больницу и своихъ подругъ; у меня, наконецъ, была смутная надежда, что начальство города не допуститъ до опасныхъ безпорядковъ народное волненіе.

Я встрѣтила Лизу въ корридорѣ больницы, крайне возбужденную и нервную.

— Зачѣмъ ты пришла, Соня! волнуясь, быстро заговорила она. Сегодня наши больные просто бѣлены объѣлись: прямо въ глаза нѣкоторые изъ нихъ называютъ насъ отравителями... Тотъ буйный больной, словно бѣсноватый, опрокинулъ все на пути и убѣжалъ...

Я сказала Лизѣ о волненіи на площади, можетъ быть вызванномъ этимъ бѣсноватымъ, и о томъ, что Иванъ Алексѣевичъ чрезвычайно опасается за нашу судьбу и ждетъ ее и меня возлѣ больницы.

— Но развѣ это возможно! воскликнула Лиза, а другіе то всѣ! Степанъ Петровичъ, даже Бойцовъ страха ради не покинутъ свой постъ! Эхъ, мы тѣ же солдаты—такъ и скажи отцу. Да при томъ же можетъ быть, пошумятъ-пошумятъ и успокоятся, а то и силой успокоятъ ихъ... Такъ и скажи папѣ.

Лиза рѣшительно махнула рукой и скрылась въ палату. Я была въ затрудненіи, что мнѣ дальше дѣлать и рѣшила сходить къ старшему врачу и разсказать ему все. Но Степанъ Петровичъ отнесся съ еще большимъ равнодушіемъ къ моимъ опасеніямъ и разсказу о волненіи на площади. Помимо сознанія своего долга онъ также надѣялся, что до безумной народной расправы дѣло не допустятъ.

— Я доведу до свѣдѣнія полиціи и городской управы—сказалъ онъ, о нашемъ положеніи. Да имъ, вѣдь, и безъ того все извѣстно, и нужно думать, что насъ не дадутъ въ обиду. Праздновать же труса прежде времени намъ не къ лицу.

Я вышла изъ кабинета старшаго врача въ большомъ затрудненіи, не зная что сказать и какъ успокоить бѣднаго Ивана Алексѣевича. Но едва я успѣла добраться до лѣстницы, какъ услышала съ улицы глухой неясный, приближающійся шумъ. Сторожа поспѣшно затворили входную дверь и бѣжали къ выходу въ садъ.

— Бунтъ, барышня... Народъ уже подходитъ! крикнулъ мнѣ одинъ сторожъ.

Въ эту же минуту двери большой палаты, въ которой я занималась, широко раскрылись и я увидѣла, что больные поднимались съ своихъ коекъ и дико кричали. Волненіе съ улицы достигло до ихъ слуха и они какъ будто только и ждали этого. Я увидѣла дальше, какъ Лиза стремительно кинулась къ дверямъ палаты и широко раскинула свои руки, желая остановить этотъ ужасный потокъ человѣческаго безумія и дикости. Какой то больной съ силою оттолкнулъ ее и далеко отбросилъ къ наружной стѣнѣ корридора.

Я какъ безумная побѣжала въ кабинетъ врача, не соображая, что въ немъ я совершенно отрѣзана отъ выхода въ садъ, куда еще можно было спастись отъ толпы.

— Степанъ Петровичъ, бунтъ! больные бунтуютъ и толпа возлѣ больницы.

— Слышу! тихо проговорилъ Степанъ Петровичъ, и безпомощно опустился на стулъ.

— Боже мой! но можетъ быть есть какая нибудь возможность спастись.

Я побѣжала къ двери кабинета, намѣреваясь запереть ее, но никакого запора не оказалось.

— Все равно безполезно, —жалко улыбнулся Степанъ Петровичъ, — что же имъ стоитъ выломать дверь.

У меня не было больше никакой надежды, и мы съ ужасомъ ждали Но вотъ дверь въ кабинетъ отворилась, и я съ изумленіемъ увидѣла благообразное, чрезвычайно милое лицо купца Павла Панкратьевича, котораго я видѣла на базарной площади. Онъ глядѣлъ на насъ своими ясными, совсѣмъ дѣтскими, но глубоко недоумѣвающими глазами, какъ бы желая разглядѣть насъ — кто мы и что мы такое.

— Бѣжите ка скорѣе! Народушко озвѣрѣлъ... Бѣжите, теперь онъ въ палатахъ вашихъ бушуетъ, тихо, какъ бы въ раздумьи проговорилъ купецъ.

Но было поздно. По корридору бѣжали и кричали люди. У дверей показалась толпа. Я узнала во главѣ ея того рыжаго, грубаго мѣщанина, котораго встрѣтила при въѣздѣ въ городъ, и который съ такою ненавистью говорилъ о докторахъ. Возлѣ него дико кричала молодая бабенка съ бѣлясыми, отвратительными ужасными глазами. Никогда я не забуду выраженія этихъ рыбьихъ, горѣвшихъ ненавистью глазъ...

— Здѣсь дохтуръ, здѣсь дохтуръ! — завопила она.

Мнѣ хотѣлось закричать, заплакать, зарыдать... Но вдругъ все въ моихъ глазахъ — люди, комната, Степанъ Петровичъ — все это запрыгало, закружилось въ какомъ то туманѣ. Я прислонилась къ стѣнѣ, что бы не упасть и видѣла, какъ Павелъ Панкратьевичъ, оттолкнувъ кричавшихъ людей, приблизился ко мнѣ, потрясъ меня за руку и громко проговорилъ мнѣ въ лицо:

— Опомнись, милая барышня! Пойдемъ за мною!..

VIII.

Безъ воли, почти безъ сознанія, какъ автоматъ, я послѣдовала за Павломъ Панкратьевичемъ, крѣпко, хотя и машинально, держась за него,

Передъ глазами у меня продолжали прыгать и кружиться сновавшіе въ корридорѣ люди; я видѣла ихъ дикія, раскраснѣвшіяся лица, слышала безумный, изступленный ревъ, но все это не задерживало на себѣ моего вниманія; всѣ внѣшнія впечатлѣнія изчезали безслѣдно во мнѣ, какъ камень, брошенный на взволнованную поверхность глубокой рѣки. Я вся ушла куда то глубоко внутрь себя, и одно чувство невыразимой тоски сжимало мнѣ сердце. Такъ, вѣроятно, чувствуетъ себя смертельно раненое существо, живущее одною послѣднею, догорающею искрою жизни. Но одно впечатлѣніе на минуту возбудило во мнѣ сознаніе внѣшняго міра. Мимо насъ, среди бѣсновавшихся людей, бѣжалъ Иванъ Алексѣевичъ въ старенькой шинели, съ растрепанной, открытой головой, на которой бѣлые, какъ снѣгъ, волосы собрались въ нѣсколько торчавшихъ вверхъ вихровъ. Онъ тоже на мигъ остановилъ на мнѣ свои помутившіеся, полные ужаса глаза и, не видя во мнѣ ту, кого искалъ онъ теперь, поглощенный однимъ лишь желаніемъ и мыслію, какъ безумный, стремительно пробѣжалъ мимо.

Не знаю, какъ мы спустились по задней лѣстницы и вышли въ садъ. Потоки яркаго, ослѣпительнаго свѣта ударили мнѣ въ глаза, и старые деревья сада, больничный флигель, пробѣжавшіе мимо насъ по садовой дорожкѣ солдаты по направленію къ главному зданію больницы—все это быстро, стремительно кружилось передо мною въ какомъ то невообразимомъ вихрѣ. Еще мгновеніе—и чья то гигантская тѣнь поднялась надъ міромъ и набросила вдругъ темный покровъ на небо, на землю. Свѣтъ погасъ. Я больше ничего не видѣла. Я была въ полномъ обморокѣ.

Когда я пришла въ себя и открыла глаза, возлѣ меня суетился Павелъ Панкратьевичъ. Онъ смачивалъ мнѣ голову водою и что то жалобно причиталъ.

— Отошла—слава тебѣ, Господи! А я ужъ думалъ не вѣсть что такое...

Я лежала вверхъ лицомъ, и голубое, чистое, безоблачное небо высилось надо мною. Въ одинъ мигъ я все вспомнила и горько расплакалась.

— Богъ милостивъ! Не бойся и не горюй, милая барышня, нѣжно утѣшалъ меня добрый человѣкъ,—не бойся; мы далеко отъ больницы, въ самый конецъ сада я перетащилъ тебя...

— А что докторъ, Лиза?—едва могла проговорить я.

— И о докторѣ не убивайся... Служитель тутъ пробѣгалъ и сказывалъ мнѣ, что доктора помяли малость, солдаты набѣжали и отняли. Стрѣльба даже была... О, Господи! Ты Одинъ разберешь, кто правъ и

кто виноватъ. Вотъ и теперь еще бѣгутъ, еще бушуетъ народъ... Слышите: пафъ, пафъ!.. А это что же такое: никакъ пожаръ...

Я обернулась въ сторону больницы и сквозь рядъ деревьевъ сада увидѣла поднимавшіеся надъ зданіемъ больницы черные, густые клубы дыма. По другой сторонѣ сада къ деревянному забору, шедшему вдоль улицы, спѣшила толпа, впереди которой я увидѣла того же рыжаго мѣщанина. Онъ былъ почти обнаженъ и какъ то странно махалъ руками и вопилъ какъ раненный звѣрь. За нимъ съ пронзительнымъ визгомъ слѣдовала ужасная баба, съ рыбьими глазами.

— Пойдемъ теперь, милая барышня! Поднимайся-ка, вотъ такъ... Ручку мнѣ дозвольте вашу, тяжело еще владѣть тебѣ собою. Вотъ сюда, въ эту калитку, прямо выдемъ въ поле. По улицѣ то, поди, толпа бушуетъ, безъ опаски не пройдемъ тамъ...

Передъ нами было широкое поле, начинавшееся отъ самаго города, куда мы направлялись, и переходившее въ голубой дали въ безбрежную степь. Солнце далеко уже перешло за полдень и въ нѣжныхъ, мягкихъ лучахъ его, привольный, живописный волжскій пейзажъ былъ очарователенъ. Подъ кроткимъ, праведнымъ небомъ казалось тяжелымъ сномъ все то, что я только что пережила.

Павелъ Панкратьевичъ молча шелъ со мной и помнутно о чемъ то вздыхалъ. Его благообразное лицо по временемъ омрачалось и онъ начиналъ моргать своими глазами, какъ ребенокъ передъ плачемъ. Какая то мысль угнетала его.

— Какъ я благодарна вамъ, Павелъ Панкратьевичъ.

— Богъ съ вами! За что же благодарить?.. Какъ только я увидѣлъ тебя, сразу же пришлась ты мнѣ по сердцу. Нѣтъ, думаю, грѣшно дать въ обиду беззащитную...

— Хорошій, добрый вы человѣкъ!

— Ахъ, нѣтъ, пожалуйста не хвалите! Да можетъ я хуже еще тѣхъ, что бушевали тамъ... Можетъ, въ головѣ то у меня тожъ недобрые помыслы...

— Я не знаю вашихъ помысловъ, но вы спасли меня отъ бѣды.

Павелъ Панкратьевичъ покачалъ головой и сокрушенно сталъ вздыхать. Его ясное лицо опять омрачилось, въ глазахъ стояла все та же тревожная, невысказанная мысль. Неужели и онъ думаетъ, какъ всѣ, неужели и его терзаетъ относительно меня темное, ужасное подозрѣніе. Я рѣшилась спросить его прямо и откровенно.

— Послушайте, сказала я,—неужели вы вѣрите, что мы отравители?..

— Я такъ не вѣрю, Господь съ вами!—замахалъ онъ руками... Развѣ я что говорилъ такое? Я не о васъ дурное думалъ... Какъ только

я увидѣлъ тебя, я сказалъ себѣ: не можетъ того быть, что бы она была повинна, потому ликъ-то у тебя ясный и добрый такой... Не можетъ того быть! Но другіе то, можетъ другіе изъ вашихъ?..

Павелъ Панкратьевичъ проговорилъ это тихо, съ необычайнымъ волненіемъ, избѣгая глядѣть на меня.

— Ни я, ни другіе...

— Милая барышня, вдругъ заговорилъ Павелъ Панкратьевичъ— успокой ты меня старика, сними ты съ души моей омраченной тяготу несносную. Какъ передъ Богомъ говорю—сумлѣваюсь я и тяжело мнѣ. Скажи—отравляютъ ли и впрямь доктора, народъ?.. Я знаю, ты неповинна и не можетъ того быть, чтобъ и тебя въ сговоръ ввели, хоть и силенъ врагъ человѣческій...

Этотъ взрывъ невыносимаго сомнѣнія души нѣжной, доброй и правдивой такъ поразилъ меня, что я остановилась и стояла передъ нимъ, не въ силахъ будучи сказать ему что нибудь... Я чувствовала вмѣстѣ не выразимую горечь, обиду за себя, за всѣхъ насъ, которые не жалѣли своей жизни—и вотъ награда!

— Повѣдай, скажи мнѣ... Вотъ слезно молю тебя и земно кланяюсь... Павелъ Панкратьевичъ упалъ на колѣни и простеръ впередъ руки...

— Что вы, что вы! Встаньте, пожалуйста встаньте. Я и такъ скажу вамъ все... Тутъ никакой тайны нѣтъ...

Но чувство обиды продолжало душить меня; я нервно хватала себя за грудь, задыхаясь отъ волненія, и въ эту минуту ощутила подъ рукою большой образокъ, которымъ благословила меня мать, когда я еще уѣзжала въ Петербургъ учиться. Машинально я сорвала съ себя этотъ образокъ, перекрестилась, поцѣловала его и, обращаясь къ Павлу Панкратьевичу, горячо сказала ему:

— Вотъ, клянусь вамъ благословеніемъ моей матери—Спасителемъ нашимъ Іисусомъ Христомъ. Вся эта темная молва про докторовъ— одна ложь, возмутительная ложь, одинъ страшный грѣхъ противъ тѣхъ, кто желалъ помочь вамъ по мѣрѣ своихъ силъ.

Впечатлѣніе отъ моихъ словъ было поразительное. Павелъ Панкратьевичъ заплакалъ тихимъ, радостнымъ плачемъ, какъ ребенокъ, избѣжавшій тяжелой непріятности, отъ которой мучилось и страдало его сердце.

— Спасибо, родимая! Раскрыла глаза мои, успокоила меня словами своими и крестнымъ знаменіемъ... Спасибо—лепеталъ сквозь слезы растроганный и весь сіяющій отъ радости Павелъ Панкратьевичъ... Стало быть, выходитъ: „не вѣдятъ, что творятъ“. Но прости и мнѣ и всѣмъ...

И на Него вѣдь, Спасителя нашего, замѣсто любви пошли съ камнями и дреколіемъ... Прости жь и ты неразумныхъ...

Павелъ Панкратьевичъ проводилъ меня до самаго дома Лизы. Она была уже тамъ и съ тревогой ждала меня. Мы встрѣтились съ такою радостью, какъ будто сто лѣтъ не видались.

Кромѣ Ивана Алексѣевича я нашла у Лизы нашего ординатора Бойцова, счастливо скрывшагося черезъ больничный садъ отъ толпы. Онъ встрѣтилъ Лизу на улицѣ, и очень кстати: отброшенная къ стѣнѣ разсвирѣпѣвшимъ больнымъ, она вывихнула себѣ плечевую кость и требовала помощи врача.

На другой день въ городѣ, казалось, все уже затихло. Въ смежныхъ съ холерной больницей улицахъ нѣкоторое время стоялъ усиленный карауль изъ солдатъ. Мѣра эта была очень по душѣ Ивану Алексѣевичу, и онъ былъ спокоенъ за насъ, когда Лиза и я, черезъ нѣсколько дней, снова отправились въ больницу. Но нелѣпыя басни, подозрительныя отношенія къ лѣченію, къ докторамъ стали исчезать только къ концу болѣзни.

Н. С-ъ.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Замѣтка къ предстоящему торжеству открытія нордъ-остъзейскаго канала.

Германія готовится съ возможно большею торжественностью открыть новый каналъ.

Мы, въ качествѣ „добрыхъ сосѣдей“, „дружественной державы“ и въ виду всяческаго „процвѣтанія культуры“, долженствующей послѣдовать, по словамъ нѣмцевъ, отъ открытія этого канала,—должны, конечно, только радоваться, купно со всей Европой, этому счастливому событію. Даже во Франціи и то обсуждается вопросъ „объ участіи въ торжествѣ открытія“...

Все это такъ и долгъ дипломатической вѣжливости повелѣваетъ и не въ такихъ случаяхъ faire une bonne mine dans une mauvaise jeu,—но, тѣмъ не менѣе, по русской пословицѣ, *шила въ мѣшкѣ не утаишь*, и все это нѣмецкое культурное предпріятіе сводится, главнымъ образомъ, къ тому, чтобы... еще болѣе стѣснить, сдавить своихъ „добрыхъ сосѣдей“—Россію и Францію.

Въ особенности насъ.

Вѣдь современный нѣмецкій культуртрегеръ спитъ и видитъ, какую бы еще штуку получше выдумать для „блага цивилизаціи“, которое онъ понимаетъ единственно въ томъ направленіи, чтобы скрутить лапы „сѣверному медвѣдю“ и, если можно, то и заставить его плясать подъ свою дудку, отчего онъ, по своей дикости и невѣжеству, сталъ уклоняться въ послѣднее время!...

Впрочемъ, аггрессивнаго значенія не рѣшаются отрицать и сами нѣмцы.

Чтоже остается намъ-то въ этомъ случаѣ дѣлать?

Неужели намъ, запертымъ и безъ того весьма основательно Зундами въ нашемъ *единственномъ*, пока благоустроенномъ морѣ, спокойно смотрѣть, какъ нашъ исконный врагъ въ этомъ морѣ устраиваетъ себѣ удобную лазейку, чрезъ которую,—сосредоточивая и разобщая свои военно-

морскія силы когда того пожелаетъ,—онъ всегда будетъ имѣть сугубую возможность вредить намъ на каждомъ шагу, угрожая нашей столицѣ и помогая нашимъ „лойяльнымъ“ финнамъ, балтійскимъ нѣмцамъ и инымъ инородцамъ все болѣе и болѣе выходить, подъ видомъ разныхъ эфемерныхъ правъ и привилегій, изъ-подъ должнаго намъ безусловнаго повиновенія.

Нѣтъ, Россія, ставшая при покойномъ Государѣ твердо на путь національной политики, не можетъ допустить, чтобы такія событія текли безъ надлежащаго отвѣта съ нашей стороны и имѣетъ въ своемъ распоряженіи вполнѣ удобное къ тому средство.

Средство это—скорѣйшая закладка военнаго порта на Мурманѣ [1]). Мурманъ, дающій нашему флоту постоянный выходъ въ открытое море, не можетъ быть загороженъ никакими зундами и каналами и изъ него мы всегда по своему желанію, никѣмъ не стѣсняемые, можемъ пойдти на встрѣчу врагу, отважиться вредить его довольно развитому коммерческому флоту и его—не смотря на затраты послѣдняго времени,—всетаки еще мало защищеннымъ берегамъ. Что значеніе Мурмана именно таково—показываетъ лихорадочное вниманіе нашихъ „добрыхъ друзей“—нѣмцевъ и англичанъ,—съ которымъ они слѣдили и слѣдятъ за всѣмъ, что намъ дѣлается на сѣверѣ.

Достаточно припомнить, что писалось хоть бы о послѣдней поѣздкѣ нашего министра финансовъ въ заграничныхъ газетахъ...

Итакъ, не будемъ сидѣть у моря и ждать погоды, а постараемся ко дню окончательнаго открытія Нордъ-остзейскаго канала сдѣлать приготовленія хотя бы къ закладкѣ военнаго порта на Мурманѣ, да и пригласимъ всѣхъ своихъ добрыхъ друзей, послѣ торжествъ въ честь нѣмецкой культуры, пожаловать и къ намъ, на наше скромное торжество—торжество разрѣзанія того мѣшка, въ который насъ эта милая культура хочетъ упрятать.....

Черноморецъ.

---

[1]) См., между прочимъ, статьи мои въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* и *Русскомъ Обозрѣніи* объ этомъ вопросѣ и замѣчательный докладъ генерала Баранова.

ЗАРУБЕЖНОЕ СЛАВЯНСТВО.

Положеніе дѣлъ въ Болгаріи.

I.

Когда въ 1877 году наша побѣдоносная армія вступила въ Болгарію, участники войны были поражены экономическимъ благосостояніемъ мѣстнаго населенія. Найденная нами зажиточность болгаръ въ то время далеко не соотвѣтствовала сложившемуся у насъ еще до войны представленію объ окончательномъ разореніи балканскихъ славянъ ихъ турецкими угнетателями. Многіе представители русской военной и гражданской власти еще тогда говорили: *стоило ли изъ за этихъ благоденствующихъ братушекъ разорять бѣднаго русскаго мужика?* Много правды было въ этихъ словахъ. Турки, дѣйствительно, хотя быть можетъ только инстиктивно, придерживались весьма разумной финансовой системы при опредѣленіи размѣровъ налоговъ, хотя при взиманіи ихъ нижними органами и происходили разныя злоупотребленія. Для правительства на первомъ планѣ стояла зажиточность его подданныхъ и потому оно избѣгало обременять населеніе тяжелыми податями. Такъ называемою десятиною да слабымъ налогомъ на скотъ исчерпывались всѣ сборы казны съ населенія. По имѣющимся свѣдѣніямъ, доходы турецкой казны съ нынѣшней Болгаріи (вмѣстѣ съ Восточною Румеліею) наканунѣ войны 1877—1878 г.г. не превышали 10 милліоновъ руб. или 25.000.000 фр. въ годъ, что при трехъ-милліонномъ населеніи страны составитъ около 3 /3 руб. или 8 франковъ на каждаго жителя.

Окупаціонныя власти естественно, для избѣжанія всякой ломки въ финансовой системѣ, приняли въ основу финансовъ вновь создаваемаго Болгарскаго княжества тѣ же самые налоги, какіе были и при туркахъ; но, однако, теперь они чувствовались сильнѣе, чѣмъ прежде. Дѣло въ томъ, что во время турецкаго владычества всѣ христіане были освобождены, по политическимъ соображеніямъ, отъ несенія воинской повинности, взамѣнъ чего платили ничтожный откупъ отъ нея въ размѣрѣ

1—2 рублей въ годъ. Послѣ же освобожденія Болгаріи создана была національная армія, отвлекавшая, какъ и вездѣ, лучшія рабочія силы отъ производства цѣнностей въ пользу собственныхъ семей. Вмѣсто уплачиваемыхъ прежде 1—2 руб. откупа отъ воинской повинности, теперь 10—15 тысячъ молодыхъ людей отрывались отъ своихъ занятій и перестали производить на десятокъ милліоновъ цѣнностей, не говоря о томъ, что для ихъ содержанія казна расходовала ежегодно 10—15 милліон. фр. (?). Тѣмъ не менѣе, прежніе подати остались вовсе не обременительными для населенія, хотя съ самаго начала они значительно были увеличены противъ податей до освобожденія Болгаріи. Такъ, напримѣръ, уже въ 1879 году княжество дало 23 милліона, а въ В. Румеліи—12 милліоновъ фр.—всего 35.000.000 или на 10 милліоновъ больше чѣмъ въ турецкое время.

Но какъ только окупаціонныя власти ушли изъ Болгаріи бюджетъ ея начинаетъ быстро расти, какъ вслѣдствіе увеличенія благосостоянія (въ особенности вслѣдствіе роста внѣшней торговли), такъ и по причинѣ введенія новыхъ налоговъ (патентъ и пр.) Уже наканунѣ объединенія княжества съ В. Румеліею доходы перваго возросли до 34, а послѣдней до 16 милліоновъ фр.—всего 50.000.000 фр. Потребности государства въ первый періодъ его существованія (отдѣльно отъ В. Румеліи) были еще столь незначительны, что въ казначействахъ и въ населеніи сбереженія (недоборы) за время съ 1878 по 1884 г. включительно достигли почтенныхъ размѣровъ—около 37.000.000 фр. Словомъ, денегъ дѣвать было некуда. Только 1885 годъ (годъ войны съ Сербіею) закончился незначительнымъ дефицитомъ обыкновеннаго бюджета въ 7 милліон. фр., при чемъ правительство не прибѣгло ни къ внутреннему ни къ внѣшнему займу для покрытія расходовъ на веденіе войны.

Это блестящее финансовое положеніе Болгаріи прекращается въ 1885 году, послѣ состоявшагося объединенія княжества съ В. Румеліею. Въ 1886 году (9 августа) былъ низложенъ князь Александръ Баттенбергъ. Шайка авантюристовъ, во главѣ со Стамболовымъ, въ то время къ сожалѣнію, занимавшимъ важный постъ предсѣдателя народнаго собранія, быстро смекнувъ, что наступила пора ловить рыбу въ мутной водѣ, воспользовалась переворотомъ въ свою личную пользу. Пользуясь положеніемъ единственной законной власти послѣ удаленія Баттенберга изъ Болгаріи, Стамболовъ объявился вдругъ его сторонникомъ. Возвращая ему потерянную уже корону, Стамболовъ разсчитывалъ этимъ сдѣлаться полновластнымъ хозяиномъ страны, такъ какъ на этотъ разъ даже князь былъ бы обязанъ короною ему, Стамболову, а не Россіи, какъ было до того. Хотя Баттенбергъ оказался далеко не признательнымъ

своимъ благодѣтелямъ; но на это послѣднее обстоятельство Стамболовъ не обращалъ вниманія, такъ какъ онъ, какъ ниже увидимъ, располагалъ далеко не тѣми недѣйствительными средствами для удержанія въ своихъ рукахъ князя, къ какимъ прибѣгали представители Россіи въ княжествѣ. Когда комбинація съ вторичнымъ водвореніемъ Баттенберга въ Болгаріи разбилась о твердую волю въ Бозѣ почившаго Императора Александра III, Стамболовъ попробовалъ приподнести отъ себя болгарскую корону предполагавшемуся русскому кандидату принцу Вольдемару Датскому; но когда и эта попытка не удалась, онъ просто рѣшилъ торговать княжескимъ престоломъ. Покупатели скоро нашлись, при чемъ самымъ выгоднымъ оказался нынѣшній австрійскій ставленникъ принцъ Фердинандъ Кобургскій *). Прибывъ въ Болгарію, онъ вначалѣ оправдалъ всѣ ожиданія болгарскаго „престолосоздателя“, какъ самъ себя величалъ, достигшій диктаторской власти Стамболовъ. Друзья начали со взаимныхъ другъ другу уступокъ: за предоставленіе Стамболову безконтрольно распоряжаться казною, цивильный листъ лжекнязя сразу удвоился, достигнувъ 1.500.000 фр. въ годъ. Затѣмъ къ этимъ компаньонамъ вскорѣ примкнулъ и австрійскій представитель въ Болгаріи Буріанъ.

Теперь уже выяснилось, что Стамболовъ далеко не былъ такимъ честолюбцемъ, какимъ мы его себѣ представляли. Онъ жаждалъ власти не изъ-за власти, а чтобы имѣть возможность лишь грабить свое отечество для собственнаго обогащенія. Это—кулакъ, не болѣе, не брезгавшій никакими средствами, чтобы нажить милліоны. И онъ ихъ нажилъ: его недвижимое имущество въ Болгаріи оцѣнивается въ нѣсколько милліоновъ, не говоря о тѣхъ капиталахъ, которые хранятся въ нѣмецкихъ и англійскихъ банкахъ. Кобургъ оказался болѣе честолюбивымъ: разбогатѣвъ достаточно, какъ извѣстно, онъ все свое вниманіе обратилъ на упроченіе своего престола, съ каковою цѣлью рѣшился прогнать даже своего благодѣтеля Стамболова, поглощеннаго всецѣло наживою денегъ и вовсе не заботившагося объ интересахъ династіи посаженнаго имъ на престолъ авантюриста-принца. Однакожъ, до окончательнаго разрыва между компаніонами, они успѣли хорошо нагрѣть себѣ руки, при чемъ главнымъ пособникомъ ихъ является пресловутый Буріанъ. Розыскивая средства къ обогащенію, Стамболовъ и Кобургъ пустились въ цѣлый рядъ аферъ, окончательно подорвавшихъ финансы государства и пошатнувшихъ экономическое состояніе населенія. Государственный бюджетъ съ 50 милліоновъ фр. въ 1886 году возросъ до 102 милліоновъ въ 1894 г.,

*) Главнымъ агентомъ его былъ нѣкто Валданфелъ, возбудившій скандальный процесъ въ Пештскомъ судѣ о неустойкѣ противъ болгарскихъ узурпаторовъ.

т. е. болѣе чѣмъ удвоился. Несмотря на такое непомѣрное увеличеніе налоговъ, несмотря на сборъ всѣхъ недоимокъ и на растрату экономій (около 36 милліоновъ), накопленныхъ до Стамболовщины, узурпаторы прибѣгли къ цѣлой серіи внѣшнихъ займовъ, къ выпуску никелевой монеты и разныхъ *банкнотовъ* для покрытія огромныхъ дефицитовъ всѣхъ бюджетовъ, начиная съ 1886 года. Буріанъ усердно посредничалъ между болгарскимъ лжеправительствомъ и знаменитымъ вѣнскимъ Länderbank'омъ. при помощи котораго Сербія давно подпала подъ экономическо-политическую опеку Вѣны. Въ нѣсколько лѣтъ Болгарія такимъ образомъ перещеголяла свою сосѣдку Сербію, долги которой накоплялись десятками лѣтъ и благодаря ряду войнъ. Впрочемъ, оффиціальная Болгарія Кобурга-Стамболова тоже вела войны, но противъ искусственно создаваемыхъ революцій и комплотовъ...—самихъ же болгаръ.

Какъ безобразно хозяйничали узурпаторы, можно судить по одному тому, что, несмотря на увеличеніе бюджета вдвое противъ 1886 г., къ 1895 году долгъ одному Länderbank'у простирался до 172 милліоновъ фр., а весь государственный долгъ возросъ до 250.000.000 фр., не считая дани Портѣ. На одни % и погашеніе долга въ нынѣшнемъ году предвидѣно 18 милліономъ, т. е. почти столько, сколько составляли всѣ доходы княжества въ первый годъ его политическаго существованія.

Новый болгарскій кабинетъ Стоилова, замѣнившій павшій 18-го мая прошлаго 1894 года кабинетъ Стамболова, хотя и выступилъ передъ народомъ съ самою широковѣщательною программою, однакожъ, до сихъ поръ рѣшительно ничего не сдѣлалъ для улучшенія болгарскихъ финансовъ. Онъ не только не распустилъ ненавистную всѣмъ жандармерію, составляющую цѣлую армію (5.000 жандармовъ), не только не сократилъ огромную для княжества армію (болѣе 35.000 человѣкъ въ мирное время), но еще увеличилъ военный бюджетъ на 2 милліона фр., а для покрытія расходовъ установилъ новые налоги—акцизъ и патентъ—до сего времени несуществовавшіе въ Болгаріи. Акцизъ взимается съ предметовъ первой необходимости, какъ сахаръ, керосинъ, соль, спички, и проч. и ложится тяжелымъ бременемъ исключительно на болгарское населеніе и и бѣднѣйшіе его классы. Тѣмъ не менѣе, австрійское правительство, боясь уменьшенія ввоза въ Болгарію обложенныхъ акцизомъ товаровъ, исключительно австрійскаго происхожденія, протестовало противъ новаго налога. Дорожа дружбою Вѣны, министерство Стоилова обѣщало тотчасъ же сдѣлать австрійцамъ существенныя уступки, характеръ которыхъ намъ пока неизвѣстенъ. Такъ или иначе, но и текущій бюджетъ княжества, достигающій высшихъ размѣровъ стамболовскихъ бюджетовъ (около

90.000.000 фр.), не внушаетъ особеннаго къ себѣ довѣрія, хотя и составленъ безъ дефицита. Въ періодъ стамболовщины бюджеты почти никогда не составлялись съ дефицитомъ, между тѣмъ послѣдній превратился въ хроническое явленіе, главнымъ образомъ, вслѣдствіе сверхсмѣтныхъ кредитовъ, къ которымъ прибѣгаетъ и нынѣшній кабинетъ. Вообще, въ виду обѣщанныхъ Австріи уступокъ, а также въ виду сверхсмѣтныхъ асигнованій, наконецъ, въ виду неизбѣжныхъ недоборовъ, и въ нынѣшнемъ году едва ли дѣло обойдется безъ болѣе или менѣе крупнаго дефицита.

Трудно предвидѣть, когда болгарскіе финансы могутъ поправиться. Все несчастіе болгаръ заключается въ томъ, что налоги не по плечу населенію. Насколько эти налоги обременительны, можно судить по одному тому, что они въ $1^1/_2$ раза выше, нежели въ Россіи (въ Болгаріи на жителя приходится 12 руб., въ Россіи—только 8 руб.). Надо при семъ имѣть въ виду, что производство фабричной и заводской промышленности въ Россіи (около 2 милліардовъ руб.) равно производству земледѣлія, тогда какъ въ Болгаріи отсутствуетъ какая бы то ни было промышленность, кромѣ земледѣлія, произведенія котораго въ послѣдніе годы не оплачиваютъ даже затраченный трудъ. Съ другой стороны, въ Болгаріи отсутствуютъ даже необходимѣйшіе пути сообщенія. Деньги, занятыя на постройку желѣзныхъ дорогъ и портовъ, необходимыхъ для поднятія промышленности и торговли въ странѣ, разошлись по карманамъ узурпаторовъ, вслѣдствіе чего предстоятъ новые займы. Стамболовъ въ настоящую минуту находится въ Вѣнѣ съ этою цѣлью. Такимъ образомъ, для выполненія принятыхъ при Стамболовѣ на себя обязательствъ, болгарское правительство должно построить желѣзную дорогу Софія-Варна и порты Варна и Бургасъ, стоимостью въ 100 слишкомъ милліоновъ, которые будутъ заняты въ Länderbank'ѣ. Сооруженія эти еще до постройки ихъ, заложены австрійцамъ. Уже къ концу нынѣшняго столѣтія княжество сдѣлается данникомъ Австро-Венгріи, которой ежегодно придется уплачивать однихъ $^0/_0$ около 25.000.000 фр.

Торговля княжества мало-по-малу дѣлается исключительно достояніемъ австрійцевъ. Они почти ничего не покупаютъ у болгаръ (вывозъ изъ Болгаріи въ Австрію не превышаетъ 2—3 милліон. въ годъ), а ввозятъ болѣе $^1/_3$ всего импорта (30—35 милліон. въ годъ). При этомъ слѣдуетъ принять во вниманіе и тотъ печальный фактъ, что балансъ внѣшней торговли княжества крайне для него неблагопріятенъ, такъ какъ ежегодно болгаре приплачиваютъ въ общемъ иностранцамъ, исключительно австрійцамъ, за всякую фабричную гниль отъ 10 до 12 милліон. фр., безвозвратно уходящихъ изъ страны. Капиталы такъ исчерпались, что

даже государственный банкъ платитъ своимъ вкладчикамъ 8% годовыхъ, не говоря о томъ, что въ частныя руки подъ вѣрное обезпеченіе, всегда можно помѣстить деньги изъ 25% годовыхъ. И при такомъ безденежьѣ налоги въ среднемъ составляютъ 12% средней доходности населенія, т. е. тяжелѣе чѣмъ въ богатой Франціи, въ которой они простираются до 10% *).

Всѣ прямые и косвенные налоги въ Болгаріи въ общемъ не должны превосходить 60.000.000 фр. въ годъ (по 20 фр. на жителя). Это максимумъ того, что разоренный народъ въ состояніи платить казнѣ. Въ виду сего населеніе требуетъ распущенія значительной части арміи и жандармеріи, поглощающихъ вмѣстѣ около 30 милліон. фр. въ годъ, т. е. 50% всего того, что можетъ дать страна или 30% нынѣшняго непосильнаго бюджета. Но узурпаторы, которые держатся во власти исключительно при помощи этихъ преторіанцевъ, ни за что не согласятся на уменьшеніе арміи и полиціи. Въ этомъ они встрѣчаютъ дѣятельную поддержку со стороны австрійцевъ, которые такимъ путемъ окончательно будутъ въ состояніи закабалить страну въ своихъ экономическихъ и финансовыхъ сѣтяхъ. Такъ они подготовляютъ сперва экономическое, а затѣмъ и политическое порабощеніе Болгаріи.

Изъ вышеизложеннаго слѣдуетъ, что самая опасная для болгаръ сторона нынѣшняго положенія дѣлъ въ Болгаріи—это экономическая и финансовая, а не чисто политическая. Въ политикѣ бываютъ всякія превратности, и если „неодолимый“ Стамболовъ могъ вдругъ оказаться опозореннымъ и уступить власть какому-нибудь Стоилову, то и Стоиловъ легко можетъ быть вынужденъ уступить власть Цанкову, Каравелову или иному болгарскому патріоту. Не такъ легко, однакожъ, будетъ для Болгаріи вырваться изъ цѣпкихъ когтей австрійцевъ, послѣ того, какъ она очутилась въ полномъ отъ нихъ экономическомъ и финансовомъ порабощеніи. Вотъ почему свой обзоръ положенія дѣлъ въ Болгаріи мы начали именно съ финансовъ, такъ тяжело отразившихся на экономическомъ строѣ государства и такъ угрожающихъ политической независимости братской намъ Болгаріи. Посмотримъ теперь въ какомъ положеніи находятся политическія дѣла послѣдней.

II.

Со дня низложенія съ престола князя Александра Баттенберга до дня паденія Стамболова—18 мая прошлаго 1894 г. въ княжествѣ Болгарскомъ господствовалъ неслыханный терроръ. Фактическимъ главою госу-

*) По изслѣдованіямъ нынѣшняго болгарскаго министра финансовъ Е. Гошева.

дарства въ названный восьмилѣтній періодъ былъ не лже-князь Фердинандъ Кобурскій, а Стамболовъ. Послѣдній являлся диктаторомъ съ неограниченными правами. Производство выборовъ въ народное собраніе, созывъ послѣдняго, составленіе министерскихъ кабинетовъ и т. п. — все это была одна лишь комедія. Въ депутаты, при помощи войска и администраціи, проводились всегда исключительно такія лица, которыя заблаговременно заносились въ списки кандидатовъ болгарскаго диктатора. Тамъ, гдѣ населеніе осмѣливалось выставлять собственныхъ кандидатовъ, оно было объявляемо бунтовщиками и усмирялось войсками. Такимъ образомъ было истреблено множество людей во время выборовъ въ Плевнѣ, Орѣховицѣ, Кутловицѣ и проч. Въ народномъ собраніи, въ министерствѣ, въ арміи и администраціи, въ короткій срокъ диктатуры Стамболова остались лишь люди продажные, подонки общества, въ которыхъ болгарскій диктаторъ всегда имѣлъ послушныя себѣ орудія, исполняющія безпрекословно его волю. Все болѣе или менѣе порядочное въ странѣ подвергалось неслыханнымъ въ нашъ вѣкъ преслѣдованіямъ. Лучшіе офицеры, болгарскіе герои, вродѣ Панова, Узунова, Паницы и проч. были казнены, другіе томились въ тюрьмахъ, а третьи—въ изгнаніи; лучшіе государственные дѣятели, сѣдовласые народные вожаки, какъ Цанковъ, были изгнаны изъ своей родины или какъ эксъ-министры Каравеловъ, Молловъ и проч. подвергнуты всевозможнымъ истязаніямъ, не говоря о многихъ повѣшенныхъ или умершихъ отъ истязаній, вродѣ Карджіева (депутатъ), Мыларова (литераторъ), Георгіева (публицистъ), Цвѣткова, Тюфекчіева и проч. и проч. Всѣ болгарскія тюрьмы были переполнены „политическими преступниками“. Единственнымъ средствомъ избѣжать преслѣдованія, являлось выселеніе изъ родины въ сосѣднія государства и въ Россію. Не пощажено было и высшее болгарское духовенство. Болгарскій Сунодъ нѣсколько разъ былъ разгоняемъ силою, многимъ митрополитамъ (Симеону, Константину и Клименту) было воспрещено священнодѣйствовать, а митрополитъ Тырновскій Климентъ подвергся, по приказанію Стамболова, самымъ грубымъ оскорбленіямъ со стороны правительственныхъ палочныхъ командъ, и наконецъ, незаконно былъ осужденъ за „измѣну„ и сосланъ въ монастырь. Вообще перечислить всѣ страданія истинныхъ болгарскихъ патріотовъ за время стамболовщины нѣтъ возможности въ журнальной статьѣ.

Стамболовъ не допускалъ, чтобы въ государствѣ проявлялась чья нибудь другая воля, кромѣ его собственной. Если кто-нибудь изъ министровъ или судей оказывался, по его мнѣнію, строптивымъ, то онъ тотчасъ же былъ увольняемъ и подвергался карѣ. Такимъ образомъ произошелъ разрывъ его сперва съ Радославовымъ, а затѣмъ съ кон-

серваторами—Начевичемъ, Стоиловымъ и Петровымъ. Подъ самою строгою опекою Стамболовъ держалъ и самого лже-князя болгарскаго. Неоднократно грозилъ онъ ему въ своихъ органахъ открыто изгнаніемъ за слабѣйшіе признаки проявленія независимости. Но расчеты Стамболова—имѣть въ лицѣ посаженнаго имъ на болгарскій престолъ австрійскаго принца лишь слѣпое орудіе или маску, за которой онъ могъ бы прикрываться,—далеко не оправдались. Кобургъ оказался человѣкомъ съ большимъ честолюбіемъ. Ободряемый австрофилами—Радославовымъ, Начевичемъ, Петровымъ и проч., которыхъ Стамболовъ успѣлъ уже вооружить своимъ деспотизмомъ противъ себя, и успѣвъ привлечь на свою сторону значительную часть продажнаго болгарскаго офицерства (Кобургъ вѣдь всегда, какъ князь, могъ предложить больше, чѣмъ Стамболовъ), принцъ Фердинандъ рѣшился, наконецъ, освободиться изъ-подъ опеки диктатора. Ловко воспользовавшись скандальной исторіей Стамболова, посягнувшаго на семейную честь военнаго министра Савова, и замѣстивъ послѣдняго своимъ личнымъ приверженцемъ полковникомъ Петровымъ, при помощи послѣдняго, Кобургъ прогналъ Стамболова и усмирилъ его приверженцевъ въ арміи и администраціи. Впрочемъ, послѣдніе оказались приверженцами Стамболова только до тѣхъ поръ, пока онъ считался непобѣдимымъ; какъ только же стало извѣстнымъ, что онъ уволенъ лже-княземъ, вся эта продажная толпа первою поспѣшила объявиться противъ бывшаго своего благодѣтеля и торжественаго примкнула къ его врагамъ—новымъ заправиламъ, во главѣ съ Кобургомъ. Вотъ какъ легко рухнула пресловутая стамболовщина 18 мая 1894 года.

Съ паденіемъ Стамболова исчезла однакожъ только одна кличка, но не суть стамболовщины, которая и до сихъ поръ продолжается, только подъ другимъ соусомъ. По полученіи первыхъ извѣстій о паденіи ненавистнаго диктатора населеніе наконецъ вздохнуло свободнѣе. Оно, какъ мы видѣли, было настолько разорено экономически, такъ унижено въ политическомъ отношеніи, что въ первыя минуты искренно переполнилось чувствами благодарности къ виновникамъ своего новаго освобожденія изъ подъ рабства болѣе тяжелаго, нежели Турецкое иго. Впечатлѣніе было настолько сильно, что изъ многихъ провинціальныхъ городовъ Кобургомъ были получены благодарственныя адресы, въ которыхъ его величали вторымъ освободителемъ болгарскаго народа. Слѣдуетъ замѣтить, что Стамболова народъ считалъ единственнымъ виновникомъ не только своего внутренняго тяжелаго положенія, но и виновникомъ противоестественной внѣшней политики—натянутыхъ, чтобы не сказать, враждебныхъ отношеній между освободителями и освобожденными; но такъ какъ внутренній гнетъ считался прямымъ послѣдствіемъ внѣшней

политики Стамболова, то всѣ ожидали немедленнаго примиренія съ Россіею. Болгаре вообще предполагали, что неизвѣстный имъ до того, всегда стушевывавшійся за Стамболовымъ, лже-князь потому и прогналъ диктатора, что тотъ мѣшалъ ему искать примиренія съ освободительницею болгаръ. Это видно, какъ изъ резолюцій многочисленныхъ народныхъ собраній послучаю паденія Стамболова, такъ и изъ политическихъ программъ рѣшительно всѣхъ партій, ставящихъ на первомъ планѣ примиреніе Болгаріи съ Россіею. Въ дѣйствительности же оказалось, что Кобургъ и его новые австрофилы министры только подлаживались подъ чувства своего народа, но отнюдь не думали объ удовлетвореніи ихъ. Вскорѣ обнаружилось, что Стамболовъ былъ прогнанъ исключительно съ цѣлью: новой шайкѣ авантюристовъ во главѣ съ Кобургомъ, избавиться отъ его несносной опеки, чтобы самимъ начать безконтрольно распоряжаться въ несчастной странѣ, не хуже самого Стамболова.

И дѣйствительно, на первыхъ же выборахъ въ народное собраніе, состоявшихся осенью прошлаго года, правительство прибѣгало къ тѣмъ же насиліямъ и подтасовкамъ, какъ это дѣлалось при Стамболовѣ. Такъ, напр., когда министры узнали о выборѣ Цанкова въ Бѣлой-Слатинѣ, приказали полиціи и палочной командѣ напасть на бюро и уничтожить документы, чтобы дать правительству поводъ не признать выборъ дѣйствительнымъ. На дополнительныхъ же выборахъ, 22 Января сего года вторично былъ уничтоженъ выборъ Цанкова, а его друзья, по послѣднимъ извѣстіямъ изъ Софіи, преданы суду за „бунтъ противъ правительства“, подразумѣвая подъ словомъ бунтъ — сочувствіе Цанкову и его кандидатурѣ. Почти во всѣхъ избирательныхъ мѣстахъ выборы сопровождались кровопролитіями, какъ слѣдствіе борьбы войска и полиціи съ народомъ. Такимъ путемъ правительство провело въ депутаты своихъ союзниковъ. Противъ руссофиловъ по прежнему гоненія все еще продолжаются. Невиннаго Каравелова — въ „Черной мечети“ и Цанкова — въ изгнаніи — правительство продержало бы еще дольше, еслибъ, подъ давленіемъ населенія, народное собраніе не осмѣлилось, вопреки воли Кобурга и его министровъ, дать имъ амнистію. Однакожъ, лучшіе друзья Россіи, по требованію узурпаторовъ, не получили амнистіи и отъ новаго народнаго собранія.

Для всѣхъ въ настоящее время сдѣлалось очевиднымъ, что о примиреніи съ Россіей менѣе всего думаютъ не только новые болгарскіе министры, но и новое народное собраніе. Болгарская интеллигенція оказалась настолько развращенною, настолько лишенною всякой гражданской доблести, что не пожелала ничѣмъ рискнуть для оправданія довѣрія народа даже въ стѣнахъ народнаго собранія. Населеніе послало въ собраніе такихъ депутатовъ, которые выдавали себя открыто за сторонниковъ

Россіи; но достаточно было, чтобы правительство однимъ пригрозило, а другимъ понадавало разныхъ обѣщаній, для того чтобы большинство ихъ перешло на сторону правительства. Первыми измѣнили идеѣ дружбы съ освободительницею такъ называемые „соединисты“ (румелійскіе руссофилы), продавшіе свои убѣжденія за 3 министерскихъ портфеля, которые они теперь занимаютъ въ австрофильскомъ кабинетѣ Стоилова. Примѣру соединистовъ вскорѣ послѣдовала часть цанковистовъ изъ боязни потерять свои депутатскія кресла. Такимъ образомъ составилось искусственное большинство австрофильскаго правительства, консерваторовъ, никогда неимѣвшихъ въ странѣ свой партіи. *) Австрійское вліяніе по прежнему продолжается и теперь съ тою только разницею, что проводниками его, кромѣ давно продавшихся Австріи консерваторовъ, служитъ значительная часть дѣятелей, именующихъ себя, какъ бы въ насмѣшку, „руссофилами“. Читателю, вѣроятно, покажется страннымъ, когда узнаетъ, что 40 соединистовъ и столько же цанковистовъ въ настоящее время составляютъ то правительственное большинство въ народномъ собраніи, на которое опирается Кобургъ и его министерство и при помощи которыхъ узаконяются всѣ беззаконія правительства.

Подобное неестественное положеніе объясняется, какъ упомянуто выше, развращенностью болгарской интеллигенціи, ея эгоизмомъ. Вмѣсто идейной борьбы, болгарская молодежь предпочитаетъ быстро примѣняться ко всѣмъ обстоятельствамъ и въ лучшемъ случаѣ—дорожить собственнымъ покоемъ. Для Кобурга же и его австрофиловъ-совѣтниковъ, при дружелюбномъ къ Россіи настроеніи Болгарскаго Народа, весьма важно, чтобы въ кабинетѣ находились люди, извѣстные населенію за друзей Россіи. Этимъ и объясняется, что господа министры Величковъ, Маджаровъ и Гешевъ—эти когда то ярые руссофилы—особенно любятъ импонировать и до сихъ поръ своимъ мнимымъ руссофильствомъ. Мало того: даже Кобургъ и министры Стоиловъ, Начевичъ и Петровъ, не рѣдко выдаютъ себя передъ народомъ за самыхъ чистопробныхъ друзей Россіи. Все такимъ образомъ основано на гнусномъ обманѣ. Обманываютъ другъ друга, обманываютъ свой народъ, морочатъ Россію. Конечно, Кобургъ и его министры были бы очень рады, если бы Русское Правительство признало нынѣшній порядокъ въ Болгаріи, но и этой цѣли они добиваются не прямо, а разсчитываютъ достигнуть ея обманомъ же. Они полагаютъ что достаточно купить трехъ руссофиловъ министерскими портфелями и самимъ прикинуться такими же руссофилами, какъ Россія

*) Стоиловъ, Начевичъ и Грековъ составляли такъ называемую консервативную партію, но послѣдователей они не имѣли и потому ихъ называли «*Генералами безъ войска.*»

тотчасъ же поспѣшитъ признаніемъ законности лже-князя и забудетъ всѣ пакостныя продѣлки господъ Начевича и Петрова. Когда же истинные сыны Болгаріи возбуждаютъ вопросы о ручательствѣ, что династія не измѣнитъ интересамъ народа, что она будетъ исповѣдывать народную вѣру—православіе и т. п., болгарскіе заправилы начинаютъ распускать слухи, что лжекнязь будто готовъ перейти въ православіе вмѣстѣ съ своимъ сыномъ, что онъ готовъ даже подвергнуться переизбранію, но что упрямая-де Россія не довольствуется этимъ. На самомъ же дѣлѣ, если бы Русское Правительство согласилось на подобныхъ условіяхъ признать Кобурга, то и въ такомъ случаѣ узурпаторы постарались бы провести и свой народъ, и Россію. Признаніе Кобурга дало бы ему возможность дѣлать намъ бо́льшія непріятности, чѣмъ тѣ, которыя онъ намъ причинялъ въ качествѣ узурпатора.

Вообще признаніе Кобурга Россіею было бы величайшею нашею ошибкою въ болгарскомъ вопросѣ. Не только нахальное похищеніе имъ болгарскаго престола, вопреки волѣ учредительницы послѣдняго, но и вся его восьмилѣтняя дѣятельность въ Болгаріи вполнѣ ясно обрисовала эту личность. Прежде всего—это вѣрное и слѣпое орудіе Австро-Венгріи, затѣмъ онъ оказался такимъ фанатикомъ католикомъ, что, вопреки конституціи болгарской, окрестилъ своего сына въ католицизмъ; покровительствуетъ католической пропагандѣ въ странѣ и неоднократно жестоко преслѣдовалъ Православіе. Послѣ паденія Стамболова онъ окружилъ себя заклятыми врагами Россіи. При помощи извѣстнаго палача—убійцы русскихъ героевъ—Петрова, онъ и теперь опирается исключительно на армію; внѣшняя же политика Болгаріи ведется такимъ заядлымъ австрофиломъ, какъ Начевичъ. Этихъ примѣровъ достаточно, чтобы понять, что съ паденіемъ стамболовщины чувства лже-князя къ Россіи, какъ и его внутренняя и внѣшняя политика ничуть не измѣнились.

Руссофобство никогда не имѣло и не будетъ имѣть почвы въ Болгарскомъ Народѣ, который навсегда останется преданнымъ и признательнымъ своей освободительницѣ. Австрофильская же политика, которую ведетъ Кобургъ съ болгарскою интеллигенціею, не можетъ быть прочною. Вотъ почему, признавъ Кобурга, Россія поступила бы нетолько во вредъ себѣ но и во вредъ Болгаріи, упрочивъ временно неестественную политику чужихъ Болгарскому Народу стихій Россія долго выжидала въ болгарскомъ вопросѣ; она ничего не потеряетъ, если подождетъ еще нѣсколько лѣтъ, пока болгаре сами не расправятся съ виновниками всѣхъ нынѣшнихъ своихъ бѣдствій. Правда, къ тому времени народъ будетъ окончательно раззоренъ; но лучше поздно и прочно чѣмъ быстро и опрометчиво или никогда. Герис-въ.

Селяне женили монаха.

Вука Врчевича.

(Съ сербскаго перевела Вѣра Глумова).

(По народному сказанію, случилось это въ половинѣ весемнадцатаго вѣка въ Герцеговинѣ).

Мы женить тебя, монахъ, рѣшили.—
Прощено мнѣ, коли вы велите.

Серб. народн. пословица [1]).

Старинная и извѣстная семья Зотовичей изъ Любомира, требинскаго округа, издавна была колыбелью, взрощавшей изъ поколѣнья въ поколѣнье отличныхъ монаховъ, священниковъ и даже, какъ извѣстно, двухъ владыкъ, которые пребывали въ древнемъ и нѣкогда въ знаменитомъ, а теперь опустѣломъ монастырѣ *Твердошъ* (отстоявшемъ на часъ пути отъ Требинья къ западу), въ епархію котораго входила вся Герцеговина.

У князя [2]) Милоша Зотовича родилось пять дочерей и ни одного сына. Человѣкъ разумный и богобоязненный, князь постоянно славилъ Бога и молился Ему день и ночь, а на монастыри и церкви подавалъ обильныя милостыни, не забывая и бѣдныхъ, въ надеждѣ, что Господь осчастливитъ его когда-нибудь рожденіемъ, хотя бы одного мальчика. И, наконецъ, Богъ даровалъ ему двухъ сыновей близнецовъ. Старая мать его Ешна принимала внуковъ, и чтобы дѣти остались живы, по старинному обычаю, прежде чѣмъ повить ихъ, вышла за ворота и закричала, что есть силы: „Слушайте, добрые люди! родила волчица двухъ волчатъ, всему свѣту на знаніе, а волчатамъ на здоровье!“ А

---

[1]) Народныя пословицы нерѣдко основаны на истинныхъ происшествіяхъ. А такъ какъ въ Черногоріи, Герцеговинѣ и Бокѣ Которской есть много семействъ «Калуджеровичей» (калуджеръ—монахъ) то, безъ сомнѣнія, и въ этихъ мѣстахъ случалось, но конечно, по необходимости, женить монаха.

[2]) Князь тутъ въ смыслѣ сельскаго старшины.

Милошъ у воротъ изъ ружья: даанъ!.. а потомъ изъ револьвера: таамъ!.. Выстрѣлы обрадовали всѣхъ по сосѣдству, и каждый отъ радости тоже выстрѣлилъ по разу, а едва разсвѣло, пришли къ родильницѣ женщины и дѣвочки съ масломъ и яйцами, съ водкой и гранатами, и дѣвушки запѣли обычную въ такихъ случаяхъ пѣсню:

Почему шумятъ, пируютъ въ господскомъ домѣ?
У Милоша сынъ родился; всѣ веселятся:
Рада мать его родная, веселы сестры,
А отецъ гостей встрѣчаетъ, чашу подноситъ.
На веселье и на радость пусть живетъ вашъ сынъ!

Первыя крестины мальчика, первое полное веселье въ домѣ у нашего Милоша. На крестины сыновей своихъ позвалъ онъ множество родни и пріятелей на пиръ и одному сыну далъ имя Димитрій, а другому Іованъ. Когда понесли дѣтей въ церковь, зачернили ихъ обоихъ сажей подъ правымъ ухомъ и на лбу между бровями, чтобы кто-нибудь не сглазилъ ихъ при крещеніи, а чтобы они остались живы, уговорили попа и кума подъ страшною клятвою, не разсказывать никому, что оба младенца мальчики и какъ ихъ имя, но что одинъ мальчикъ и зовутъ Живко, а другая—дѣвочка и зовутъ ее Іокна. Этими именами звали ихъ цѣлый годъ, и никто изъ сосѣдей, кромѣ домашнихъ, не зналъ, что оба мальчики и какъ ихъ настоящее имя.

Только-что исполнился годъ, передъ самымъ разсвѣтомъ вдругъ проснулся нашъ князь Милошъ и, не помня себя, сталъ будить свою жену: „Вставай, вставай, ради Бога! Иди поскорѣй въ монастырь Дужу, поклонись старому игумену Іоаникію, пусть онъ, какъ можно скорѣе, идетъ ко мнѣ и принесетъ съ собой молитвенникъ, епитрахиль и Святые Дары“.

Старая мать его Ешна сѣла на постели и спросила его въ изумленіи:

— „Что такое, сынокъ Мило, Господь съ тобою и ангелы Божьи“?

— „Не до разсказовъ теперь мнѣ, матушка, прежде чѣмъ встанетъ солнце и придетъ игуменъ Іоаникій; есть у меня, что ему сообщить“.

Говоря это, онъ одѣлся, умылся, зажегъ лампадку передъ иконой и сталъ молиться Богу: „Христе Боже, помилуй меня грѣшнаго! Господи помилуй—Господи помилуй! Да воскреснетъ Богъ и расточатся врази его; и заключилъ молитву восклицаніемъ: Помоги, Боже, грѣшнымъ рабамъ Твоимъ“!

Пошла за игуменомъ Милошева жена, а мать его Ешна встала, развела огонь, повѣсила въ котлѣ вариться обѣдъ и замѣсила хлѣбъ подъ саксіей [1]). А вотъ и старый игуменъ; онъ несетъ съ собою въ мѣшкѣ необходимыя церковныя принадлежности и, вступая на порогъ, возгласилъ:

— „Миръ и благословеніе дому сему“, и еще: „Христе Боже, помилуй и спаси насъ. Аминь!“

Всѣ домашніе вскочили на ноги, побѣжали къ дверямъ и съ величайшимъ благоговѣніемъ приступили ему къ рукѣ. Сѣли обѣдать, выпивъ передъ тѣмъ водки, а потомъ повелъ князь Милошъ игумена изъ комнаты на гумно, чтобы тамъ потолковать о видѣнномъ снѣ. Скинулъ князь шапку и сказалъ:

— „Благослови, духовный отецъ! и отпусти мнѣ многіе мои грѣхи“!

Игуменъ сотворилъ надъ головой его крестное знаменіе со словами:

— „Милостивый Богъ да проститъ тебя и благословитъ, духовное чадо мое Милошъ!“

Милошъ. „Прошлой ночью (заговорилъ онъ серьезно и сдвинувъ брови) приснилось мнѣ: будто всѣ селяне подняли кресты и иконы и пошли черезъ поле; попъ громко читалъ наизусть молитвы, а весь народъ повторялъ за нимъ двукратно: „Господи, помилуй!“ Такъ съ пѣніемъ литіи дошли мы до моего дома и здѣсь остановились; какъ вдругъ небо покрылось тучами и стало темно, какъ ночью, и дождь хлынулъ, какъ изъ ведра; всѣ побѣжали и спрятались отъ дождя у меня въ домѣ; нѣкоторые изъ народа дрожали отъ страха и тоски, а другіе пѣли молитвы. Но вотъ — словно по Божьему велѣнію — снова показалось солнце и черезъ одно отверстіе въ крышѣ упалъ яркій солнечный лучъ на сына моего Димитрія, а на другого—Іована пролилась кровь; когда народъ разступился, къ Димитрію прилетѣло откуда-то дитя съ крыльями, въ бѣлоснѣжныхъ одеждахъ, и повѣяло на него, говоря: „Благодать Божья съ тобою!“ Тутъ я отъ страха проснулся; объясни мнѣ, заклинаю тебя вѣчнымъ домомъ! Что означаетъ этотъ сонъ“?

Игуменъ (послѣ долгаго размышленія). „Мой Милошъ! Въ природѣ еще много такихъ тайнъ, которыя понятны только единому Богу, а человѣческому уму непостижимы. Но если ужь вѣрить снамъ, то сонъ твой означаетъ много, и насколько я могу понять, у него два значенія.

---

[1]) Саксія—родъ сковороды, которою покрываютъ сверху тѣсто, ставя его печься прямо на уголья очага.

Я бы посовѣтовалъ тебѣ нѣчто, но трудно будетъ тебѣ исполнить, и боюсь, что ты меня не послушаешь и навлечешь только тяжкій грѣхъ на меня и себя; а ты знаешь, духовный сынъ мой, не легко бороться съ Богомъ".

Милошъ. „Говори свободно, отецъ! Я знаю, что праведныя и святыя уста твои всегда изрекаютъ Божью волю, и всякій смертный, боящійся Бога, долженъ тебя слушать, хотя бы ему и не хотѣлось".

Игуменъ. „Если такъ, то знай, что сонъ твой означаетъ только то, что ты долженъ одного изъ твоихъ близнецовъ даровать Богу, и именно Димитрія. Когда мальчикъ подростетъ, пошли его ко мнѣ въ монастырь учиться, а со временемъ я постригу его въ монахи. У тебя остается—по милости Божьей — другой сынъ Іованъ, а если Богу угодно, какъ говорится, то и въ девяти сыновьяхъ честь и похвальба, а въ одномъ—опора и кормилецъ; а другаго ты отдай, чтобы онъ вспоминалъ о тебѣ въ вѣчной молитвѣ и уготовилъ душѣ твоей мѣсто на томъ свѣтѣ, въ царствѣ небесномъ. Теперь дѣлай, что хочешь, выбирай любое рѣшеніе, какъ судья".

Милошъ (подумавъ). „Спасибо, батюшка! Богъ даровалъ мнѣ двухъ сыновей и вотъ одного изъ нихъ, Димитрія, я посвящаю тебѣ, какъ ты мнѣ совѣтовалъ, и да будетъ онъ твой и Божій"!

Когда Димитрій подросъ, послалъ отецъ его въ монастырь учиться, а когда онъ достигъ двадцати двухъ лѣтъ, его постригли въ монахи подъ именемъ: «Діонисій». А Милошъ задумалъ женить Іована; высваталъ онъ ему невѣсту, уговорился о времени свадьбы, собралъ сватовъ [1]), и привезли къ нему невѣсту. Кто бы могъ описать радость отца Милоша, дождавшагося перваго и послѣдняго веселья своего сына? А къ тому же другой сынъ его, монахъ Діонисій, въ священномъ облаченіи и въ камилавкѣ будетъ вѣнчать своего брата. Но, какъ говорится: „гдѣ счастье, тутъ и горе,—а гдѣ радость, тамъ можетъ быть и печаль", такъ и случилось въ Милошевомъ домѣ. Произошло слѣдующее и такимъ образомъ:

Только что сваты подвели невѣсту къ церкви и послали двухъ муштулукджіевъ [2]) звать Іована къ вѣнцу, и когда отецъ и мать съ обычными благословеніями приготовили его къ обряду, юнаго, прекраснаго, обвѣшаннаго оружіемъ и одѣтаго въ лучшій вѣнчальный нарядъ, онъ на прощаніе привѣтствовалъ отца и родныхъ выстрѣломъ изъ

---

[1]) У сербовъ въ обычаѣ посылать за невѣстой со стороны жениха поѣзжанъ-сватовъ въ возможно большемъ числѣ, чуть ли не цѣлое село.

[2]) Муштулукджія—передовой, вѣстовой въ свадебномъ поѣздѣ.

ружья, а это самое сдѣлали и оба муштулукджіи. По несчастью, разрядился у одного изъ нихъ револьверъ за поясомъ, и пуля попала Іовану прямо въ сердце, и онъ упалъ у порога, едва успѣвъ

Простонать: Ахъ, мать моя родная!
А потомъ: Я кровь мою прощаю!
И еще: Прими ты, Боже, душу!

Плачъ и вопли надъ мертвымъ Іованомъ отца и матери, сестеръ и всѣхъ домашнихъ, а также и позванныхъ на пиръ гостей были услышаны въ церкви всѣми сватами. Когда поѣзжане узнали о случившемся, всѣ словно окаменѣли, а старый сватъ [1]), ударивъ рукой по колѣну, крѣпко задумался. Монахъ Діонисій снялъ съ себя рясу и епитрахиль и, безъ памяти, хотѣлъ бѣжать къ мертвому брату, но

Старый сватъ схватилъ его за руку, вопрошая: „Куда ты, Діонисій“?

Монахъ. „Какъ куда? Развѣ не убитъ братъ мой единственный“?!

Старый сватъ. „О, сваты, о, братья, заклинаю васъ несчастіемъ Милоша, а нашимъ неожиданнымъ горемъ и позоромъ! Не пустимъ его туда! (Всѣ, вскочивъ, не дали уйти Діонисію, а старый сватъ продолжалъ): Привели мы невѣсту: какъ быть теперь совѣсти нашей предъ Богомъ, а чести—предъ людьми, если такой молодой красавицѣ дадимъ вернуться одиноко домой къ отцу и матери, ни женой вѣнчанной, ни вдовой, жившей замужемъ; а главное, братцы, подумайте только, что сегодня навсегда угасъ родъ нашего князя Милоша. Пусть каждый, положа руку на сердце, постарается представить себѣ, что бы онъ чувствовалъ, если бы съ нимъ—чего не дай Богъ—случилось, что и съ Милошемъ. Но, послушайте, братья, лучше я возьму половину грѣха на свою душу, а вы всѣ другую половину (всѣ поѣзжане при этихъ словахъ съ удвоеннымъ вниманіемъ устремили на него глаза); давайте, обвѣнчаемъ монаха Діонисія съ несуженой невѣстой Іовановой. Не будетъ это противно и самому Господу Богу. Что вы, братья, на это скажете“?

Всѣ сваты единогласно: „Хорошо ты, старый сватъ, придумалъ, пусть Богъ услышитъ нашу общую молитву! Такъ этому и быть, а грѣхъ принимаемъ на себя“.

Монахъ. „Да въ своемъ ли вы умѣ, люди? Богъ съ вами и святой Іоаннъ! Кто можетъ осквернить священный ликъ? Кто можетъ ра-

---

[1]) Старый сватъ—главное лицо въ свадебномъ поѣздѣ, распорядитель.

стоптать священническій вѣнецъ, и кто смѣетъ коснуться моей бороды и камилавки, кромѣ одного владыки? Да и онъ, по церковнымъ правиламъ, не можетъ лишить меня священства безъ законнаго основанія. Оставьте меня, добрые люди, въ покоѣ; заклинаю васъ церковью, которой служу! не навлекайте на себя гнѣвъ Божій, а на меня позоръ и посмѣяніе, но лучше“....

Старый сватъ (прерываетъ его съ досадой): „Не знаемъ мы, Діонисій, что тамъ писано въ вашихъ книгахъ, но лучше намъ теперь въ такомъ горѣ и печали выбрать изъ двухъ золъ меньшее. Родъ отца твоего, такой знаменитый, прекратился сегодня по мужской линіи; чужая дѣвушка, порученная нашей чести, не можетъ жить невѣнчанная въ чужомъ домѣ, а еще хуже возвратиться ей къ родителямъ одной безъ сватовъ. На чемъ порѣшили мы, тому и быть, не противъ воли Божьей—не дай Господи!—но по безвыходной и тяжелой нуждѣ, а ты знаешь старинную пословицу: нужда и законъ отмѣняетъ; но снимай это монашеское облаченіе, а вы два деверя [1]), воевода и кумъ [2]), идите, принесите къ церкви мертваго Іована, и похоронимъ его здѣсь по Божьему закону въ монашеской одеждѣ, а монаха обвѣнчаемъ въ новомъ нарядѣ Іована. Такъ ли братья, сваты“?

Всѣ сваты. „Такъ, такъ, старый сватъ! Что когда-нибудь всѣмъ селомъ порѣшили, отъ того потомъ не отрекались“.

Пошли тѣ четверо сватовъ принести мертваго Іована, а другіе двое—звать попа на вѣнчаніе.

Монахъ. Знайте, ребята! Живого меня вы не обвѣнчаете, пока не будетъ мнѣ отъ владыки позволенья и благословенія, а когда“...

Старый сватъ (разсерженный). „Говори ты, или нѣтъ, намъ все равно; теперь мы для тебя и владыка, и патріархъ, мы тебя сегодня разстрижемъ, по Божьему закону, и обвѣнчаемъ, взявъ на себя отвѣтственность предъ Богомъ, судомъ и людьми; а послѣ сговаривайтесь между собою ты и владыка, какъ вамъ угодно. Что одинъ глупый сдѣлаетъ, того и сто владыкъ не поправятъ“.

Принесли Іована, оплакали его, похоронили въ монашескомъ облаченіи, а въ Іованово платье силою одѣли монаха. Привели цырульника, и пошла его бритва по рукамъ всѣхъ сватовъ, какъ бы дѣля между ними братскій грѣхъ, обрили они Діонисія, и сказалъ ему

Старый сватъ: „При крещеніи нарекли тебя Димитріемъ, а потомъ дали тебѣ имя Діонисій. Когда владыка давалъ тебѣ это имя,

---

[1]) Деверь—дружко.
[2]) Кумъ—посаженный отецъ.

онъ не спрашивалъ насъ, какъ тебя назвать; теперь же его нѣтъ съ нами, и мы возвращаемъ тебѣ прежнее имя «Димитрій». Такъ было суждено Богомъ".

Вотъ пришолъ и попъ. Отъ удивленія онъ чуть ли не сто разъ перекрестился, когда увидѣлъ Діонисія, одѣтаго въ новое платье, обритаго и готоваго къ вѣнцу; но какъ только селяне разсказали ему о случившемся и какъ по безвыходной нуждѣ приняли на себя весь грѣхъ, онъ облачился въ церкви и началъ вѣнчаніе.

Разсказываютъ, что когда попъ спросилъ у Димитрія:

— „Берешь ли ты, Димитрій, какъ законную жену свою, эту дѣвушку, Милицу, которая стоитъ возлѣ тебя"? на это отвѣтилъ ему *Димитрій*: „Беру, хотя и не по доброй волѣ; но будь всякое насилье проклято, а это благословенно Богомъ! но, батюшка, не теряй времени, поспѣшимъ утѣшить моихъ опечаленныхъ родителей".

Попъ. „А ты, дѣвица, идешь ли замужъ за юношу Димитрія, который стоитъ у тебя по правую руку"?

Милица. „Порядокъ мнѣ, батюшка, за него выйти; для этого привели меня сюда дружки со сватами не насильно, а по доброй моей волѣ; но поспѣши, ради Бога, пока не узналъ владыка, чтобъ не отнялъ онъ у меня и этого".

Послѣ вѣнчанія повели сваты обвѣнчанную дѣвицу съ пѣніемъ и, стрѣляя изъ ружей, а попъ и Димитрій еще раньше ихъ поспѣшили обрадовать веселою вѣстью отца и мать. Смѣнилось горе на радость, и со временемъ дождался нашъ князь Милошъ четверыхъ внуковъ, трехъ мальчиковъ и дѣвочку, и пока былъ живъ, посылалъ каждый годъ обильныя пожертвованія монастырю Дужѣ за душу покойнаго Іована, и за здравіе живыхъ.

ВОПРОСЫ ВНУТРЕННЕЙ ЖИЗНИ РОССІИ.

ПЕРЕСМОТРЪ СУДЕБНЫХЪ УСТАВОВЪ.

1.

О необходимости при пересмотрѣ руководящихъ началъ.

Предпринято у насъ великое народное и государственное дѣло,— пересмотръ судебныхъ уставовъ Александра II особымъ совѣщаніемъ при мин. юстиціи, окрещенномъ уже въ обществѣ по имени его предсѣдателя „Муравьевскою коммиссіей".

Любопытно, разумѣется, знать, съ чѣмъ, съ какими предложеніями, замѣчаніями, поправками, съ какою критикой, съ какимъ направленіемъ явились въ Муравьевскую коммиссію приглашенные туда ученые и практическіе наши юристы. Если задачи и цѣли коммиссіи такъ велики и всеобъемлющи, какъ объ этомъ по крайней мѣрѣ говорятъ, то надо ожидать и желать, что работа коммиссіи не ограничится рядомъ хотя бы и значительныхъ и многочисленныхъ практическихъ исправленій и дополненій судебныхъ уставовъ Александра II, по указаніямъ опыта, но будетъ предпринята попытка тѣсно, органически связать эти чужіе, перенесенные къ намъ изъ Западной Европы судебные уставы съ нашимъ обычнымъ правомъ, нормы судебныхъ уставовъ съ обрядами обычнаго судопроизводства, общія и мировыя судебныя учрежденія съ нашими волостными судами. Поэтому невольно являются вопросы, что мы сдѣлали для изслѣдованія и кодификаціи нашего обычнаго права и судопроизводства, примѣняемаго волостными судами, и представляетъ ли изъ себя наше обычное судопроизводство что-либо своеобразное, чуждое и несовмѣстное съ принципами судебныхъ уставовъ, или, напротивъ, его легко можно будетъ согласовать съ судебными уставами.

Нужно сознаться, что изученіе обычнаго права и судопроизводства у насъ и въ наукѣ и въ литературѣ стоитъ на послѣднемъ планѣ.

У насъ нѣтъ даже особой каѳедры обычнаго права. Оно у насъ относится болѣе къ области этнографіи, чѣмъ юриспруденціи. При географическомъ обществѣ есть даже спеціальная коммиссія для изученія обычнаго права. Коммиссія эта издала обширную и безтолково составленную программу для собиранія народныхъ юридическихъ обычаевъ, но дальше не пошла. У насъ нѣтъ ни одного сколько-нибудь цѣльнаго сравнительнаго изслѣдованія великорусскихъ, малорусскихъ и бѣлорусскихъ правовыхъ нормъ и обычаевъ. Изученіе обычнаго права живущихъ въ Россіи инородцевъ подвигается, понятно, еще медленнѣе и несовершеннѣе. Наиболѣе мы знаемъ объ юридическихъ обычаяхъ мусульманскихъ народцевъ, населяющихъ наши окраины, въ особенности татаръ, какъ самаго развитаго изъ такихъ народцевъ. Своеобразнѣйшіе юридическіе обычаи самыхъ значительныхъ сибирскихъ инородцевъ, бурятъ, якутовъ и тунгусовъ, остаются совсѣмъ не изслѣдованными и начинаютъ исчезать подъ напоромъ русскихъ законовъ и обычаевъ.

Въ 1869 году была отправлена цѣлая экспедиція для изученія обычнаго права, извѣстная подъ именемъ „коммиссіи по преобразованію волостныхъ судовъ“. Коммиссія эта объѣхала 15 губерній, знакомясь непосредственно съ волостными судами, записывая мнѣнія и отвѣты крестьянъ по вопросамъ права, рѣшенія волостныхъ судовъ, и издала VII большихъ томовъ своихъ трудовъ, которые являются главнымъ матерьяломъ для научной обработки русскаго обычнаго права. Два десятка лѣтъ прошло со времени изданія этихъ матерьяловъ (1873—1874 г.), и время это совпало съ расцвѣтомъ народническаго направленія въ нашей литературѣ. Надо было ожидать, что всѣ лучшія молодыя силы нашего общества изъ юристовъ съ увлеченіемъ возьмутся за подробное, по губерніямъ, изученіе трудовъ этой коммиссіи, и затѣмъ ихъ работы послужатъ основаніемъ къ общему изслѣдованію о началахъ и сущности русскаго обычнаго права и къ его кодификаціи. Къ сожалѣнію труды волостной коммиссіи не остановили на себѣ вниманія нашихъ молодыхъ юристовъ, вѣроятно показались имъ скучными, и подробно, по губерніямъ, до сихъ поръ остались не обработанными, за исключеніемъ двухъ губерній. Содержащійся въ трудахъ матерьялъ по гражданскому обычному праву положилъ основаніе извѣстному изслѣдованію сенатора Пахмана „Обычное гражд. право въ Россіи, 2 т.“ 1877—79 гг. Но богатыми матерьялами по уголовному праву, по судопроизводству и судоустройству русская наука до сихъ поръ почти не воспользовалась, и такъ дорого стоившіе труды лежатъ безъ пользы и начинаютъ забываться.

Что касается до обычныхъ формъ и обрядовъ судопроизводства, сравнительно съ судебными уставами, то на основаніи тѣхъ же упомя-

нутыхъ трудовъ волостной коммиссіи можно убѣдиться, что въ этомъ отношеніи у Великорусскаго народа, въ его обычаяхъ, не только нѣтъ ничего такого, что рѣзко бы противорѣчило началамъ судебныхъ уставовъ, но и вообще очень мало чего-нибудь такого, своеобразнаго, излюбленнаго и устойчиваго, чего бы нельзя никакъ было измѣнить или отмѣнить судебными уставами. Въ нѣкоторыхъ волостяхъ крестьяне прямо заявляли членамъ коммиссіи, что „слѣдовало бы составить для руководства судьямъ (волостнымъ) правила", разумѣя подъ ними, конечно, подробные законы волостнаго судопроизводства. Въ другихъ волостяхъ крестьяне заявляли коммиссіи, что съ 1864 года во всѣхъ дѣлахъ тяжебныхъ они стараются по возможности придерживаться писаннаго закона, который „яснѣй, чѣмъ обычай" (VI т. трудовъ коммиссіи по преобразов. вол. суд., стр. 492, 648 и др.).

Въ рѣчи предсѣдателя коммиссіи, по пересмотру судебныхъ уставовъ министра юстиціи Н. В. Муравьева, сказанной въ Петербургѣ при открытіи дѣйствій коммиссіи, ея членамъ и сотрудникамъ, съ величайшими подробностями и въ видѣ цѣльнаго и стройнаго плана сообщена г. Муравьевымъ своимъ сотрудникамъ программа ихъ будущихъ работъ и раздѣленіе коммиссіи на спеціальные отдѣлы или секціи для удобства и производительности работы. По ясности, логичности выводовъ, стройной системѣ и старательнѣйшей разработкѣ частностей эту рѣчь положительно нужно считать, какъ самую лучшую изъ всѣхъ рѣчей высокопоставленнаго предсѣдателя коммиссіи, когда-либо имъ произнесенныхъ. Она болѣе похожа на лекцію, чѣмъ на привѣтственную рѣчь, какою она была; но и въ ней не было упомянуто о направленіи, которымъ пойдетъ дѣятельность коммиссіи, и о началахъ, какія полагаются въ основаніе ея работъ. Будемъ надѣяться, что то будутъ великія начала, которые оберегутъ и не допустятъ Муравьевскую коммиссію до довольно таки обыкновенной и общей участи нашихъ многочисленныхъ и важныхъ по своимъ задачамъ государственныхъ коммиссій, напримѣръ Кахановской коммиссіи, или коммиссіи по составленію гражданскаго уложенія и др.

Дѣло въ томъ, что и до Муравьевской были у насъ коммиссіи, задававшіяся широкими задачами, имѣвшія всеобъемлющіе планы обновленія экономическаго, и всякого другого оживленія Россіи. Упомянутая выше коммиссія по составленію гражданскаго уложенія, какъ видно изъ свѣдѣній о ней, помѣщенныхъ въ № 6737 газ. „Нов. Время" и почерпнутыхъ изъ оффиціозныхъ источниковъ, за 12 лѣтъ своего существованія истратила на свое содержаніе 633,500 р. слишкомъ, проекта гражданскаго уложенія не составила и вообще не сдѣлала почти ничего.

Какъ нельзя болѣе очевидна необходимость обновленія состава этой коммиссіи, и только при этомъ условіи можно питать надежду на возрожденіе и пробужденіе ея къ жизни и движенію.

Такимъ образомъ, въ итогѣ всѣ эти коммиссіи отцвѣли, неуспѣвши расцвѣсть.

И все это лишь потому, что руководители ихъ не въ силахъ были положить въ основаніе ихъ работъ никакихъ высокихъ идей и руководящихъ началъ, которыя однѣ только и могутъ одушевить къ работѣ и сдѣлать ее плодотворною.

Въ той же рѣчи предсѣдатели коммиссіи по пересмотру суд. уставовъ, посвященной начертанію и обзору программы будущихъ трудовъ коммиссіи, упомянуто между прочимъ, что эта коммиссія займется и обсужденіемъ вопроса о соотвѣтственномъ вознагражденіи и обезпеченіи членовъ русскаго судебнаго сословія за труды и службу. При сей вѣрной оказіи, какъ говорили встарину, не худо напомнить, что наши народные волостные судьи не получаютъ никакого жалованья за свои не малые труды. Во всѣхъ губерніяхъ, гдѣ члены коммиссіи по преобразованію вол. судовъ спрашивали на этотъ счетъ крестьянъ, послѣдніе единодушно высказывали крайнюю необходимость назначить жалованье волостнымъ судьямъ. Въ особенности любопытно заявленіе крестьянъ одной волости Саратовской губ., сказавшихъ: „хорошо бы, если бы судьямъ (волостнымъ) жалованье давали, такъ какъ стоющимъ судьямъ обидно быть безъ жалованья; теперь обыкновенно попадаютъ въ судьи нестоющіе люди, такъ какъ сбиваютъ общество тѣмъ, что не требуютъ жалованья; *жалованье должно быть не менѣе 12 руб. въ годъ* (VI т. трудовъ, стр. 594, см. также стр.: 347, 355, 462, 426, 351, 359, 447, 635 того же тома). Какъ скромны требованія крестьянъ для своихъ судей: 12 руб. въ годъ! т.-е. меньше даже мѣсячнаго жалованья простыхъ сторожей министерства юстиціи, не говоря уже о курьерахъ...

Поэтому, кажется, не безполезно было бы, увеличивая оклады правительственныхъ судей, подумать о вознагражденіи за труды народныхъ волостныхъ судей, хотя бы сначала въ томъ безпримѣрно ничтожномъ размѣрѣ, какой предлагаютъ сами крестьяне, съ освобожденіемъ при этомъ волостныхъ судей отъ всякихъ казенныхъ податей, пока они состоятъ судьями.

2.

Рѣчи сенатора Кони въ Муравьевской коммиссіи о судѣ присяжныхъ и о судѣ съ сословными представителями.

Украшеніемъ февральской книжки „Журнала Министерства Юстиціи“, сдѣлавшагося при новомъ министрѣ юстиціи живымъ общественнымъ органомъ, въ противуположность мертворожденному журналу здѣшняго юридическаго общества,—несомнѣнно служатъ помѣщенныя тамъ двѣ рѣчи, вступительная и заключительная, А. Ѳ. Кони, произнесенныя имъ въ муравьевской коммиссіи, въ качествѣ руководителя совѣщанія старшихъ предсѣдателей и прокуроровъ судебныхъ палатъ 29—31 декабря 1894 г., о судѣ присяжныхъ и о судѣ съ сословными представителями.

Прежде всего нельзя не порадоваться, что г. министръ юстиціи такъ удачно умѣлъ найдти въ чьи руки, въ чьи честныя и умѣлыя руки отдать судьбу самаго дорогого института нашихъ судебныхъ учрежденій, суда присяжныхъ. Изъ каждой фразы г. Кони видно, какъ онъ бережно, съ какимъ вниманіемъ и съ какой любовью относится къ суду присяжныхъ, обращается съ нимъ съ такой почтительной осторожностью, какъ боязно носятъ люди и тщательно перекладываютъ крупный, безцѣнный жемчугъ. Съ первыхъ страницъ его рѣчей убѣждаешься и становишься совершенно спокойнымъ за участь такого перла юстиціи, какъ судъ народа, судъ присяжныхъ.

Сенаторъ Кони предложилъ такимъ свѣдущимъ и многоопытнымъ людямъ, какъ предсѣдатели и прокуроры судебныхъ палатъ, отвѣтить и высказаться по слѣдующимъ вопросамъ:

Благонадеженъ-ли въ нравственномъ отношеніи нынѣшній составъ присяжныхъ засѣдателей, не слѣдуетъ ли его улучшить привлеченіемъ новыхъ лицъ, исключеніемъ изъ списковъ лицъ мало или совсѣмъ не пригодныхъ творить судъ, строгимъ преслѣдованіемъ чиновниковъ, уклоняющихся отъ обязанностей присяжныхъ подъ предлогомъ командировокъ, и не слѣдуетъ-ли разрѣшить выдачу присяжнымъ небольшихъ пособій на содержаніе себя во время судебныхъ засѣданій? Не слѣдуетъ ли расширить, или наоборотъ сократить кругъ дѣлъ, разрѣшаемыхъ теперь присяжными засѣдателями? Какія слѣдуетъ ввести измѣненія въ самомъ

производствѣ дѣлъ съ присяжными, напримѣръ, хорошо ли скрывать отъ нихъ наказаніе, ожидающее подсудимаго; не слѣдуетъ ли давать присяжнымъ съ собою въ ихъ комнату всѣ акты изъ дѣла и вещественныя доказательства, какіе они пожелаютъ имѣть; нельзя ли отпускать присяжныхъ домой ночевать во время большихъ судбищъ; не слѣдуетъ ли допустить, при постановкѣ вопросовъ присяжнымъ, больше простоты, широты и свободы въ ихъ изложеніи; не должно-ли напутствіе предсѣдателя предшествовать вопросамъ, дабы они являлись какъ бы его логическимъ послѣдствіемъ. Не слѣдуетъ ли сократить числа присяжныхъ и не требовать ли отъ нихъ, какъ въ Англіи, единогласнаго рѣшенія, или, какъ въ Германіи, рѣшенія по большинству двухъ третей голосовъ; не установить ли для нихъ открытую подачу голосовъ, которой горячо требовалъ для присяжныхъ знаменитый филосовъ Миттермайеръ; не слѣдуетъ ли предоставить окружному суду, единогласно признавшему, что рѣшеніемъ присяжныхъ оправданъ безусловно виновный,—право передавать такое дѣло на разсмотрѣніе новаго состава присяжныхъ; на сколько возможна и удобна продолжительность засѣданій съ присяжными, и нельзя ли выбирать и у насъ, какъ въ Германіи, одинъ составъ присяжныхъ для разрѣшенія нѣсколькихъ дѣлъ,—всѣхъ дѣлъ, назначенныхъ на извѣстный день; наконецъ, справедливы ли ходячіе теперь упреки суду присяжныхъ въ наклонности къ слабой уголовной репрессіи, т. е., говоря по русски,—въ излишней мягкости и снисходительности приговоровъ и въ потачкѣ преступнымъ людямъ несправедливыми оправдательными приговорами при очевидной наличности тяжкихъ преступленій. Другой вопросъ, занимавшій совѣщаніе, былъ вопросъ о достоинствахъ и недостаткахъ существующихъ нынѣ и играющихъ большую роль присутствій судебныхъ палатъ съ участіемъ сословныхъ представителей для разбора преступленій государственныхъ, противъ порядка управленія, дѣлъ объ убійствѣ чиновниковъ и др. дѣлъ, перечисленныхъ въ 201 ст. уст. угол. судопроизводства.

Ясное, живое и простое изложеніе г-мъ Кони всѣхъ этихъ вопросовъ совѣщанію сопровождалось краткими, но важнѣйшими и любопытными ссылками на западно-европейскія законодательства и порядки, на исторію и на статистическія свѣдѣнія, которыхъ здѣсь я не привожу только потому, что боюсь очень растянуть статью.

Какъ же отвѣтило совѣщаніе самыхъ опытныхъ и знающихъ людей въ Россіи—на эти вопросы, столь животрепещущіе именно теперь, когда, послѣ несчастнаго дѣла представителей современной нашей молодежи гг. Палемъ и Довнаръ, даже А. С. Суворинъ выступилъ въ своей га-

зетѣ противъ суда присяжныхъ, предлагая замѣнить его какою-то странною коммиссіей, отъ которой онъ, какъ человѣкъ искренній, вѣроятно со временемъ откажется, и самъ признаетъ свой проектъ ничего не стоющимъ.

Отвѣты совѣщанія собраны и прекрасно, сильно, ярко и выразительно изложены тѣмъ же г-мъ Кони во второй его рѣчи. Вотъ что сказало совѣщаніе: современный русскій *„судъ присяжныхъ засѣдателей не только является вполнѣ удовлетворяющимъ своей цѣли, но и вообще представляетъ собою самую лучшую форму суда, какую только можно себѣ представить*, особливо въ тѣхъ случаяхъ, когда тяжкое обвиненіе связано съ тонкими уликами, требующими житейской вдумчивости".

Послѣ этихъ, приведенныхъ здѣсь буквально, высоко-авторитетныхъ, благородныхъ словъ, да будетъ стыдно всѣмъ искреннимъ противникамъ ненавистнаго имъ суда присяжныхъ, и да возьмутъ они назадъ всѣ свои нареканія на этотъ судъ. Далѣе заявили предсѣдатели и прокуроры, что ходячее обвиненіе присяжныхъ засѣдателей въ наклонности къ несправедливымъ оправдательнымъ приговорамъ совершенно неосновательно, что—напротивъ, наши коронные суды, безъ присяжныхъ, болѣе наклонны къ оправдательнымъ приговорамъ и менѣе устойчивы, нежели судъ присяжныхъ; что нашъ судъ присяжныхъ есть „судъ жизненный, имѣющій облагораживающее вліяніе на народную нравственность, служащій проводникомъ народнаго правосознанія"; что „простой русскій человѣкъ, поставляющій наибольшее число присяжныхъ, вноситъ въ свою дѣятельность глубокое религіозное чувство; оно не рѣдко проявляется и въ оправдательныхъ приговорахъ; такъ, однажды присяжные оправдали подсудимыхъ, послѣднее слово которыхъ и мольбы ихъ о прощеніи совпали съ благовѣстомъ ко всенощной подъ Благовѣщенье"; что „проявленіе глубокаго христіанскаго чувства въ присяжныхъ есть такое нравственное благо, которое вполнѣ искупаетъ во всякомъ случаѣ небольшое, число оправдательныхъ приговоровъ, подсказанныхъ этимъ чувствомъ"; что „русскій присяжный засѣдатель, особливо изъ крестьянъ, относящійся къ своему дѣлу, какъ къ дѣлу служенія совѣсти, кладущій, по замѣчанію В. А. Аристова, призывную повѣстку *за образа*,—честно и стойко вынесъ и выноситъ тотъ опытъ, которому подвергъ его законодатель"; что между присяжными часто встрѣчаются почти неграмотныя лица, „но здравый смыслъ ихъ, способность пониманія и врожденное чувство законности дѣлаютъ ихъ присутствіе въ составѣ присяжныхъ чрезвычайно цѣннымъ для правильнаго отправленія правосудія".

Вотъ какъ высшіе представители правосудія въ Россіи, государственные сановники, люди старые и опытные оцѣнили нравственныя достоинства, разумъ и способности простого русскаго человѣка въ высокой области правосудія, призывая своимъ авторитетомъ и все русское общество къ тому же, что завѣщалъ намъ и любимый народный поэтъ:

Благослови же работу народную
И научись мужика уважать!

Въ тоже время совѣщаніе признало, что „улучшеніе состава присяжныхъ засѣдателей было бы существеннымъ образомъ достигнуто *исключеніемъ* изъ ихъ числа мелкихъ канцелярскихъ *чиновниковъ*, представляющихъ ненадежный нравственно, неразвитой и въ тоже время тенденціозный элементъ въ составѣ присяжныхъ“ (стр. 52—53), а также исключеніемъ мелкихъ торговцовъ, въ особенности же всѣхъ кабатчиковъ. Бѣдные столоначальники и ихъ помощники нашихъ министерствъ и канцелярій! Какъ жестоко атестовали ихъ „неразвитыми и нравственно ненадежными“ прокуроры и предсѣдатели судебныхъ палатъ.

Затѣмъ совѣщаніе признало, что необходимо привлечь къ участію въ качествѣ присяжныхъ засѣдателей чиновниковъ IV и III-го классовъ, строго преслѣдовать за уклоненіе отъ этой повинности, въ особенности же не довѣрять обыкновенно лживымъ и фиктивнымъ медицинскимъ свидѣтельствамъ, представляемымъ уклоняющимися присяжными; что крайне необходимо обезпечить матеріально крестьянъ-присяжныхъ во время сессій, при чемъ были приведены случаи, что иногда крестьяне-присяжные, во время сессій, побуждаемые голодомъ просили милостыню; что разрѣшеніе отпусковъ присяжныхъ во время большихъ дѣлъ домой должно предоставить усмотрѣнію предсѣдателя суда; что необходимо ограничить продолжительность засѣданій съ присяжными и навсегда освободить крестьянъ, избранныхъ въ присяжные, отъ тѣлесныхъ наказаній; что нѣтъ никакихъ основаній къ дальнѣйшему сокращенію подсудности суду присяжныхъ засѣдателей; что нужно предоставить сторонамъ и предсѣдателю право говорить присяжнымъ о наказаніи, ожидающемъ подсудимаго; что не слѣдуетъ давать документы въ комнату присяжныхъ, во избѣжаніе лжетолкованій; что постановка вопросовъ присяжнымъ не нуждается въ измѣненіи, а лишь въ упрощеніи, и наконецъ, что окружному суду ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ предоставлять права, въ случаѣ хотя бы и явно несправедливаго, по мнѣнію суда, оправдательнаго приговора присяжныхъ, передавать дѣло на обсужденіе новаго состава присяжныхъ, потому что „въ этомъ случаѣ судъ присяжныхъ обратился бы въ простое орудіе суда коронnаго“.

Что же касается до современнаго суда съ участіемъ сословныхъ представителей, то совѣщаніе нашло, что сословные представители не вносятъ въ дѣло самостоятельныхъ сужденій и взглядовъ, всемѣрно уклоняются отъ исполненія своихъ судейскихъ обязаностей, а во время ихъ исполненія характризуются по сословіямъ такъ: дворяне справляются о томъ, какое самое малое наказаніе за судимое преступленіе и съ размѣромъ его сообразуютъ свой выводъ о виновности; представители города спрашиваютъ предсѣдателя, нельзя ли оправдать подсудимаго; волостные старшины въ свою очередь, на вопросъ объ ихъ мнѣніи, обращаются къ предсѣдателю съ вопросомъ: „какъ прикажете?“ По-этому, въ сущности дѣло рѣшаютъ коронные судьи. Сверхъ того участіе сословныхъ представителей обходится такъ дорого, что напримѣръ по одному дѣлу въ Московскомъ округѣ судебныя издержки достигли 6000 руб.

Наконецъ прокуроры безприсяжныхъ округовъ заявили, — Варшавскій, что лавники гминныхъ судовъ оказываются довольно несостоятельными для судейской дѣятельности и что введеніе суда присяжныхъ въ царствѣ Польскомъ очень желательно, и — Тифлисскій, что на Сѣверномъ Кавказѣ также можно съ пользой для дѣла ввести судъ присяжныхъ съ нѣкоторыми лишь условіями, въ виду примѣси къ русскому значительнаго инородческаго элемента.

Таковы итоги трехдневнаго всего совѣщанія предсѣдателей и прокуроровъ судебныхъ палатъ. Послѣ этого совѣщанія, вопросы о судѣ присяжныхъ и о судѣ съ сословными представителями должно считать вполнѣ исчерпанными, разрѣшенными; все равно вѣдь лучше, умнѣе, компетентнѣе и безпристрастнѣе совѣщанія никто въ Россіи и ничего по этимъ вопросамъ сказать не можетъ.

Влад. Птицынъ.

Новыя льготы для владѣльцевъ процентныхъ бумагъ.

Министерство Финансовъ, озабочиваясь, повидимому, «дальнѣйшимъ укрѣпленіемъ нашего кредита», выработало новыя правила «уплаты капитала и процентовъ по русскимъ государственнымъ процентнымъ бумагамъ на предъявителя, заявленнымъ уничтоженными, похищенными или потерянными». Правилами этими, получившими нынѣ силу закона, предоставлены новыя существенныя льготы держателямъ русскихъ бумагъ, не вытекающія изъ условій ихъ выпуска. Льготы заключаются — во 1-хъ) въ удлиненіи сроковъ платежной давности купоновъ и тиражныхъ листовъ цѣлаго ряда займовъ, и во 2-хъ) въ предоставленіи владѣльцамъ бумагъ права, при соблюденіи извѣстныхъ условій, возстановлять свои права на капиталъ и проценты утраченныхъ ими бумагъ. До 1891 г. въ условіяхъ выпуска займовъ не упоминалось о срокѣ давности, а потому къ процентнымъ бумагамъ примѣнялся общій установленный гражданскими законами десятилѣтній срокъ. Начиная съ 1891 г. правительство устанавливаетъ для капитала бумагъ болѣе продолжительный срокъ давности—30-ти-лѣтній [1]), слѣдуя примѣру французскаго законодательства. Получившееся вслѣдствіе этого различіе въ срокахъ платежной давности приводило иногда на практикѣ къ недоразумѣніямъ; оказалась необходимость въ установленіи единообразнаго порядка примѣненія давности ко всѣмъ государственнымъ процентнымъ бумагамъ. Послѣдняя цѣль хотя достигается новыми правилами, но при этомъ права держателей облигацій значительно расширены, такъ какъ платежные сроки для купоновъ увеличены съ 5 лѣтъ до 10, а для тиражныхъ листовъ до 30 лѣтъ.

Еще большей льготой для держателей русскихъ бумагъ является возможность возстановлять въ порядкѣ, объявленномъ въ указѣ 27-го января с. г., права на капиталъ и проценты утраченныхъ, похищенныхъ или уничтоженныхъ бумагъ. Утративній государственную процентную бумагу на предъявителя долженъ заявить о своей потерѣ Государственной Коммиссіи погашенія долговъ; въ заявленіи означается: а) имя, фамилія, званіе и мѣсто жительства лица, дѣлающаго заявленіе; б) наименованіе займа къ коему принадлежитъ утраченная бумага, ея нарицательная цѣна и №; в) время ея пріобрѣтенія съ надлежащими доказательствами сего пріобрѣтенія и время утраты, и г) обстоятельства, при которыхъ совершилась утрата. «Уплата капитала по назначеннымъ къ выкупу и объявленнымъ утраченными облигаціямъ будетъ допущена черезъ 30 лѣтъ

---

[1]) Для купоновъ—пятилѣтній.

послѣ наступленія срока, если, конечно, въ теченіе этого времени никто не представитъ подлинной объявленной утраченною бумаги, или немедленно послѣ сего срока при взносѣ на 30 лѣтъ залога въ государственныхъ бумагахъ, пользованіе процентами по коему предоставляется заявителю. Что касается процентовъ, то стоимость купоновъ, заключающихся въ утраченномъ купонномъ листѣ, не можетъ быть возмѣщаема, ибо весьма трудно провѣрить, были ли предъявлены къ оплатѣ подлинные объявленные утраченными купоны. Но при общемъ возобновленіи купонныхъ листовъ, владѣльцу облигаціи можетъ быть выдаваемъ новый купонный листъ при взносѣ залога, или же проценты могутъ быть выдаваемы по истеченіи срока платежной давности, если въ теченіе онаго никто не явится за полученіемъ купоннаго листа».

Все это очень благородно, и лишній разъ доказываетъ міру, что трудно найти болѣе честнаго должника, чѣмъ русское государство. Мы думаемъ даже, что и днемъ съ огнемъ не сыскать такихъ должниковъ, которые предоставляли бы своимъ кредиторамъ *льготы, не вытекающія* изъ условій ихъ сдѣлокъ. Блаженны наши кредиторы, ибо капиталы ихъ въ самыхъ надежныхъ рукахъ, проценты бо̀льшіе они могли бы получать развѣ отъ антиподовъ (рискуя, конечно, своими капиталами) и ко всему тому еще «не вытекающія» льготы!

Досадно, однако, что эти лишнія доказательства нашей честности обходятся намъ не даромъ. До послѣдняго времени Министерство Финансовъ, основываясь на разъясненіи Сената, руководилось Высочайше утвержденнымъ 17 мая 1865 г. мнѣніемъ Государственнаго Совѣта относительно безымянныхъ 5% билетовъ Государственнаго Банка, которымъ объявленія объ утратѣ безымянныхъ билетовъ не допускалось вовсе. Противъ этого порядка едва ли можно было что-нибудь имѣть. Обращеніе бумагъ на предъявителя находится въ такомъ же положеніи, какъ и обращеніе денежныхъ знаковъ. Бумага на предъявителя имѣетъ также мало признаковъ, отличающихъ ее отъ другихъ такихъ же бумагъ, также легко переходитъ изъ рукъ въ руки, какъ и кредитный билетъ. Если бумажные денежные знаки могутъ затеряться, сгорѣть, изорваться, то почему же этого не должно случаться съ бумагами на предъявителя? Мало того, денежный знакъ можетъ потерять всякую цѣнность, даже сохранившись матеріально. Это извѣстно всѣмъ, кто имѣлъ неосторожность не обмѣнять во время билеты старыхъ образцовъ. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ мы получили отъ одной бѣдной старушки изъ провинціи 5-ти рублевый билетъ стараго образца съ просьбой обмѣнить его на новый въ Государственномъ Банкѣ. Намъ отказали, и мы помирились тогда съ этимъ отказомъ, разсуждая, что государство, оперирующее сотнями милліоновъ билетовъ, не можетъ брать на себя заботу о каждомъ изъ нихъ въ отдѣльности. Теперь же намъ кажется, что болѣе справедливо было бы удовлетворить нашу старушку и тысячи ей подобныхъ, чѣмъ надѣлять такими исключительными льготами владѣльцевъ крупныхъ процентныхъ бумагъ.

* * *

СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЕ ДѢЛО ВЪ РОССІИ.

Приступая къ нашему ежемѣсячному обзору, считаемъ нужнымъ еще разъ оговориться. Задача наша въ высшей степени скромная. Мы выходимъ въ поле на закатѣ солнца, когда жатва уже кончилась, жнецы весело разбрелись по домамъ, а оставшееся на нивѣ не подобраннымъ предоставлено птичкамъ полевымъ, да тѣмъ бѣднякамъ, у которыхъ нѣтъ собственнаго поля... Пусть-же благосклонный читатель не ищетъ въ дальнѣйшихъ строкахъ широкихъ проектовъ, громкихъ застольныхъ рѣчей, великолѣпныхъ обѣщаній, превосходныхъ академическихъ построеній, блистательной во всѣхъ отношеніяхъ дѣятельности, совершающейся къ сожалѣнію въ недосягаемой выси романтизма тысячи и одной ночи. Нѣтъ, въ нашу нищенскую суму мы будемъ собирать лишь крохотныя, никому ненужныя, умышленно забытыя зернышки—чего?—*фактовъ, положительныхъ* явленій, дѣйствительнаго дѣла.

Агрикольная метафизика намъ претитъ, сказали мы прошлый разъ, и намъ не подъ силу тягаться съ сельскохозяйственными цицеронами. Слово—серебро, молчаніе—золото, а *дѣло*, какъ бы ни было скромно это дѣло,—вотъ та евангельская жемчужина, найдя которую, невозможно не возрадоваться въ нашъ вѣкъ такъ утомительнаго и такъ бездѣльнаго празднословія.

* * *

«Съ самаго начала своего существованія и по настоящій день Черниговское сельско-хозяйственное общество, пишетъ корреспондентъ «Кіевлянина», влачило жалкое существованіе, ничѣмъ почти не проявляя своей активной дѣятельности. Мѣстные хозяева, по отношенію къ этому обществу, обнаруживали самое удивительное равнодушіе, такъ что предсѣдателю его никогда не удавалось устроить даже общее собраніе членовъ, такъ какъ на его приглашенія никто не отзывался. Теперь, повидимому, и у насъ въ этомъ отношеніи приходится засвидѣтельствовать фактъ нѣкотораго пробужденія, являющагося результатомъ *земской инициативы*. Пробужденіе это выражается въ слѣдующемъ. При мертворожденномъ Черниговскомъ сельско-хозяйственномъ обществѣ существовало «бюро», занимавшееся сбытомъ сѣмянъ и машинъ въ крайне ограниченныхъ раз-

мѣрахъ и при томъ, главнымъ образомъ, на 500 р., данные ему взаймы мѣстнымъ уѣзднымъ земствомъ. По отчету «бюро» за 1893 годъ, общій оборотъ его выражался въ суммѣ 3,394 р., при чемъ дѣятельность бюро была совершенно случайна. Въ настоящее время сельско-хозяйственное общество рѣшило ликвидировать свое «бюро» и передать его со всѣмъ багажемъ и оружіемъ уѣздному Черниговскому земству, которое, съ своей стороны, выразило полную готовность на такого рода операцію. Въ данный моментъ заканчиваются всѣ подготовительныя работы по такого рода передачѣ, и на дняхъ она будетъ совершившимся фактомъ. Для расширенія операцій бюро и постановки его на прочную почву, Черниговское уѣздное земство постановило ассигновать на нынѣшній годъ 1,000 р., самое же завѣдываніе дѣлами бюро передано агроному г. Кондакову, человѣку знающему и энергичному. Въ качествѣ земскаго органа, бюро будетъ заботиться, главнымъ образомъ, о распространеніи среди мелкихъ сельскихъ хозяевъ улучшенныхъ и дешевыхъ земледѣльческихъ орудій, а также сѣмянъ тѣхъ растеній, культура которыхъ, по условіямъ рынка, должна быть признаваема наиболѣе желательной. При собственномъ оборотномъ капиталѣ и притомъ совершенно не преслѣдуя какихъ-бы то ни было цѣлей барышническаго свойства, бюро легко можетъ развить значительную дѣятельность на пользу мѣстнаго хозяйственнаго міра, по образцу такихъ-же учрежденій, существующихъ уже и превосходно дѣйствующихъ при нѣкоторыхъ уѣздныхъ земствахъ сосѣдней съ нами Полтавской губ. Кромѣ Черниговскаго уѣзднаго земства, на путь сельскохозяйственной дѣятельности выступило и земство Борзенское. Въ прошедшемъ году оно накупило въ Вилейскомъ заводѣ косъ и весьма успѣшно распродало ихъ мѣстному крестьянскому населенію. Въ нынѣшнемъ году, руководствуясь этимъ успѣшнымъ примѣромъ, оно намѣрено расширить свою сельско-хозяйственную дѣятельность покупкою и другихъ орудій, необходимыхъ въ земледѣльческомъ обиходѣ».

* * *

Въ текущемъ году въ Орловской губерніи Императорскимъ вольнымъ экономическимъ обществомъ устраивается конкурсъ жатвенныхъ машинъ, на что ассигновано 200 руб. изъ суммъ II отдѣленія. Лучшія представленныя на конкурсъ машины будутъ премированы малою золотою, большою и малыми серебряными и бронзовыми медалями.

* * *

Императорское московское общество сельскаго хозяйства имѣло 22-го января годичное собраніе, въ которомъ прочитанъ отчетъ за минувшій годъ. Въ 14-ти засѣданіяхъ въ минувшемъ отчетномъ году сдѣлано 17 сообщеній, изъ которыхъ одно награждено серебряною медалью. Число членовъ общества возрасло до 652. На задуманное обществомъ изслѣдованіе нѣкоторыхъ губерній въ сельско-хозяйственномъ отношеніи въ настоящее время поступило нѣсколько крупныхъ пожертвованій, между прочимъ, и отъ земствъ. Вмѣстѣ съ подъемомъ дѣятель-

ности московскаго общества начинаетъ оживляться дѣятельность и нѣкоторыхъ провинціальныхъ отдѣловъ его, между прочимъ, кирсановскаго и уфимскаго. Учрежденія общества увеличиваются еще однимъ—комитетомъ овцеводства, первое собраніе котораго состоится надняхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, общество возбуждаетъ ходатайство объ открытіи отдѣленія въ гор. Данилові. Отдѣлъ шелководства занимается опытами по выкормкѣ червей сурогатами шелковичнаго дерева, а также содержитъ школу, для изученія размотки шелка, и служитъ посредникомъ по сбыту коконовъ. Въ земледѣльческой школѣ общества окончило курсъ, по словамъ московскихъ газетъ, 15 человѣкъ изъ 230; ученикамъ, за искусство косьбы и паханія, рѣшено выдавать особые жетоны. Содержаніе школы обошлось въ прошломъ году въ 79,000 руб. На бутырскомъ хуторѣ, между прочимъ, производится замѣна иностраннаго скота русскимъ. Капиталъ общества достигаетъ 130,116 рублей.

* * *

28-го января состоялось первое засѣданіе комитета овцеводства, учрежденнаго при томъ-же обществѣ сельскаго хозяйства. На засѣданіи произведены выборы должностныхъ лицъ. Комитетъ имѣетъ цѣлью «содѣйствовать развитію и усовершенствованію отечественнаго овцеводства и шерстяной промышленности и поддержать овцеводство и шерстяную промышленность Россіи, какъ установленіемъ общности направленія и дѣйствія между ними, такъ и выясненіемъ общихъ ихъ нуждъ и интересовъ». На разсмотрѣніе комитета будутъ поступать также всѣ возникающіе по предмету его занятій въ самомъ обществѣ вопросы. Въ частности, комитетъ, по мѣрѣ средствъ своихъ и сообразуясь въ каждомъ данномъ случаѣ съ потребностями мѣста и времени, будетъ: а) принимать участіе въ образованіи практически опытныхъ по овцеводству лицъ; б) заботиться объ улучшеніи породъ овецъ; в) содѣйствовать устройству разсадниковъ той или другой породы овецъ; г) устраивать выставки овецъ и аукціонныя продажи ихъ; д) выдавать награды и преміи, какъ денежныя, такъ и другія, за заслуги въ дѣлѣ овцеводства; е) принимать на себя посредничество по пріобрѣтенію и продажѣ какъ животныхъ, такъ и всѣхъ вообще продуктовъ овцеводства. Комитетъ имѣетъ право открывать въ различныхъ мѣстностяхъ имперіи свои отдѣлы. Въ составъ комитета могутъ входить: члены московскаго общества сельскаго хозяйства, изъявившіе на это желаніе, а также представители сельско-хозяйственной науки, овцеводы, фабриканты и торговцы шерстью. Кромѣ очередныхъ засѣданій въ Москвѣ, комитетъ будетъ ежегодно устраивать по одному засѣданію въ главныхъ центрахъ русской шерстяной торговли: Харьковѣ, Ростовѣ и Тамбовѣ.

* * *

Дѣятельность склада сельско-хозяйственныхъ машинъ и орудій полтавской уѣздной земской управы за истекшій 1894 годъ выражается слѣдующими цифровыми данными: куплено управою разныхъ сельско-хозяй-

ственныхъ орудій на 32,773 руб. 29 коп., продано на 30,850 руб. 77 коп.; по сравненію съ 1893 годомъ—меньше на 10,000 рублей. Главною заботою полтавской уѣздной земской управы является снабженіе населенія уѣзда сельско-хозяйственными машинами и орудіями, наиболѣе усовершенствованными и вполнѣ пригодными для мѣстныхъ почвенныхъ условій. Кромѣ того, управа всегда отпускала крестьянамъ сельско-хозяйственныя орудія въ кредитъ. Главными предметами покупки изъ склада управы въ истекшемъ году являлись: плуги системы Сакка и такъ называемые «колонистскіе плуги», затѣмъ, жатки, 2-хъ и 4-хъ-конныя молотилки, рядовыя сѣялки и косы.

* *
*

Скотоводство въ Гродненской губерніи развито довольно слабо, что объясняется недостаткомъ пастбищъ и сѣнокосовъ. Тѣмъ не менѣе, въ 1893 году замѣчалось нѣкоторое увеличеніе общаго числа головъ скота въ губерніи, достигшаго къ концу года 1.721,457,—на 45,136 головъ болѣе противъ 1892 года. Въ отдѣльности насчитывалось: рогатаго скота — 502,626, лошадей — 180,859, овецъ — 662,655, свиней—371,875, козъ—3,413,ословъ и муловъ—29. На улучшеніе коневодства оказали большое вліяніе выставки крестьянскихъ лошадей, устраиваемыя ежегодно въ нѣкоторыхъ мѣстахъ губерніи. Въ 1893 году такія выставки были устроены: въ Гроднѣ, Кобринѣ и въ мѣст. Озерницѣ, Слонимскаго уѣзда. Конскихъ заводовъ насчитывалось 11, съ 181 лошадью.

О закупкѣ лошадей для государственныхъ конскихъ учрежденій.

Въ виду переживаемыхъ нами селькохозяйственныхъ затрудненій всѣ мѣры, такъ или иначе затрогивающія положеніе сельскаго хозяйства, заслуживаютъ общественнаго вниманія. Съ одной изъ такихъ мѣръ мы встрѣчаемся въ недавно разрѣшенномъ кредитѣ на 1895 г. въ 300 т. руб. на пріобрѣтеніе лошадей для заводскихъ конюшенъ, находящихся въ вѣдомствѣ Главнаго Управленія Государственнаго коннозаводства. Въ видѣ временной мѣры такой же кредитъ былъ отпущенъ и въ 1894 г. (противъ отпускавшихся прежде 100 т.), теперь же повидимому она становится болѣе или менѣе постояннымъ расходомъ Гос. Казначейства. Какъ извѣстно, наши госуд. конскія учрежденія вообще имѣютъ своей цѣлью улучшать породу мѣстныхъ лошадей, какъ рабочихъ, такъ и выѣздныхъ

и верховыхъ, необходимыхъ для укомплектованія кавалеріи и артиллеріи. Но всѣ эти цѣли и особенно первая, къ сожалѣнію, достигались лишь отчасти: приведемъ здѣсь нѣкоторыя любопытныя данныя о нашемъ госуд. коневодствѣ: въ заводскихъ конюшняхъ числится до 2,500 лошадей, изъ которыхъ до половины предназначается для степныхъ мѣстностей въ цѣляхъ производства лошадей для ремонта кавалеріи; изъ остального числа лошадей часть составляютъ выѣздные и верховые лошади, и на долю рабочихъ остается лишь сравнительно небольшое количество; что касается послѣднихъ, то необходимо еще замѣтить, что и частное коневодство не составляетъ существенной поддержки. При общемъ количествѣ лошадей въ Россіи, достигающемъ 22 мил. головъ (конечно, по самому приблизительному разсчету), у насъ приходится вообще одна казенная лошадь на 8,800 лошадей, между тѣмъ въ Италіи отношеніе къ такому же числу лошадей казенныхъ заводскихъ равняется восьми, въ Австро-Венгріи даже пятнадцати. Невелики у насъ суммы, употребляемые на закупку казной лошадей: за 1893—94 г., противъ 100 т. въ 1893 и 300 т. въ 1894 гг., имѣемъ затраты на этотъ предметъ: во Франціи въ 428 т. руб. при общемъ количествѣ конскаго населенія государства въ 3,300 т. головъ; въ Пруссіи 461 т. руб. при конскомъ населеніи въ 3,360 т., въ Австро-Венгріи 284, при конскомъ населеніи въ 3,600 т. Не мудрено поэтому, что коневодство, одна изъ важнѣйшихъ отраслей скотоводства вообще, находится у насъ въ такомъ печальномъ состояніи, что уже не разъ было засвидѣтельствовано, и въ послѣднее время особенно выставлено на видъ въ цѣломъ рядѣ ходатайствъ различныхъ земствъ объ открытіи мѣстныхъ казенныхъ заводскихъ конюшенъ. Отсюда понятна вся важность мѣры, принимаемой правительствомъ увеличенія закупки для казны лошадей. Особенно же важно въ этомъ дѣлѣ то, что изъ числа 200 т. на которыя увеличена прежде отпускавшаяся сумма въ 100 т. руб.,—100 т. руб. будетъ употреблено исключительно *на закупку лошадей рабочаго сорта* для улучшенія крестьянскаго коневодства, независимо отъ тѣхъ затратъ на этотъ предметъ, которыя по примѣру прежнихъ лѣтъ будутъ производиться изъ остальной части кредита. Въ ряду заботъ, которыя вообще прилагаютъ къ развитію скотоводства у насъ, какъ хорошаго средства противъ извѣстнаго увлеченія однимъ лишь хлѣбопашествомъ, эта мѣра займетъ не послѣднее мѣсто.

О производствѣ наблюденій надъ нѣкоторыми явленіями растительнаго и животнаго міра въ связи съ нѣкоторыми метеорологическими данными.

Въ Январѣ мѣсяцѣ въ «*Кіевлянинѣ*» помѣщено слѣдующее обращеніе проф. Броунова:

«Метеорологическая обсерваторія университета св. Владиміра въ Кіевѣ намѣрена предпринять изслѣдованіе періодическихъ явленій растительнаго и животнаго міра въ связи съ метеорологическими явленіями и приглашаетъ всѣхъ желающихъ принять въ этомъ участіе производствомъ наблюденій и записей. Наблюденія должны вестись надъ временемъ посѣва, всхода, цвѣтенія и уборки полевыхъ растеній, картофеля, сахарной свекловицы, временемъ сѣнокоса, временемъ цвѣтенія и созрѣванія плодовъ, травянистой растительности, временемъ распусканія почекъ, цвѣтенія, созрѣванія плодовъ, желтѣнія и опаденія листьевъ древесной и кустарной растительности, временемъ отлета и прилета птицъ, появленія насѣкомыхъ и проч. Обсерваторія отпечатала для указанной цѣли особые бланки, которые будутъ высланы тѣмъ, кто заявитъ желаніе дѣлать указанныя наблюденія. Мѣсто жительства безразлично въ Европейской или Азіатской Россіи. Чѣмъ обширнѣе районъ наблюденій, тѣмъ лучше. Записи должно начать съ начала весны и прислать въ обсерваторію къ 1 января 1896 г. Результаты обработки, которые будутъ состоять главнымъ образомъ изъ картъ, дающихъ наглядное понятіе о постепенномъ распространеніи въ Россіи различныхъ фазъ растительной жизни, о движеніи птицъ и другихъ животныхъ и проч., въ связи съ ходомъ погоды, вышлются безплатно всѣмъ наблюдателямъ. Чтобы выводы были достаточно точны, необходимо весьма большое число наблюдательныхъ пунктовъ.

Покорнѣйше прошу другія русскія газеты, какъ столичныя, такъ и провинціальныя, а также періодическіе журналы, перепечатать это обращеніе».

Сколько намъ извѣстно, никто изъ столичной печати не откликнулся на этотъ призывъ почтеннаго профессора. Вотъ и неугодно ли дѣйствовать, пролагать новые пути, живя въ атмосферѣ такого мертвеннаго равнодушія.

P. S. Повторяемъ нашу просьбу, обращенную къ читателямъ въ первой книжкѣ «Р. Б.» (стр. 128).

По садамъ и огородамъ.

(Продолженіе [1]).

IV.

Жюль Кутанъ и его огороды.

Я прожилъ въ свое время довольно долго въ Москвѣ, „соприкасался“ съ сельскимъ хозяйствомъ съ разныхъ сторонъ, ходилъ по разнымъ учрежденіямъ, заводамъ, складамъ, былъ на нѣсколькихъ хорошихъ огородахъ, но даже и не подозрѣвалъ, что существуетъ здѣсь уже давно настоящее французское огородничество, вырабатывающее почти исключительно примѣры т. е. цвѣтную капусту, томаты, баклажаны, спаржу, артишоки и т. п. Узналъ я объ этомъ огородѣ отъ Грелля, который добавилъ, что съ владѣльцемъ этого огорода m-r Jules Coutant онъ въ добрыхъ отношеніяхъ, и что меня непремѣнно пропустятъ и все покажутъ, если я скажу, что меня направилъ Грелль.

Беру извозчика и отправляюсь на Хапиловку, въ части Москвы, географамъ почти неизвѣстныя. Розыскиваю не безъ обычныхъ въ Москвѣ затрудненій Хапиловскую улицу и на ней домъ Покровскаго и, отворяя калитку на огородъ, сталкиваюсь сразу съ высокой и строгой фигурой француза—огородника. Это и былъ самъ Кутанъ, перенесшій въ Москву на Хапиловку живой уголокъ парижскихъ окрестностей и угощающій Москвичей настоящей аржантейльской спаржей чуть не въ руку толщиной.

Кутанъ арендуетъ и обработываетъ около трехъ съ небольшимъ казенныхъ десятинъ довольно скверная болота у Яузы, а знаете, сколько онъ платитъ? 1900 рублей въ годъ. Чтобы оправдать этотъ расходъ, оплатить очень дорогой въ Москвѣ конскій навозъ (коровій и смѣшанный не годится), прожить самому и еще сдѣлать сбереженія (безъ этого француза себѣ и представить невозможно), необходимо имѣть дѣйствительно высокую и интензивную культуру.

---

[1]) «Русск. Бес.», Январь 1895 г.

Первый вопросъ, который самъ собою просится въ такихъ обстоятельствахъ, слѣдующій:

— Но зачѣмъ же непремѣнно Москва? Почему не устраивать такіе-же огороды по линіямъ желѣзныхъ дорогъ, въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, гдѣ теперь свободно можно значительную часть навоза отдать подъ огороды, замѣняя его на поляхъ фосфоритомъ и каинитомъ?

Жюль Кутанъ отвѣчалъ:

— Нельзя. Я буду отрѣзанъ отъ Болота.

Болото, или Болотная площадь за Москвой рѣкой, это центральный Московскій рынокъ для фруктовъ и овощей, то же, что въ Парижѣ Halles Centrales. Если вы не попали на Болото въ 3 часа утра и тамъ не продали вашего товара, вы можете привезти его днемъ въ Охотный рядъ, или торговать въ разносъ по домамъ. Но въ Охотномъ ряду вамъ дадутъ что захотятъ, а разносная торговля для огородника немыслима. Центръ образовался исторически и всѣ идутъ туда: охотнорядцы-зеленщики закупаютъ товаръ на суточную продажу, толпа разносчиковъ наполняетъ свои лотки и цѣлый день кричитъ по городу и дачамъ, остатки закупаютъ консервные фабриканты, работающіе преимущественно тогда, когда фруктовъ или овощей наплывъ и цѣны наиболѣе дешевы.

Болото для умѣлаго огородника-политика—отличный рынокъ, для неумѣлаго—гибель. Не штука вывести и воспитать замѣчательныя овощи, штука ихъ подготовить ко дню наибольшаго спроса и наименьшаго предложенія и сорвать высшую цѣну, свободно устанавливаемую рынками.

Спаржи нѣтъ, спаржа у Тѣстова, или въ Эрмитажѣ 1 р. 20 к. порція. Черезъ двѣ недѣли начнется рѣзка у всѣхъ, и ее будетъ, сколько угодно. Но сейчасъ у Кутана съ руками оторвутъ всѣ охотнорядцы его спаржу и дадутъ не по 50 и 60 к., а по рублю и по полтора за фунтъ.

То же съ артишоками, шампиньонами, цвѣтной капустой, помидорами. Вездѣ нужно не только искусство вывести овощь, но главное, вывести ее тогда, когда на Болотѣ ее нѣтъ.

Вотъ почему нужна Москва, чтобы ежедневно, ежечасно слѣдить за рынкомъ. Затѣмъ здѣсь полная обезпеченность въ рабочихъ рукахъ, чего про деревню сказать нельзя. Тамъ въ извѣстное время бабъ работницъ совсѣмъ не достанешь.

Главное у Жюля Кутана, конечно, парники. Здѣсь онъ гонитъ ранній горохъ, фасоль, цвѣтную капусту, морковь-каротель. Очистивъ рамы отъ этого товару въ мартѣ, онъ засаживаетъ парники дынями самыхъ высокихъ сортовъ, выписывая сѣмена изъ-за границы и сбывая крупные и эффектные экземпляры по очень высокой цѣнѣ. Мелочь и

позднія идутъ на варенье и кондитерамъ. Дыни хороши тѣмъ, что не выносятъ перевозки, а потому не знаютъ желѣзнодорожной конкурренціи, которая убила напримѣръ почти совсѣмъ помидоры. Какъ хорошо и дешево ни выводи эту послѣднюю овощь въ Москвѣ, но теперь, когда помидоры можно доставить изъ Крыма со скорыми поѣздами по очень низкому тарифу, Болото сбило имъ совершенно цѣну и сажать ихъ въ Москвѣ больше не стоитъ.

Промежутки между парниками засаживаются цвѣтною капустой, которую Кутанъ имѣетъ отъ Вильморена изъ Франціи. Выбирать приходится только самые ранніе сорта для парниковъ и самые поздніе для грядъ, сохраняющіеся до слѣдующей весны.

Вторая доходная статья—спаржа. Ею занята обширная плантація, изображающая въ данное время цѣлый лѣсъ, похожій на ельникъ. Культура спаржи требуетъ также большой политики. Огородникъ долженъ разсчитать, что ему выгоднѣе: взять количествомъ, или качествомъ. Можно получать очень много спаржи, но ослаблять растеніе и быстрѣе его использовать. Можно брать понемногу и вести рѣзку очень долго. Можно брать понемногу очень крупной и дорогой спаржи, или получать сразу много тонкой и дешевой.

Кутанъ предпочитаетъ немного, но самой дорогой.

Культура спаржи — вещь довольно сложная. Она даетъ овощь только на четвертый годъ, когда растеніе совершенно сформировалось и забрало силу. Первый годъ посѣвъ — непремѣнно выписными сѣмянами. Получается крошечная въ вершокъ елочка, которую необходимо пересадить съ пикировкой, т. е. съ отщипываніемъ конца корешка. Спаржа, которую мы ѣдимъ—это молодые побѣги, развившіеся въ почвѣ, среди навоза и еще невидавшіе свѣта. Побѣгъ, вышедшій на воздухъ, зеленѣетъ и раскидываетъ вѣтки, похожія на елку. На второй годъ спаржа даетъ уже большіе побѣги и всѣ ихъ выпускаетъ изъ земли.. На третій годъ тоже. Каждому побѣгу соотвѣтствуетъ своя корневая система, которая этимъ путемъ все расширяется и утолщается. На четвертый годъ толстые, крупные побѣги образуются на каждомъ кустѣ по два по три и до пяти-шести. Вы откапываете навозъ, которымъ завалена вся плантація и срѣзаете сочный бѣлый побѣгъ съ чуть пожелтѣвшею головкой. Срѣзайте осторожно одинъ за однимъ, выбирая самые крупные и оставляйте нѣсколько, которые потомъ выйдутъ изъ земли и поправятъ ослабленное растеніе.

Культура артишоковъ идетъ быстрѣе. Чтобы получить плоды въ томъ же году (артишокъ растеніе двухлѣтнее), поступаютъ такъ: сѣмена проращиваютъ и высаживаютъ въ горшечки. Когда показались всходы,

ихъ пересаживаютъ, слегка прищипывая корешки. Черезъ недѣлю снова пересаживаютъ и прищипываютъ, и такъ четыре раза. Хлопотливо это и скучно, но къ концу августа вы имѣете на каждомъ растеніи по шести-семи крупныхъ головокъ.

Культура баклажанъ Кутаномъ прекращается, равно какъ и помидоровъ. Кромѣ южной, уже теперь непосильной конкурренціи, баклажаны невыдерживаютъ московскаго климата, гдѣ температура по ночамъ даже въ іюнѣ и іюлѣ падаетъ иногда до 3° тепла, что для цвѣтка баклажанъ гибельно.

Обширная площадь занята корневымъ столовымъ сельдереемъ. Это превосходная закуска со сливочнымъ масломъ, къ сожалѣнію, въ нашемъ столѣ почти отсутствующая. Потребляютъ сельдерей и платятъ довольно дорого главнымъ образомъ иностранцы.

Для московскихъ же нѣмцевъ разводитъ Кутанъ особый сортъ крупныхъ желтыхъ огурцовъ и разныя неупотребляемыя у насъ пряныя и душистыя травы.

Навозъ для парниковъ и хорошаго примѣрнаго огорода годится только чистый конскій. Навозъ этотъ у Кутана возится круглый годъ, для чего арендуются лучшія конюшни и постоялые дворы въ городѣ.

Я все добивался узнать, какимъ образомъ это великолѣпное дѣло могло бы идти не въ городѣ, а въ деревнѣ. Кутанъ отвѣчалъ:

— Насколько я знаю русскій рынокъ, можно и въ имѣніи устроить прекрасный торговый огородъ, но тамъ нужно работать консервы, или производить сушку овощей. Тамъ вы не будете стѣснены срокомъ и будете обращать въ консервы не остатки отъ дешевой продажи, какъ здѣсь, а настоящій высокій товаръ. Поэтому и консервы ваши будутъ гораздо лучше здѣшнихъ. Сколько времени валяется напримѣръ шампиньонъ, пока его купитъ фабрикантъ! А для консерва нуженъ только что сорванный...

Консервное дѣло имѣетъ въ Россіи громадную будущность. Какъ ни удешевятся современемъ консервы, ихъ производство всегда будетъ выгодно.

V.

Корочанское крестьянское садоводство.

Мнѣ давно хотѣлось побывать въ Корочанскомъ уѣздѣ Курской губерніи, славящемся своими садами. Садоводство здѣсь давнее и главнымъ образомъ крестьянское. Отсюда на огромное пространство расходятся дешевые,

торговые сорта яблокъ и грушъ, здѣсь же родина самой первой русской плодовой сушки. Та груша, которая накладывается ранней весной въ пирамидки на лоткахъ разносчиковъ рядомъ съ боченкомъ простонароднаго напитка, въ родѣ кваса—вся идетъ отсюда. Крымъ—аристократъ и поставляетъ высокіе сорта фруктовъ, потребляемые *господами*. Короча—демократка и производитъ дешевый, сѣрый, простонародный товаръ.

Вотъ нѣсколько цифръ:

Площадь садовъ Крыма (уѣзды Ялтинскій, Симферопольскій и Ѳеодосійскій)—5116 десятинъ.

Годовой отпускъ около 500 т. руб.

Площадь садовъ г. Корочи и 11 садоводныхъ волостей въ уѣздѣ 4520 десятинъ.

Годовой отпускъ около 300 т. руб.

Если къ этимъ послѣднимъ цифрамъ прибавить пространство садовъ и отпускъ въ волостяхъ смежныхъ съ Корочанскимъ уѣздовъ, то пожалуй, Корочанскій раіонъ сравняется по отпуску съ Крымомъ, а по пространству, его превзойдетъ. Привожу эти цифры затѣмъ, чтобы показать значеніе для Россіи Корочанскаго садоводства. Это значеніе въ сильной степени усугубляется еще тѣмъ, что какъ русское земледѣліе нашло своего Энгельгардта, а скотоводство Верещагина, Корочанскій раіонъ въ лицѣ покойнаго И. Н. Гангардта нашелъ просвѣщеннаго и преданнаго дѣятеля, оказавшаго мѣстнымъ садоводамъ огромныя услуги. Представьте себѣ въ самомъ центрѣ крестьянскаго плодоводства попистинѣ образцовый фруктовый садъ по размѣру единственный не только въ Россіи, но пожалуй и во всей Европѣ: *сто тридцать десятинъ*, изъ которыхъ 105 дес. заняты грушевыми, яблочными и сливными плантаціями, а 25 десятинъ питомникомъ. Мы ѣздили по этому саду въ таратайкѣ, почти не выходя, и лишь изрѣдка останавливаясь для объясненій, два съ половиною часа, и все таки всего сада не объѣхали.

Можете судить о его размѣрахъ...

Еще обстоятельство, дѣлающее Корочанское садоводство крайне любопытнымъ—это дѣятельность мѣстнаго земства. Благодаря неутомимымъ трудамъ мѣстнаго предводителя дворянства и предсѣдателя уѣздной управы, Корочанское земское собраніе дало, во-первыхъ, средства на статистическое изслѣдованіе садоводства въ уѣздѣ, блестяще исполненное ученымъ садоводомъ Н. И. Кичуновымъ, во-вторыхъ основало въ г. Корочѣ образцовый земскій питомникъ и первую въ Россіи садоводно-консервную станцію и въ-третьихъ распространяетъ сады при школахъ, давая каждой школѣ, получающей отъ общества по $^1/_2$ дес. земли подъ садъ, 100 руб. единовременно для устройства питомника и по 30 руб. ежегодной субсидіи.

Не трудно предугадать, какой толчокъ дало все это крестьянскому садоводству, не смотря на то, что все это закончено, можно сказать, на дняхъ: изслѣдованіе г. Кичунова сдѣлано въ 1891 и напечатано въ 1892 году, питомникъ и станція открыты лишь весною прошлаго (1893-го) года, но и сейчасъ уже есть, чему порадоваться.

Я взялъ слѣдующій маршрутъ: вышелъ на ст. Бѣлгородъ Курско-Харковско-Азовской жел. дороги, проѣхалъ въ имѣніе покойнаго Гангардта, село Дмитріевское, оттуда продвинулся на г. Корочу, осмотрѣлъ земскій питомникъ и консервную станцію, съѣздилъ вмѣстѣ съ Н. И. Кичуновымъ въ село Поповку, гдѣ заложенъ первый школьный садъ и огородъ, и вернулся въ Бѣлгородъ, осмотрѣвъ по дорогѣ нѣсколько крестьянскихъ садовъ.

Начну съ крестьянскаго садоводства. Происхожденіе его очень давнее: селили, или вѣрнѣе, ссылали въ Корочанскія дебри разныхъ лихихъ людей еще при московскихъ царяхъ, тѣ рубили лѣса и раздѣлывали пашни, а такъ какъ въ лѣсахъ было множество дикихъ грушъ и яблонь, то эти деревья оставляли, *щепили*, т. е. прививали въ разщепъ и такимъ образомъ получали *фруктовыя левады*, т. е. пашню, по которой разбросаны въ безпорядкѣ фруктовыя деревья.

Огромное большинство крестьянскихъ садовъ и сейчасъ не что иное, какъ такія фруктовыя левады, очень неудобныя въ смыслѣ надзора за фруктами, но замѣчательно живописныя. Только въ послѣднее время съ появленіемъ сада Гангардта и устройствомъ собственныхъ питомниковъ у крестьянъ, послѣдніе стали разводить настоящіе сады съ правильной посадкой и обрѣзкой деревьевъ.

Почва и климатъ для садоводства здѣсь далеко не благопріятны. Уѣздъ занимаетъ высокое плоскогорье, прорѣзанное насквозь долиною рѣки Корочи. Въ долинѣ этой главнымъ образомъ и расположены сады. Почва — сверху черноземъ, снизу на сравнительно небольшой глубинѣ мѣлъ или известнякъ, сухой и каменистый. Чѣмъ ниже и сдѣдовательно сырѣе расположенъ садъ, тѣмъ обезпеченнѣе его урожай. Гораздо лучше, чѣмъ яблоки и груши, удаются здѣсь сливы и вишни. Какъ извѣстно, известь вполнѣ соотвѣтствуетъ косточковымъ плодамъ. Но увы! Разведеніе вишни, здѣсь отлично плодоносящей, тормозилось до сихъ поръ недостаткомъ сбыта, въ виду очень высокаго тарифа до Москвы.

Сортовъ яблокъ и грушъ въ крестьянскихъ садахъ немного. Разумѣется, это главнымъ образомъ сорта, имѣющіе опезпеченный урожай и сбытъ: антоновка, харьковская зеленка, крымская зеленка, склянка, какъ зимніе, т. е. лежащіе всю зиму сорта, и апортъ, титовка, боровинка, бѣлый наливъ и кармазинка, какъ лѣтніе сорта. Главное мѣсто

занимаетъ антоновка, идущая и въ мочку, и въ мармелады, и во всякую заготовку, и всегда находящая отличный сбытъ по цѣнѣ отъ 80 к. до 1 р 20 к. за пудъ. Затѣмъ идетъ харьковская зеленка, невзрачное, но очень плодовитое яблоко, еще болѣе кислое, еще лучше лежащее и поэтому для хозяйства самое цѣнное. Сортъ этотъ впрочемъ, не особенно пригоденъ для Корочанскаго уѣзда, ибо антоновка въ сухіе годы дозрѣваетъ рано и потому плохо лежитъ. Это уже самый южный предѣлъ антоновки.

Груши въ крестьянскихъ садахъ занимаютъ второстепенное мѣсто и высокихъ культурныхъ сортовъ здѣсь мало. На сушку идетъ почти дикая „поддулька“, маленькая, горькая и деревянистая груша, за то очень урожайная. Сушатъ ее въ самыхъ примитивныхъ печахъ представляющихъ простыя ямы, сдѣланныя въ землѣ и сверху прикрытыя мелкой деревянной рѣшеткой. На эту рѣшетку, установленную въ видѣ крыши, насыпается слоемъ собранная въ саду, или на левадѣ груша и печь затапливается. Сначала идетъ „потѣніе“, затѣмъ груша начинаетъ сохнуть и съеживаться, становясь почти черною. Какъ ни низокъ по качеству этотъ сортъ, онъ имѣетъ хорошую цѣну—отъ 1 р. 20 коп. за пудъ и расходится по всей Россіи.

Крестьянское садоводство въ Корочанскомъ уѣздѣ площадью, какъ уже сказано въ $4^1/_2$ тысячи десятинъ, включая сюда до 1000 десятинъ владѣльческихъ садовъ, создало обширную промышленность аренды садовъ и скупки урожаевъ, а также доставку фруктовъ на окружающіе Корочу рынки, какъ напр., Харьковъ, и ярмарки. Существуетъ множество съемщиковъ, которые появляются послѣ завязи фруктовъ, даютъ задатки, заключаютъ условія и съ іюня переселяются со своими семьями въ сады—сторожить урожай, собирать падалицу и ждать окончательнаго сбора. Въ случаѣ какого нибудь стихійнаго бѣдствія, напр., бурь, чрезмѣрнаго количества вредныхъ насѣкомыхъ и т. д. съемщикъ обыкновенно отправляется „просить прощенія“, причемъ ему дѣлается болѣе или менѣе крупная скидка.

Собранныя яблоки подвергаются отличной упаковкѣ въ ящики или бунты и отвозятся на желѣзную дорогу, а также развозятся по рынкамъ на подводахъ. Мелкіе садовладѣльцы ѣдутъ на югъ, „въ степь“, продаютъ яблоки вмѣстѣ съ подводой и лошадью и возвращаются иногда съ большими барышами.

Первое мѣсто въ крестьянскомъ садоводствѣ принадлежитъ Купинской волости, въ которой лежитъ знаменитая Лихая Поляна имѣющая до 1000 десятинъ садовъ, дающихъ отдѣльнымъ крестьянамъ отъ 100 р. и до $2^1|_2$ тысячъ руб. дохода. Въ Купинской же волости находится и Дмитровское И. Н. Гангардта, куда я направлялся.

VI.

У М. А. Перротте въ Дмитріевскомъ.

Дмитріевское лежитъ въ сорока съ чѣмъ-то верстахъ отъ Бѣлгорода по тракту, который былъ бы сносенъ, если бы не дожди этого года, совершенно размывшіе дорогу. Сначала мы ѣхали по долинѣ Донца, любуясь на безконечныя мѣловыя горы, отъ которыхъ Бѣлгородъ получилъ свое прозвище, затѣмъ поѣхали по возвышенному плоскогорью, пересѣченному балками съ рѣдкими и довольно бѣдными поселеніями; наконецъ выбрались на нагорный берегъ рѣки Корочи, откуда открывался огромный и крутой спускъ въ долину, справа и слѣва, насколько хваталъ глазъ, покрытую какъ бы однимъ сплошнымъ селеніемъ и садами, садами безъ конца. Съ лѣвой стороны долина расширялась и за хорошенькою церковью еще издали можно было замѣтить огромные Гангардтовскіе сады.

Оставивъ моего ямщика въ селѣ, такъ какъ лошади были сильно измучены, я пошелъ пѣшкомъ въ усадьбу, отстоявшую приблизительно на четверть версты. Меня предупредили, что послѣ смерти И. Н. Гангардта садами завѣдуетъ его племянникъ М. А. Перротте, которому и выдали такую аттестацію:

— По садовому дѣлу молодой баринъ не хуже стараго понимаетъ. До всего самъ доходитъ; какъ сѣлъ на хозяйство, такъ почитай, ни куда и не выѣзжаетъ.

Говорилъ это смиренный мужичекъ, взятый мною въ проводники и безцеремонно рекомендовавшій мнѣ кратчайшую дорогу садомъ, черезъ плетни на томъ основаніи, что въ нынѣшнемъ году яблокъ нѣтъ, а потому нѣтъ и резона особенно почтительно относиться къ чужому плетню.

Засталъ я Михаила Александровича Перротте, возвращающимся изъ питомника къ чаю. Онъ представилъ меня своей сестрѣ, живущей съ нимъ въ Дмитріевскомъ, и перезнакомилъ съ собравшеюся небольшою компаніею молодежи, отчасти гостящей, отчасти помогающей М. А-чу въ его приготовленіяхъ къ выставкѣ плодоводства въ Петербургѣ. Снималась роскошная коллекція фотографій, рисовались акварелью яблоки и т. д.

Въ этомъ маленькомъ, изящномъ и уютномъ домикѣ, окруженномъ превосходными экземплярами сѣверныхъ елей, сосенъ и различнаго рода тополей, посреди цвѣтниковъ съ великолѣпными розами и самыми рѣдкими цвѣтами, все такъ дышетъ памятью недавно почившаго основателя

здѣшнихъ садовъ И. Н. Гангардта, что я считаю необходимымъ сказать нѣсколько словъ объ этомъ замѣчательномъ человѣкѣ.

Иванъ Николаевичъ Гангардтъ, несмотря на свою нѣмецкую фамилію, былъ кореннымъ русскимъ дворяниномъ и мѣстнымъ крупнымъ землевладѣльцемъ. Кромѣ Дмитріевскаго ему принадлежало еще большое имѣніе, Вознесенское, гдѣ онъ и похороненъ въ 1891 году. Инженеръ путей сообщенія по образованію, И. Н-чъ не долго пробылъ на службѣ. Слабое здоровье заставило его ѣхать лѣчиться за границу. Тамъ началъ онъ заниматься ботаникой и спеціально помологіей, имѣя въ виду, вернувшись въ Россію, заняться у себя дома садоводствомъ. Имѣнія его лежали въ самомъ центрѣ Корочанскаго садоводственнаго раіона, крестьянское садоводство было въ самомъ печальномъ положеніи, и вотъ у Ивана Николаевича складывается обширный планъ: основать большіе питомники, акклиматизовать всѣ возможные въ мѣстности, сорта, обратить всѣ свои 800 десятинъ въ Дмитріевскомъ въ одинъ сплошной садъ и, устроивъ большой заводъ для приготовленія сидра, рѣшить двѣ задачи: создать мѣстный продуктъ изъ яблокъ, ввести его въ общее употребленіе и посредствомъ него бороться съ народнымъ пьянствомъ.

Обладая большими средствами и солидными знаніями, а главное желѣзною настойчивостью и выдержкой, покойный Гангардтъ, вернувшись, отдался всецѣло садоводству и началъ дѣло сразу въ обширныхъ размѣрахъ. Всѣ 105 десятинъ сада и 25 десятинъ питомника заложены еще имъ. Два сада въ 44 и 19 десятинъ были засажены обыкновенными мѣстными торговыми сортами, 35 десятинъ были отдѣлены подъ образцовый садъ. Иванъ Николаевичъ во-первыхъ изслѣдовалъ всѣ мѣстные сорта яблокъ и грушъ, развелъ ихъ у себя и нашелъ нѣсколько очень хорошихъ, неизвѣстныхъ въ западной помологіи, русскихъ разновидностей. Затѣмъ онъ выписывалъ сорта рѣшительно изъ всѣхъ мало мальски извѣстныхъ заграничныхъ садовъ и посвящалъ каждому по нѣскольку деревьевъ въ образцовомъ саду, производя долгіе и тщательные опыты. Нѣтъ, кажется, ни одного сорта, котораго бы и сейчасъ нельзя было найти въ гангардтовскомъ саду, и у каждаго дерева есть своя хроника.

Вскорѣ сады стали давать доходъ, отъ питомниковъ началась продажа деревцовъ какъ мѣстнымъ крестьянамъ, такъ и на сторону. Съ 1885 года началось печатаніе каталоговъ и дѣло приняло торговую форму; но, къ сожалѣнію, давая прекрасные образцы молодыхъ деревцовъ самыхъ разнообразныхъ породъ, выдержанныхъ и акклиматизованныхъ въ Корочанскомъ раіонѣ, И. Н-чъ, по своей чрезмѣрной скромности избѣгалъ настоящей широкой рекламы и уступалъ болѣе широкіе рынки шарлатанамъ-рекламистамъ. Отъ этого и его превосходный садъ и пи-

томники до сихъ поръ сравнительно мало извѣстны за предѣлами своего раіона.

Но зато въ этомъ раіонѣ И. Н-чу удалось совершить настоящій переворотъ. Съ его сада собственно пошли настоящіе *засаженные* деревцами крестьянскіе сады. Онъ распространилъ обстоятельныя знанія и показалъ каковъ долженъ быть уходъ за деревьями.

Избранный за $1^1|_2$ года до своей смерти въ предводители дворянства, Иванъ Николаевичъ сталъ горячо распространять мысль объ участіи земства въ крестьянскомъ садоводствѣ. По его мысли произведено изслѣдованіе, основана земская станція и питомникъ. Въ октябрѣ 1891 года онъ скончался скоропостижно отъ разрыва сердца. Цѣня оказанныя имъ заслуги мѣстному населенію, уѣздное земское собраніе постановило повѣсить въ залѣ засѣданій портретъ Ивана Николаевича, который и былъ исполненъ художникомъ Зазулинымъ.

Обыкновенно, у насъ въ Россіи, со смертью такого дѣятеля, какъ Гангардтъ, дѣло его сейчасъ же глохнетъ и пропадаетъ. Иванъ Николаевичъ предусмотрѣлъ возможность этого исхода и замѣчательно удачно подготовилъ себѣ продолжателя и замѣстителя въ лицѣ своего роднаго племянника М. А. Перротте.

Онъ отправилъ его во Францію учиться и поистинѣ дѣльную школу прошелъ молодой человѣкъ, въ теченіе трехъ лѣтъ, работая, какъ простой ученикъ въ слѣдующихъ заведеніяхъ: у братьевъ Бальте (Baltet frères) въ Труа, департ. Об (плодоводство и декоративное садоводство. Спеціальность — формовыя деревья); у знаменитаго Бергмана, садовника Ротшильда въ Ферьерѣ (Ferriéres en Brie), знатока по огородничеству, цвѣтоводству и оранжереямъ; у Довесса въ Орлеанѣ, одного изъ лучшихъ пепиньеристовъ Франціи и наконецъ снова въ Труа у Тиссье, архитектора-пейзажиста.

Съ такою подготовкой Мих. А-чъ могъ смѣло продолжать дѣло Гангардта. Съ его смертью имѣнія перешли въ собственность сестрѣ Ивана Николаевича М. Н. Арнольди, которая и передала Дмитріевское въ управленіе М. А. Перротте. Послѣдній поселился тамъ съ сестрою и всей душой отдался дѣлу.

Прежде всего Михаилъ Александровичъ заявилъ мнѣ, что въ этотъ день, до вечера, мы едва можемъ осмотрѣть часть садовъ и питомники, и что въ Корочу я ни въ какомъ случаѣ до завтра не попаду, почему необходимо остаться ночевать. Сейчасъ же былъ посланъ приказъ извозчику являться въ усадьбу и располагаться на ночлегъ, мы-же съ М. А-чемъ, не теряя времени, направились въ питомники, расположенные къ дому ближе, чѣмъ сады.

С. Шараповъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Культъ великаго въ исторіи.

(Великопостныя размышленія на масляничную тему).

I.

Въ прошломъ году въ театрѣ Неметти цѣлый сезонъ не сходила со сцены комедія или фарсъ: *„Меблированныя комнаты Королева“*. Въ нынѣшнемъ, на той же сценѣ каждый день до закрытія сезона давали *Madame Gans-Gêne—герои первой имперіи“*.

Я не видалъ „Меблированныхъ комнатъ Королева“, но знаю людей, которые ходили смотрѣть пьесу два и три раза. Говорили: ужь очень забавно, покрайней мѣрѣ насмѣешься въ волю въ теченіе вечера! Очевидно, штучка понравилась.

Но, вѣроятно, не въ меньшей степени пришлась по вкусу публикѣ и „Madame Sans-Gêne“. Пьеса почти одновременно поставлена была и въ Петербургѣ, и въ Москвѣ, и въ Кіевѣ. Я попалъ къ Неметти незадолго до начала Великаго поста на тридцатое или сороковое представленіе, и въ кассѣ къ концу спектакля не оставалось ни одного билета. Одна дама говорила мнѣ, что она совсѣмъ не пугается ружейной пальбы, производимой за кулисами во второмъ дѣйствіи. Она-де привыкла къ ней уже, смотря пьесу въ *девятый* разъ... До такой степени вамъ нравится „Madame Sans-Gêne? — спросилъ я. „Ужасно нравится“! *Что?...*

Не можетъ быть, чтобъ эту почтенную даму могла особенно интересовать хорошенькая актриса, которой была поручена заглавная роль. Тѣмъ менѣе вѣроятно, чтобы ее могли привлекать нѣкоторыя рискованныя положенія, встрѣчающіяся въ пьесѣ... Повѣрю, что ради пикантной сцены переодѣванія madame Sans-Gêne, въ театръ пойдетъ лишній разъ какой-нибудь исключительный любитель полуобнаженныхъ женскихъ формъ, но не повѣрю, чтобы *это* могло создать такой успѣхъ пьесѣ, въ Парижѣ въ особенности. Ихъ ли, парижанъ, избалованныхъ и пресыщенныхъ, чѣмъ-нибудь подобнымъ удивишь! И однако и тамъ всѣ бредятъ madame Sans-Gêne. Портнихи шьютъ платья à la madame Sans-Gêne; парикмахеры примаравляютъ свое искусство къ madame Sans-Gêne; фа-

бриканты articles de Paris и тѣ ищутъ вдохновенія въ воскрешенномъ образѣ madame Sans-Gêne. Вчера Парижъ распѣвалъ:

C'est Boulanger, Boulanger qu'il nous faut!

Сегодня очередь за madame Sans-Gêne...

Я боюсь ошибиться. Можетъ быть что-нибудь низменное, брюшное заставляло въ теченіи сезона валить нашу публику къ Неметти. Охотно позволю убѣдить себя, что по существу нѣтъ никакой разницы въ успѣхѣ, который выпалъ на долю какихъ-то „Меблированныхъ комнатъ Королева“ и тѣмъ, который сопровождаетъ побѣдное къ намъ шествіе madame Sans-Gêne съ береговъ Сены, но я не ошибаюсь, я твердо убѣжденъ, я никому не дамъ себя оспорить, высказавъ мысль, что увлеченіе Boulanger и интересъ къ madame Sans-Gêne проистекаютъ изъ однороднаго источника, служатъ выраженіемъ одного и того-же чувства, чувства тоски, быть можетъ только болѣе жгучей у французовъ, по которою несомнѣнно болѣетъ все человѣчество, которая не можетъ быть чуждой и намъ, то есть, я хотѣлъ сказать, не *должна* быть и намъ чуждою... Я не знаю, *что* нравится нашей публикѣ въ madame Sans-Gêne, но я ни одной минуты не колеблюсь въ опредѣленіи того, что нравилось, что могло и должно было нравиться въ этой пьесѣ публикѣ парижской. Для причудливыхъ миніатюрокъ исторіи, для тѣхъ, кому можетъ быть и вправду рокъ велитъ не славныя дѣла записывать въ ея великія страницы, но лишь вырисовывать тамъ своеобразныя *заставки*, весь смыслъ и вся значительность которыхъ заключается въ ихъ *самобытности*, не въ томъ, что онѣ прекрасны, полны смысла, а въ томъ исключительно, что ихъ нигдѣ больше нельзя встрѣтить—легко допускаю, что „Меблированныя комнаты Королева“ не хуже и не лучше „Героевъ первой имперіи“. Но для того, кто любитъ „особенную стать“ своей родины лишь до той черты, за которою начинается исключительность и та *умаленность* своеобразія, которая не позволяетъ колибри слыть за подлинную птицу, золотой рыбкѣ акваріума за настоящую рыбу, пони за лошадь, карлику за взрослаго, и самому глубокому и художественному размаху китайскаго или японскаго творчества не даетъ воплотиться во что-нибудь болѣе человѣчное и превосходящее причудливыя *шинуазери*,—для того, говорю, есть великое утѣшеніе, есть отрада, сознавать себя частью великаго *вселенскаго* цѣлаго и, сидя въ душномъ, скверномъ, залѣ театра Неметти, думать, чувствовать, замирать, какъ вѣроятно думали, чувствовали и замирали въ Парижѣ на представленіи пьесы Сарду, какъ будутъ думать, чувствовать, замирать при подходящихъ обстоятельствахъ, надо надѣяться, всюду, гдѣ только сберегло себя отъ мер-

зости запустѣнія хоть одно сердце, способное къ горѣнію, хоть одна душа, могущая вмѣстить въ себѣ *культъ великаго въ исторіи.*

II.

Я не ходокъ въ театръ. Я не ходокъ куда бы то ни было. Я боленъ. Я усталъ. Я, можетъ быть, и болѣю только усталостью, и оттого именно усталъ, отчего устаютъ нынче всѣ, пожившіе ни много, ни мало, но именно столько, сколько казалось бы требуется для того, чтобы не рваться вскачъ по жизненной тропѣ, но и не валиться въ изнеможеніи на мѣрномъ шагу. Я усталъ, мы всѣ болѣе или менѣе утомлены, потому что *охоты* нѣтъ идти. Куда идти? Зачѣмъ идти? Впереди—то-же, что сейчасъ, не все ли равно идти впередъ или топтаться на мѣстѣ, и стоитъ ли на немъ топтаться?

Все—сѣро, блѣдно, скучно, *мелко, ничтожно...* Такъ въ зимній день поѣздъ рѣжетъ безконечную бѣлую равнину. Направо, бѣло и ровно безъ конца, налѣво ровно и тоже безъ конца... Станція такая-то, поѣздъ стоитъ три минуты, и опять безконечная равнина; ни мысли, ни чувства; будь кресты, сказалъ бы—кладбище, а подъ этимъ саваномъ что погребено? Поѣздъ стоитъ три минуты—пойти развѣ, да выпить?

И такъ подсыхаетъ жизнь, душа, вѣра... *Вѣра во что бы то ни было...* Какая вѣра? Зачѣмъ вѣра? Спать хочется, и ничего болѣе кромѣ сна не хочется. Засну, скверным, тяжелымъ, свинцовымъ сномъ, засну безъ грезъ, безъ узорчатыхъ сновъ, безъ радости освѣженнаго и легкаго пробужденія... И хотя бы вовсе уже не пробуждаться, чтобы не увидать вновь своего усталаго и больного отраженія въ окружающемъ ничтожествѣ!..

III.

Но я рѣшился посмотрѣть „madame Sans-Gêne“. Меня подбилъ идти въ театръ школьный товарищъ, съ которымъ не видѣлись мы лѣтъ пятнадцать. Онъ случайно набрелъ на меня, и я былъ ему искренно радъ. Мысленно я слѣдилъ за нимъ давно. Его необычайная карьера меня изумляла; какое удивительное счастье, или какое феноменальное искусство нужно, чтобы, при тѣхъ данныхъ, которыми онъ располагалъ, проложить себѣ такую дорогу—такъ думалъ бывало я про себя, и такъ сказалъ я моему нежданному гостю въ лицо, когда съ товарищескою непринужденностью, какъ бывало въ добрые, старые студенческіе годы, онъ разлегся у меня на диванѣ. На мои разспросы и восклицанія онъ отвѣчалъ съ

тою солидною спокойностью, которая дается людямъ, знающимъ себѣ цѣну и не имѣющимъ надобности подсказывать другимъ что въ нихъ есть цѣннаго.

„Да ты будешь министромъ, помяни мое слово!“ невольно вырвалось у меня, когда онъ кончилъ говорить о себѣ. Онъ молчалъ, сосредоточенно глядя на какую-то точку потолка. Я повторилъ слово, но уже въ полушутливомъ тонѣ, какъ бы вызывая его подѣлиться своими мечтаніями о дальнемъ будущемъ. Онъ продолжалъ молчать, но черезъ нѣсколько времени, когда я уже заговорилъ о чемъ-то другомъ, онъ порывисто вскочилъ съ дивана и, схватившись руками за голову, какъ-то странно застоналъ, глаза его налились кровью, на лбу отчетливѣе стали просвѣчивать жилки и, быстро зашагавъ по комнатѣ, онъ наконецъ, задыхаясь, проговорилъ: „я знаю одно: когда я вѣрю *въ это*, я никогда не думаю и даже понять не могу, какъ бы *оно* могло совершиться, но я *вѣрю* въ это и оно сбывается! Вотъ тебѣ тайна моего успѣха“... Тутъ мнѣ пришла на умъ другая еще болѣе поразительная и всѣмъ извѣстная карьера. „Такъ неужели, спросилъ я, и *онъ* вѣрилъ и только потому достигъ“?... Онъ рѣзко прервалъ меня. Это *его* тайна! Почемъ я знаю? Всякому свое, а я *про себя* говорю...

— Но развѣ ты не подмѣтилъ у меня за этимъ вопросомъ нѣкотораго обобщенія?

— Мистика? Ты попрежнему неисправимый мистикъ? Что?

— Ну, да конечно,.. Но это не отвѣтъ.

— Тогда иди спроси *его*... Я—то тутъ причемъ? Да и вообще я врагъ всякихъ обобщеній.

— Ахъ, какъ бы мнѣ хотѣлось предложить *ему* только одинъ вопросъ, вопросъ учениковъ Іоанна: *„ты ли еси грядый, или иного чаемъ“?*

— Чудакъ! Конечно, *иного*!

— Почему?

— Да именно потому, что у него *мистики* мало, а то и вовсе нѣтъ никакой.

— Да, ты почемъ знаешь? Вѣдь это *его* тайна.

Товарищъ добродушно разсмѣялся. „Ахъ, какой мы вздоръ плетемъ. Ну, давай-ка лучше поѣдемъ куда-нибудь“.

— Куда?

— Да хоть къ Неметти.

И мы поѣхали.

IV.

Ѣхать намъ пришлось не мало, такъ какъ я живу въ зарѣчной части города. Дулъ встрѣчный вѣтеръ и мы молчали. Проѣзжая черезъ

Троицкую площадь мимо Собора, я вспомнилъ о тамошнемъ сѣденькомъ, старенькомъ, старенькомъ священникѣ... Передъ чудотворной иконой Божіей Матери онъ правилъ иногда молебны, и какъ-то чудно бывало слышать изъ устъ такой, казалось, воплощенной немощи удивительной силы слова евангелиста Марка: *„Имѣйте вѣру Божію“*. Ибо истинно говорю вамъ, если кто скажетъ горѣ сей: поднимись, и ввергнись въ море; и не усумнится въ сердцѣ своемъ, но повѣритъ, что сбудется по словамъ его; будетъ ему, что ни скажетъ“. Да! Этотъ дряхлый, немощный старичокъ *полонъ силы*, и сила его въ *вѣрѣ Божьей*, а этотъ, что рядомъ со мною, силенъ своею молодостью, своимъ здоровьемъ, своею вѣрою въ себя, и не только въ себя, но и еще въ нѣчто высшее, хотя можетъ быть и не абсолютно Высокое... Это—*вѣра человѣческая*... Вѣра Божія такая, что и горами двигаетъ, это, конечно, вѣнецъ нравственнаго совершенства, апоѳеозъ праведной жизни, надежды и любви, и кто можетъ вмѣстить да вмѣститъ! Но вѣдь не всегда *вѣра человѣческая* есть *суевѣріе*; пусть она низшая, безконечно низшая категорія, и все же, по моему, лучше вѣровать *во что бы ни было*, чѣмъ спать непробуднымъ сномъ уныніи или прислушиваться къ урчанію собственнаго сытаго брюха...

Такъ, занятые каждый своими мыслями, подъѣхали мы, наконецъ, къ театру, не проронивъ ни одного слова.

V.

Что такое Madame Sans Gêne? Комедія, драма, феерія? Нѣтъ! Пьеса эта есть простое, можетъ быть даже нѣсколько наивное, *напоминаніе о томъ, что человѣчествомъ утрачено и безъ чего, однако, жить нельзя*. Кто не знаетъ, кто на тысячи ладовъ не твердилъ и самому себѣ, и не повторялъ до надоѣдливости другимъ, что *все* нынѣче—сѣро, блѣдно, скучно, мелко, ничтожно.. Ни смѣлыхъ мыслей, ни великихъ умовъ, ни сильныхъ характеровъ — кто же не понимаетъ, что отсутствіе всего этого и позволило усвоить оттѣнокъ срамоты, постыднаго ничтожества ходячему выраженію: *„fin de siécle“*, вслѣдствіе чего слова, опредѣляющія собственно извѣстный моментъ времени, получили значеніе мѣткой квалификаціи самаго этого времени по существу? Что̀ такое *начало* вѣка, *середина*, такой-то годъ или рядъ годовъ?—нужно обратиться къ фактамъ, событіямъ, исторіи; но когда говорятъ, *„fin de siécle“*, то нѣтъ надобности, нѣтъ никакой охоты тревожить исторію, чтобы отыскивать въ главѣ, посвященной, положимъ, высокимъ гражданскимъ доблестямъ эпохи, какую-то панаму,

въ отдѣлѣ поэзіи—декаденство, въ области философіи и нравственности—

«Вѣру безвѣрную, лесть и развратъ...»

Повторяю: все это до тошноты общеизвѣстно, и тѣмъ не менѣе такой примитивный, элементарный пріемъ производитъ впечатлѣніе: „вотъ де, смотрите на эту сцену, господа классики, воспитанные на культѣ великаго въ исторіи, но никакого культа въ сердцѣ своемъ не возжегшіе; *великое* классической древности мнится вамъ слишкомъ отдаленнымъ отъ насъ и, по нынѣшнимъ временамъ, къ практикѣ не примѣнимымъ, такъ не угодно ли взглянуть на сравнительно недавнее прошлое и, вдумавшись, имѣйте совѣсть предъ этимъ великимъ прошлымъ преклониться и объ утратѣ его пожалѣть“.

И совѣсть и тоска, и сожалѣніе по утраченному, дѣйствительно—мнѣ такъ хочется, по крайней мѣрѣ, вѣрить—пробуждаются.

На сценѣ показывается *великій человѣкъ*—Наполеонъ, публика, даже та, которая никогда не слыхала о теоріяхъ К. Н. Леонтьева [1]), въ силу одного здороваго инстинкта—въ комъ онъ уцѣлѣлъ—догадывается, соображаетъ, сама того не подозрѣвая, соглашается съ К. Н. Леонтьевымъ, на этотъ разъ безусловно справедливо проповѣдывавшимъ, глубоко и неоспоримо вѣрно понимавшимъ, что никогда Акакій Акакіевичъ не замѣнитъ въ исторіи Юлія Цезаря, и что лучше удавиться съ тоски, чѣмъ возводить въ какой-то культъ, дѣлать объектомъ эстетической адмираціи, всеблагополучное обстояніе сытаго буржуа. Ѣсть, пить, посягать, нарядившись въ полинявшее тряпье старой, дряблой плакальщицы, проповѣдывать вмѣстѣ съ разслабленными „рамоли“ газетнаго или журнальнаго толка „непротивленіе злу“, „дѣятельную“, на словахъ, конечно,

---

[1]) Нѣтъ никакой возможности отрицать, что у этого замѣчательнѣйшаго, несмотря на множество заблужденій, писателя тоска по *значительному, яркому, смѣлому, характерному и великому* въ исторіи, выражена всего отчетливѣе и сильнѣе. К. Н. Леонтьевъ глубоко иногда заблуждался *на счетъ причинъ*, приведшихъ человѣчество, къ состоянію почти полнаго оскотиненія, заблуждался въ *средствахъ*, которыя могли бы возвратить насъ къ культу великаго въ исторіи, и тѣмъ умножить поэзію въ жизни, окрылить мысль, пробудить творчество, дать положительное содержаніе вѣрѣ, не мертвой, но живой, и дѣйственной — все это для меня внѣ спора, но столь же неоспорима и капитальная заслуга покойнаго писателя въ дѣлѣ пробужденія въ насъ *эстетической* совѣсти, примѣнялась къ его строю мыслей и излюбленныхъ выраженій... Тутъ къ слову, не неумѣстно будетъ упомянуть, что тѣ, которые выставляютъ себя въ печати учениками и продолжателями К. Н. Леонтьева, безпрестанно, кстати и не кстати, повторяютъ обрывки его теорій и формулъ, въ *самыхъ фактахъ дѣйствительности* раскапываютъ, смакуютъ, благоговѣютъ и любуются тѣмъ, что покойный ненавидѣлъ всѣми фибрами своей души, т. е. все то, что *дряблo, безформенно, стереотипно, бозцвѣтно* и ужасно, само собою, благонамѣренно. *Авт.*

„доброту“ и прочую срамословную, болѣзненно-слюноточивую дребедень—это значитъ съ головою окунуться въ міровоззрѣніе какого-нибудь профессора Трачевскаго, который просто *физіологически* не способенъ постигнуть, какъ можно въ исторіи любить и чтить что-нибудь такое, что хотя бы на вершокъ возвышалось надъ сѣренькимъ уровнемъ буржуазно-эгалитарнаго ничтожества?

Здоровый инстинктъ, въ комъ онъ уцѣлѣлъ, неутолимая тоска, кѣмъ она почувствована, въ комъ пробудилась, подсказываютъ, что *великіе люди*, герои, также необходимы для экономіи нашего духовнаго существованія, какъ для существованія физическаго необходимы воздухъ, вода, солнце... Показывается на сценѣ Наполеонъ, и публика, полусознательно чувствуетъ эту непреложную истину, этотъ великій психологическій законъ, т. е. совершенную невозможность для человѣка, не желающаго впасть въ состояніе *оскотиненія*, остаться при однихъ сапогахъ, а Пушкина забыть, или предпочесть хотя бы цѣлыхъ сто тысячъ вполнѣ благонамѣренныхъ и, конечно, пропорціонально тупыхъ профессоровъ только *мизинцу* Наполеона,—инстинктивно волнуется, замираетъ, восторгается, апплодируетъ...

Вѣдь онъ ничего не говоритъ, этотъ только прошедшій по сценѣ въ первомъ дѣйствіи Наполеонъ, онъ еще не „дѣйствуетъ“, можетъ быть онъ и не появится болѣе, и самое его появленіе — не зная пьесы, легко допустить—можетъ быть есть чисто эпизодическая вставка, для экономіи пьесы безполезная или безразличная? Можетъ быть, но въ иной хорошей декораціи найдешь иногда болѣе смысла, чѣмъ въ цѣлой драмѣ. Выведите на сцену все то, что мы привыкли наблюдать каждый день, приправьте даже эту дѣйствительность, заставьте говорить чудесными стихами всѣхъ этихъ Перье, Рувье, всю эту жалкую мелкоту, все это презрѣнное ничтожество, и вы убѣдитесь, что собравшаяся на *такое* представленіе публика разбѣжится, захвораетъ отъ тошноты... Можно воспользоваться какъ средствомъ, какъ орудіями, всѣми этими Рувье, Перье, Дюпьи e tutti quanti, съ цѣлью представить передъ публикой драму чисто человѣческихъ, отвлеченныхъ отъ точно опредѣленныхъ личностей, характеровъ и страстей, но невозможно вывести *этихъ* господъ для того, чтобы заставить зрителей любоваться ими *какъ таковыми*, созерцать въ нихъ ту соль земли, которую они, лишь по совершеной *обезсоленности* самой прѣсной изъ эпохъ, вынуждены изображать... Мы расхохочемся, плюнемъ въ глаза тому изъ героевъ *конца вѣка*, который бы вздумалъ, подражая героямъ его славнаго начала, завѣрять насъ со сцены, что онъ собирается предпринять что-то великое на благо своего отечества, что у него въ головѣ обрѣтается оригинальная

мысль, что онъ способенъ не только зубы заговаривать, но и дѣло дѣлать, что у него есть дерзновеніе и вкусъ къ широкимъ замысламъ, великимъ предпріятіямъ... Нѣтъ-съ, дудки! Не повѣримъ, такъ какъ твердо знаемъ, что ничего, кромѣ парламентской коммиссіи съ праздными рѣчами объ академическихъ „мѣропріятіяхъ“, никакого иного *дѣла* изъ добросовѣстнаго даже усердія этихъ господъ не выйдетъ. Другое дѣло — Наполеонъ! Пусть онъ въ силу одной разсѣянности режиссера попалъ на сцену—да вѣдь это не Рувье, не Перье, и tutti quanti; не та презрѣнная мелкота, которая уже въ самой жизни достаточно намъ опротивѣла! Нельзя безъ волненія смотрѣть на него даже въ томъ случаѣ, когда онъ молчитъ или когда, не выдающійся актеръ, а простой, можетъ быть, статистъ призванъ его изображать. Онъ *былъ*, это *фактъ исторіи*, этотъ геніальный „*маленькій капралъ*“, онъ, значитъ, можетъ вновь явиться, чтобъ надавать провиденціальныхъ под...затыльниковъ вотъ этимъ всѣмъ, за грѣхи наши, расползшимся по исторіи тараканамъ... Какъ же не апплодировать ему всею силою наэлектризованныхъ мышцъ?

VI.

Раздается за сценой стрѣльба вступившихъ въ бой солдатъ, слышатся мужественные звуки „*Марсельезы*“, и общество оживаетъ, быть можетъ переносясь, въ лицѣ старшихъ поколѣній, къ славной эпохѣ послѣдней войны... Каюсь, не поклонникъ я мира, который по слову Спасителя „міръ даетъ“. *Nolo pacem quia infida*, и по тысячѣ другихъ еще болѣе вѣсскихъ причинъ, *nolo*... Тема впрочемъ слишкомъ обширная, и я касаюсь ее здѣсь всколзь, чтобы напомнить только обычное отношеніе къ вопросу со стороны такъ называемаго gros du publique. Теперь вѣдь, справедливо говорилъ К. Н. Леонтьевъ, даже и тѣ, которые по какимъ либо соображеніямъ жаждутъ войны, до самаго манифеста о войнѣ лгутъ, что не желаютъ ея;— „война есть бѣдствіе и только!“—(и только, будто-бы!!!), иначе не смѣетъ теперь никто говорить. Послѣ же манифеста, на другой же день всѣ вдругъ обнажаютъ свои „умственные“ мечи и бряцаютъ ими (*наконецъ-то искренно*) до тѣхъ поръ, пока заключится миръ“.

Итакъ, дѣло ясно: одни *не смѣютъ*, боятся, говорить искренно на тему войны. Дипломаты „*Вѣстника Европы*“ порѣшили, что войнѣ болѣе не бывать, что кн. Бисмаркъ былъ-де послѣднимъ дипломатомъ, смотрѣвшимъ на войну, какъ на орудіе политики, ну, кто же не устыдится, или осмѣлится имъ перечить? А за ними плетется сѣренькое массовое

недомысліе, подыскивающее въ quasi философскихъ соображеніяхъ аргументы противъ войны, тогда какъ на самомъ дѣлѣ, нѣчто совершенно иное питаетъ ихъ страхъ за цѣлость „подленькихъ животишекъ“... Въ самомъ дѣлѣ, ослабленные школьнымъ воспитаніемъ, потерявъ здоровье, пропитанные ртутью, дряблые, развинченные, слюноточивые, съ потухшимъ взоромъ, ни во что крѣпко не вѣря, ничего искренно не любя, безъ идеаловъ, безъ надеждъ, полумертвецами вступаемъ мы въ жизнь, съ единственною цѣлью обрѣсти поскорѣе тѣ спасительные туфли и халатъ, которымъ суждено оберечь наше слабонервное ничтожество отъ треволненій и невзгодъ жизненнаго пути... Все намъ кажется страшнымъ, непосильнымъ или возбуждающимъ ужасъ... Не сентиментальныя слезы „Бѣдной Лизы“, пусть смѣшныя, но и безвредныя, какъ утренняя, быстро высыхающая роса, нѣтъ, что-то хроническое, упорное, что-то хватающее за сердцевину, несомнѣнно болѣзненное, явно психопатическое, чуется въ бабьей развинченности вѣка. Мнѣ кажется однако, что такое положеніе вещей—эта болѣзненная дряблость, этотъ поразительный упадокъ мужества не доведутъ насъ до добра. Я много разъ уже, по разнымъ поводамъ касался этого вопроса въ печати. Однажды, по поводу дружескаго выговора, сдѣланнаго мнѣ однимъ редакторомъ-пуристомъ за quasi неприличную форму нѣкоторыхъ выраженій препровожденной къ нему статьи, я еще лѣтъ десять тому назадъ, отвѣтилъ ему „открытымъ письмомъ“, изъ котораго позволю себѣ взять теперь нѣсколько строкъ. „Нѣтъ, вы не догадываетесь, съ чего я началъ письмо и къ чему веду дѣло. Я, видите ли, боюсь, чтобы преувеличенный страхъ передъ неприличнымъ, фальшивая скромность, то, что французы называютъ: pruderie, не были симптомомъ одной весьма серьезной болѣзни современности, болѣзни, которую я бы не задумался назвать *размягченіемъ души*. Прекрасно человѣколюбіе въ какихъ бы то ни было проявленіяхъ, но нѣтъ, по моему слабому разумѣнію, ничего прекраснаго въ томъ, что напр., отецъ боится сорванца сына выдрать за уши, чтобы не попасть въ категорію „человѣконенавистниковъ“. Конечно не можетъ быть желательна война, однако не желателенъ и подлый страхъ передъ ней, ибо, чтобы тамъ ни говорили философы Толстовскаго закала съ А. С. Суворинымъ во главѣ [1]), а война есть и будетъ

---

[1]) Необходимо замѣтить, что между живыми нѣтъ писателя, котораго бы мы такъ высоко цѣнили, къ которому бы относились съ такою искреннею и прочною симпатіей, какъ къ А. С. Суворину. Дѣло, разумѣется не въ единомысліи, не въ общности принциповъ, надеждъ, тревогъ, предпочтеній и антипатій. Нѣтъ, конечно. Но необычайная *искренность* А. С. Суворина, его задушевная отзывчивость, его способность къ энтузіазму, горѣнію сердца, дѣлаетъ его въ нашихъ глазахъ и въ высшей

однимъ изъ самыхъ могущественныхъ факторовъ истиннаго прогресса *для рода сего грѣшнаго и прелюбодѣйнаго*, и правъ, глубоко былъ правъ Достоевскій, когда говорилъ, что безъ войны міръ превратился бы въ какое то вонючее болото, въ какую-то поддую слякоть, въ которой все человѣчество должно было бы передохнуть... Много Русь пролила крови въ „войнахъ и междуусобныхъ браняхъ“, но водянки не нажила, золотухой не страдала, но росла и крѣпла и стала могущественной державой, какою дастъ Богъ, и пребудетъ на многія лѣта, *если только не запьетъ ее недугъ*, на который я сейчасъ указалъ. Да, стоитъ объ этомъ очень подумать и нечего успокоивать себя сравнительною слабостью симптомовъ того *размягченія души*, того глубочайшаго разврата, который неизбѣжно приводитъ государство къ разложенію, а отдѣльныя лица къ самоубійству... Неужели, чтобы очнуться, поумнѣть, намъ необходимо нашествіе какихъ-нибудь новыхъ варваровъ, или Седанъ, или... Что?.. Вѣдь я же знаю, что мой крикъ отчаянія замретъ въ пустотѣ!..“

За десять лѣтъ, протекшихъ съ того времени, когда я писалъ эти строки, мы можетъ быть вполнѣ излѣчились отъ указаннаго мною *размягченія души* и чрезвычайно далеко ушли по пути культа *мужественныхъ добродѣтелей*, но возмущающій меня успѣхъ пакостной книги Берты Сутнеръ (*„Долой оружіе!“*) убѣждаетъ меня, что не вполнѣ перевелись еще на свѣтѣ дураки, готовые развѣсить уши передъ психопатическимъ нытьемъ какой-нибудь визгливой бабы... Отрадно было поэтому подмѣчать возбужденіе публики, жадно прислушивавшейся на представленіи „Madame Sans Gene“ къ пальбѣ солдатъ.

О, конечно, война великое бѣдствіе, но когда подумаешь, что именно ею порожденъ Наполеонъ, когда знаешь, что безъ великихъ лю-

---

степени симпатичнымъ, и близкимъ, и дорогимъ. Есть однако минуты, когда мы искренно ненавидимъ его. Это тогда, когда онъ, запрятавъ куда-то далеко свое сердце, искренность, чувство, т. е. все то, что дорого въ немъ и чѣмъ онъ силенъ, начнетъ фальшивой фистулой *по наслышкѣ*, казеннымъ образомъ, проповѣдывать какую-то институтскую мораль... Тонко, умно, отзывчиво, недавно писалъ онъ о необходимости *новыхъ элементовъ* въ школьномъ воспитаніи. Это буквально тоже, что въ настоящихъ строкахъ утверждаемъ и мы: Будемъ *мужественны*. Вернемся къ культу *мужественныхъ добродѣтелей*. Чтобы сдѣлаться опять мужчинами, здоровыми, нормальными, (а не психопатствующимъ бабьемъ) полезно, разумѣется завести въ школахъ и подвижныя игры, и катокъ, и верховую ѣзду. Ну, а *стрѣльбу въ цѣль?* спрошу Алексѣя Сергѣевича, а военную маршировку подъ звуки барабана и военной музыки, на манеръ школьныхъ батальоновъ во Франціи, а наконецъ охотничій спортъ всѣхъ видовъ и наименованій—почему этотъ *боевой* элементъ долженъ быть изгнанъ изъ школьнаго воспитанія? Вотъ тутъ Алексѣй Сергѣевичъ неминуемо и пуститъ въ ходъ свою фальшивую, неискреннюю фистулу. Ахъ, отецъ мой! Да вѣдь самое архи-боевое воспитаніе не приведетъ насъ къ войнѣ, и здѣсь рѣчь идетъ лишь о *теоретическомъ отношеніи* къ всегда возможной и рано или поздно, но какъ смерть неизбѣжной войнѣ...

дей, безъ культа великаго въ исторіи, человѣчеству суждено превратиться въ подлую слякоть, въ какое-то стоячее, вонючее болото... Нѣтъ, вы не убѣждаетесь? Вамъ все-таки милѣе туфли, халатъ, „подленькій животишко“, котораго конечно не коснется *честная*, бранная пуля врага, но къ которому подползетъ *штатская* холера, *штатскій* ракъ, тысячи *штатскихъ* ранъ и болѣзней, во сто кратъ болѣе мучительныхъ, неизбѣжныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ ненужныхъ, чѣмъ тѣ, которые влечетъ за собою война?

Тогда сидите лучше дома, и не ходите на представленіе „Madame Sans-Gêne“.

VII.

Но мы съ тѣми въ театрѣ, у которыхъ уже пробудилась тоска, палящая жажда *великаго, прекраснаго* въ исторіи. Мы съ тѣми, которые ясно понимаютъ или инстинктивно чувствуютъ, что безъ вѣры, какой бы то ни было, вѣры во что нибудь, хотя бы *вѣры человѣческой*, за оскудѣніемъ вѣры Божіей, жить невозможно, противно жить, безсмысленно и презрѣнно. И вотъ, когда въ этой мансардѣ, горя всепожирающимъ огнемъ, Наполеонъ объясняетъ товарищу своему, поручику, будущему маршалу Франціи, свои планы, надежды, мечты, когда со стономъ, онъ кричитъ: *„я вѣрю, вѣрю* въ это!“ и обезсиленный, сдавленный *экстатическимъ* спазмомъ, падаетъ въ обморокъ, какъ могъ не припомниться мнѣ нѣсколько сходный эпизодъ съ сидѣвшимъ рядомъ со мною товарищемъ, и какъ было удержаться отъ мысли, хотя отъ Наполеона переходъ былъ слишкомъ рѣзокъ, а что, какъ *этотъ*, можетъ быть, и овладѣетъ теченіемъ? Можетъ быть именно *ему* принадлежитъ будущее, *онъ* поведетъ за собою слабыхъ, выпрямитъ стези и предстанетъ предъ тѣмъ невѣдомымъ, уже вполнѣ *великимъ*, котораго человѣчество ждетъ, должно ждать, и можетъ быть неслышными устами прозорливцевъ ежечасно уже призываетъ?

VIII.

Наконецъ сама madame Sans-Gêne—въ чемъ интересъ героини пьесы? Въ томъ ли, что эта прачка стала герцогиней, женою маршала, и не умѣетъ держать себя при дворѣ? Нѣтъ. Что подчеркнуто въ пьесѣ и подчеркнуто въ полномъ согласіи съ правдою историческою,— заключается въ томъ, что *нужно оставаться прачкою*, чтобы, бывъ герцогинею, продолжать любить мужа, оставаться ему вѣрною... Среди

этихъ утонченныхъ виконтесъ и королевъ, вы чувствуете, вы догадываетесь, что прежняя прачка Катринъ Юбше, быть можетъ, болѣе всѣхъ въ своемъ костюмѣ откровенная, остается такою и въ душѣ. Болѣе всѣхъ, среди этихъ дамъ, обнаженная, она одна между ними дѣйствительно чиста, цѣломудренна, честна. Стоитъ вамъ на минуту усумниться въ Катринъ, и она тотчасъ потеряетъ всякій интересъ, возбудитъ въ васъ отвращеніе, обратится въ презрѣнную ворону въ павлиныхъ перьяхъ, попавшую не на свое мѣсто, творящую рядъ скандальныхъ нарушеній хорошаго тона. Но въ томъ-то и дѣло, что Катринъ *вѣрна*. Вы не можете, не смѣете усумниться въ ней, вѣдь *она прачка*! Вотъ убійственный силлогизмъ, на которомъ построена интимная, такъ сказать, часть пьесы, и вмѣстѣ съ тѣмъ—вотъ еще одно горькое для современности напоминаніе! Неужели только *прачки* могутъ оставаться честными, цѣломудренными, вѣрными? Не клевета-ли это на наше просвѣщеніе? Однако подумайте минуту и скажите по совѣсти: будь «madame Sans-Gêne» настоящею барынею, чистокровною герцогинею, не сказали бы мы, что она *влюблена въ своего мужа, какъ прачка*? Мы непремѣнно сказали бы это и освистали ее, какъ посмѣшище, какъ позоръ попраннаго comme il faut!

Я не хочу слишкомъ уклоняться въ сторону, но позволю себѣ предложить только два вопроса: недавно скончавшаяся княгиня Бисмаркъ, та, что въ самую ночь своей праведной кончины только и думала о томъ, чтобы не причинить безпокойства своему Отто—и такъ думала она всю свою жизнь, нераздѣльно отданную мужу, дѣтямъ, дому, семьѣ, долгу честной женщины и вѣрной жены—стоитъ ли она нашей Татьяны? Мнѣ кажется, что обѣ эти удивительныя женщины, одна въ счастливой супружеской долѣ, другая въ несчастной, одна дѣйствительно существовавшая, другая созданная великимъ духомъ великаго поэта, стоятъ другъ друга и допускаютъ сближеніе.

Быть женой великаго человѣка, это почти тоже, что имѣть мужемъ человѣка нелюбимаго. Въ одномъ случаѣ бѣдному сердцу *нечего* дать, въ другомъ *некогда*, но тутъ и тамъ святыня честно выполненнаго долга можетъ воздвигнуть себѣ алтарь на этихъ чудныхъ сердцахъ, такъ чистыхъ, такъ простыхъ, такъ всецѣло отвергшихся себя... Вѣдь такъ? Но, спрошу далѣе: кто же падетъ ницъ предъ этимъ алтаремъ? Кто въ наше время только подумаетъ о немъ или догадается, что среди объявшей насъ тьмы именно тамъ хранится то, „что отъ свѣта рождено?“ Кого на Западѣ покоритъ смиренной красотой образъ старухи Бисмаркъ или у насъ—„Татьяны милой идеалъ?“

Не будемъ себя обманывать! Не станемъ ждать лицемѣрнаго „да“, тамъ, гдѣ *все* говоритъ: „нѣтъ“. Я вижу, какъ простодушная деревенская *няня* закладываетъ зерна добра въ нѣжную душу Татьяны; я безъ труда могу себѣ вообразить, какъ бы скоро, просто и легко сблизилась съ княгинею Бисмаркъ прачка Катринъ Юбше — тутъ почва одна, одинъ духъ, одно преданіе, но что общаго между этими истинно великими въ своемъ смиреніи женщинами съ тою, которая повторяетъ машинально вызубренныя строки книжки о равноправности женщинъ, толкуетъ объ эволюціи Дарвина, комментируетъ Прудона, ищетъ политическихъ правъ или, прельстясь мишурою свѣтской суеты, въ нарядахъ, сплетняхъ, „флиртѣ“, въ забвеніи всякаго долга, въ презрѣніи ко всякой свыше наложенной тяготѣ видитъ конечную цѣль своего жалкаго предназначенія?

Нѣтъ, довольно. Есть вещи, о которыхъ больно писать, и я искренно завидую тому, кто глядя на своего подростающаго ребенка, безъ волненія, безъ тоски, думаетъ о его будущемъ... Что пожелать для этой дѣвочки? Чтобъ изъ нея вышла прачка à la madame Sans-Gêne, или поклонница Дарвина и расширенія женскихъ правъ?

IX.

Въ одномъ, однако, я увѣренъ несомнѣнно:

Не увидимъ мы великаго въ исторіи, пока сами не сдѣлаемся болѣе *мужественными*.

И не вернется къ намъ культъ *мужественныхъ добродѣтелей*, пока не согласимся мы признать, что самое цѣнное въ женщинѣ есть именно *женственность*, противоположность того, чѣмъ надѣлила природа *насъ*.

Я глубоко убѣжденъ, что все горе наше въ томъ, что мужчины, *обабились* ровно въ такой степени, въ какой эти дамы хотѣли бы насъ замѣнить собою.

Не сдѣлавшись, однако, *мужественнѣе*, онѣ прибавили къ своимъ слабостямъ наши, и наложили новую черту безсилія на слабонервную эпоху болѣзненнаго рамолисмента...

Но то одно, что Катринъ Юбше, madame Sans-Gêne, стала героинею дня, заняла собою умы, показываетъ, что мы возвращаемся къ *нормальному*, здоровому и по тому самому для дальнѣйшихъ успѣховъ цивилизаціи вполнѣ цѣлесообразному распредѣленію дѣйствующихъ силъ въ исторіи.

Еще нѣсколько тягостныхъ, скучныхъ, скверныхъ лѣтъ, еще нѣсколько усилій немногихъ пока здравомыслящихъ голосовъ, еще двѣ-три психопатическія конвульсіи à la Палемъ, и мы наконецъ поймемъ необходимость преклониться передъ истинно *великою* женщиною. Великая же женщина, это—madame Sans-Gêne, Катринъ Юбше, прачка, ставшая герцогиней, но великая и въ томъ случаѣ, еслибы она потеряла герцогскую корону, и вновь вернулась въ свою прачешную, ибо прекраснѣе и выше *женственности* въ женщинѣ ничего нѣтъ и быть не можетъ. Тогда, какъ я сказалъ, вернется къ просвѣтленному человѣчеству и почтеніе къ *мужественности* въ мужчинахъ, здоровый, нормальный культъ *мужественныхъ добродѣтелей*, безъ которыхъ немыслимо *великое въ исторіи*.

А пока... засну тяжелымъ, скверным сномъ, безъ грезъ, безъ узорчатыхъ сновъ, безъ радости освѣженнаго и легкаго пробужденія"... Чу! звонъ! Грустный великопостный звонъ... „Духъ праздности, уныніе... Въ Троицкомъ соборѣ звонятъ и, можетъ быть, въ это время тотъ самый старичекъ священникъ шепчетъ эти удивительныя слова: *„имѣйте вѣру Божію"*...

Нѣтъ во мнѣ *вѣры человѣческой*. И немощенъ я, и боленъ, и усталъ, но Ты знаешь, Господи, что и погруженный въ этотъ мертвенный сонъ, я улавливалъ зовъ священнаго колокола, и недвижимый, какъ прежде, безсильный, какъ всегда, я всетаки шепталъ: „покаянія двери отверзи мнѣ"...

X.

Никто не ищетъ логическаго аргумента въ музыкѣ, или формально правильнаго силлогизма въ краскахъ живописца. Въ области *чувства* хозяиномъ до конца всегда остается чувство, какъ бы ни противорѣчилъ ему *умъ* въ одномъ случаѣ, что бы ни подсказывалъ въ другомъ.

Въ моихъ мимолетныхъ замѣткахъ, въ рядѣ почти несвязныхъ звуковыхъ переливовъ вокругъ одной, овладѣвшей душой моей темы, я ничего не думалъ, не хотѣлъ формально-убѣдительно *доказать*.

Сомкнутый въ видѣ правильнаго круга прутъ, на одномъ концѣ котораго значится: „Начало XIX столѣтія, Наполеонъ, *герои, великое въ исторіи"*, на другомъ—„конецъ вѣка, id est—*fin de siécle"*—тутъ даже и разсуждать не приходится. Вамъ *нравится* одно, мнѣ—другое, но какой смыслъ убѣждать, что начало выше, лучше конца? Или вы понимаете, чувствуете это точно также какъ и я, и тогда слова

безполезны, или вы этого не понимаете, не чувствуете, и въ такомъ случаѣ васъ никто не разубѣдитъ.

Весь вопросъ, весь интересъ: много ли такихъ, которые тоскуютъ по *началѣ* и ненавидятъ конецъ? *Настроеніе* ничего не доказываетъ, никого не убѣждаетъ, не поддается ни учету, ни анализу, оно одно тѣмъ не менѣе дѣйственно въ *граневыхъ* изгибахъ исторіи, ему принадлежитъ рѣшающая роль въ *смѣнахъ эпохъ*.

Успѣхъ пьесы Сарду мнѣ показался знаменательнымъ именно въ этомъ смыслѣ.

Великіе, избранники неба, небомъ и посылаются, и никому не дано по своей волѣ ихъ породить, но *вызывать* ихъ, страстно, мучительно чувствовать ихъ великую необходимость, пламенно молить Господина жатвы, да пошлетъ Онъ дѣлателей на ниву свою—это всякій можетъ.

И не только можетъ, но по моему, и *долженъ*, потому что время пришло.

Рцы.

БОЖЬЕ ДИТЯТКО.

Посвящается В. Н. П...вой.

Жизнь куда завидна дядюшки Никиты:
Славится въ округѣ первымъ богачомъ;
У него и хата черепицей крыта,
Отъ другихъ отмѣнна ровно барскій домъ;
Точно щеголиха въ платьѣ съ кружевами,
Вся она рѣзьбою мелкой убрана;
Ставни расписныя яркими цвѣтами;
Клѣтчатой рѣшоткой вкругъ обнесена.
Щедро надѣленъ онъ милостями неба,
У него съ избыткомъ всякаго добра,
Ломятся въ амбарахъ закрома отъ хлѣба,
И скотинки хольной больше полъ-двора.
И жена Никиты—всѣмъ взяла: красива,
Росла и румяна; очи—огонекъ,
Улыбнется-ль парнямъ и какое диво,—
Такъ иной и вспыхнетъ разомъ паренекъ.
«Эка, братецъ, баба—что твоя дворянка»!
Про нее нерѣдко парни говорятъ,
«Подлинно ужь краля—поступь и осанка,
Все отдать не жалко за единый взглядъ»!
Хорошо живется на селѣ Никитѣ,
Почести и слава ото всѣхъ ему.
Ни заботъ, ни горя; все ему открыто,—
Словомъ счастье льется черезъ край въ дому...

* *
*

Но не такъ-то счастливъ былъ на самомъ дѣлѣ
Нашего разсказца мужичекъ-герой,
За бесѣдой поздней рѣдкій день въ недѣлѣ—
Чтобы онъ не спорилъ съ милою женой:
«Да, Татьяна, плохо: сколько лѣтъ съ тобою

Я живу въ согласьи точно первый годъ,
И во всемъ довольствѣ»,—скажетъ онъ съ тоскою,—
«Одного лишь только намъ недостаетъ!
Лишь одинъ, и главный, въ домѣ недостатокъ,
На который горько сѣтую подъ часъ:
Нѣтъ у насъ малютокъ, шалуновъ-ребятокъ,
Некому подъ старость и потѣшить насъ!
Что богатство наше?—мишура не болѣ;
И зачѣмъ мы копимъ?—ясно: для людей;
Эхъ, кажись, согласенъ жить я въ бѣдной долѣ,
Только бы на милыхъ поглядѣть дѣтей!
Лишь бы слышать лепетъ нѣжный: «тятя, мама»,
И за этотъ лепетъ все бы отдалъ я!
А всему причина ты, Татьяна,—знамо;
Ты всему виною,—Богъ тебѣ судья!..»

* *
*

Бѣдная Татьяна очень горевала,
Слушая отъ мужа всякій разъ упрекъ;
А за что? конечно, и сама не знала;
Чтобъ ни говорила, но слова не впрокъ.
Обошла лѣкарокъ, знахарей хваленыхъ,
Много наговорныхъ попила корней,
По веснамъ купалась въ родникахъ студеныхъ,
А дѣтишекъ нѣтъ все, недаетъ Богъ ей!..

* *
*

Вотъ однажды какъ-то, праздничной порою,
Въ воздухѣ носился гулъ колоколовъ;
Колыхались нивы ризой золотою,
Слышалися всюду звуки голосовъ,
И, казалось, въ мірѣ все торжествовало,
Двигалось, дышало, полное чудесъ,
И какъ будто ярче солнышко сіяло
Въ этотъ день съ румяно-голубыхъ небесъ.
Поднялась Татьяна съ пуховова ложа
И одѣлась въ новый праздничный нарядъ,
И, любуясь утромъ, прошептала: «Боже,
Какъ Ты добръ, какъ много у Тебя наградъ!»
И, полна молитвы задушевной къ Богу,
Вышла торопливо изъ избы она,
И... остановилась въ страхѣ у порога,

Дѣтскимъ звонкимъ плачемъ вдругъ поражена.
«Съ нами крестна сила»! молится Татьяна,
«Чтожъ это за чудо и откуда крикъ»?
А межь тѣмъ слышнѣе изъ куста бурьяна
Доносился голосъ безутѣшно дикъ.
«Да никакъ подкидышъ? Матерь Пресвятая!—
Знать мою молитву услыхала Ты,—
Шлешь мнѣ утѣшенье, и—какъ день, сіяя,—
Съ радостнымъ восторгомъ бросилась въ кусты.
Чтожъ? на самомъ дѣлѣ, въ лопухахъ—малютка
Затихалъ отъ плача, выбившись изъ силъ;
Приподняты ручки и открыта грудка:
Точно херувимчикъ, былъ онъ чудно милъ.

* * *

Бережно ребенка подняла Татьяна,
Горячо цѣлуя ручки и лицо,
И, окутавъ плотно въ полы сарафана,
Ринулась съ находкой снова на крыльцо:
«Батюшка, Никита!» отворивъ дверь хаты,
Вскрикнула Татьяна:—«я открыла кладъ.
Будь отцомъ-кормильцемъ Божьяго дитяти!
Радуйся, вѣдь это свыше всѣхъ наградъ»!!!
Обомлѣлъ Никита, растопырилъ руки,
Слезы умиленья хлынули изъ глазъ,
Услыхавъ малютки жалостные звуки,
Шепчетъ: «Царь небесный, не забылъ Ты насъ»!..

* * *

Вотъ теперь отрадно, весело живется
Нашему герою; свѣтелъ онъ душой;
И не споры въ домѣ,—пѣсня раздается:
«Спи, мой ненаглядный птенчикъ дорогой!»
И виновникъ счастья, мальчикъ шаловливый,
Быстро научился «тата» лепетать,
Треплетъ у Никиты бороду игриво
И ревниво любитъ неродную мать...

Е. Нечаевъ.

КНИГИ И ПОВРЕМЕННЫЯ ИЗДАНІЯ.

«Дѣтское чтеніе» иллюстрированный журналъ для школьнаго возраста. Москва, 1895. Январь—Мартъ. Вопросъ о томъ, что читать дѣтямъ—вопросъ очень важный и далеко нелегкій. Относительно «дѣтской» литературы существуетъ множество самыхъ разнообразныхъ взглядовъ, примирить и согласовать которые довольно мудрено. Дѣйствительно, если вдумаешься и вслушаешься въ голоса наставниковъ разныхъ направленій,—невольно затруднишься дать окончательный отвѣтъ на вопросы: «что же читать дѣтямъ?» Повидимому, всякій по своему правъ. Но «по дѣламъ ихъ узнаете ихъ», сказано въ Евангеліи, а такъ какъ большинство педагоговъ у насъ на Руси вмѣстѣ съ тѣмъ и дѣтскіе писатели, то надо и возможно судить ихъ «по дѣламъ». Хотя у писателей и писательницъ для дѣтей судьи и очень неопытные, — если только назвать читателей судьями писателя,—дѣтей, но ихъ критическое сужденіе, пожалуй, страшнѣе суроваго разбора присяжнаго Аристарха. — «Это мнѣ нравится», «это скучно!»—заявитъ юная читательница или гимназистъ—подростокъ и, какъ говорится, сразу и на вѣки прихлопнетъ иное произведеніе ученѣйшаго и тенденціознѣйшаго педагога-беллетриста поневолѣ. «Всѣ роды произведеній хороши, кромѣ скучнаго»,—сказалъ Вольтеръ, и это мнѣніе для дѣтскихъ писателей должно быть «альфой и омегой, началомъ и концомъ» ихъ дѣятельности. Хорошо, если писатель сохранитъ до старости дѣтски чистое сердце, какъ незабвенный Андерсонъ: онъ будетъ понятенъ и любимъ дѣтьми всѣхъ странъ и народовъ. «Но Андерсоны родятся вѣками»,—скажутъ намъ,—«а дѣтямъ читать хочется и надо читать». Надо-то надо, но намъ кажется, что все роковое заблужденіе дѣтскихъ писателей состоитъ въ томъ, что они задаются спеціальной цѣлью писать только для дѣтей. Литература должна быть одна «нераздѣльная»—скажемъ мы. Одна и для образованнаго класса, и для народа, и для дѣтей нашихъ. Надо только, чтобы книги для дѣтей были талантливо написаны, чистымъ русскимъ языкомъ и избѣгали сценъ и картинокъ во вкусѣ Золя и реалистовъ. Въ прежнія времена не существовало особой дѣтской литературы, но исторія Іосифа, проданнаго братьями, святыхъ мучениковъ и подвижниковъ Христовой вѣры, «хожденія» паломниковъ русскихъ и т. п. трогали до слезъ и увлекали сердца и умы какъ взрослыхъ, такъ и дѣтей. Надо писать вѣрно и согласно съ жизнью, надо знать и понимать душу человѣческую, любить людей и природу—и дѣти поймутъ и полюбятъ ваши произведенія. Дикенсъ, Андерсенъ и другіе мастера-художники любимы всѣми возрастами.

«Дѣтское чтеніе» за этотъ годъ даетъ своимъ юнымъ читателямъ нѣсколько произведеній именно въ такомъ родѣ. «Акъ-Бозатъ» г. Ма-

мина-Сибиряка», его «Аленушкины сказки», «Гаврюшкинъ плѣнъ»—Вас. Ив. Немировича-Данченко и «Рикки-тикки тэви» Риггіарда Киплинга превосходны какъ дѣтскіе разсказы съ нашей точки зрѣнія на дѣтскую литературу. Прочитавъ ихъ вслухъ дѣтямъ, мы слышали рядъ вопросовъ: «А Гаврюшка спасетъ отца? его не убьютъ чеченцы?» Мы на этотъ вопросъ отвѣтить не могли, такъ какъ г. Немировичъ-Данченко еще не закончилъ свое полное красокъ и жизни произведеніе, но самый вопросъ дѣтей показываетъ намъ, что онъ попалъ, какъ говорится «въ точку» и заполонилъ уже сердца своихъ читателей. Хороши также и разсказы г. Мамина и чудный, полный юмора и высокаго драматизма разсказъ Р. Киплинга.

Книжки «Дѣтскаго чтенія» составлены умѣло и даютъ много матеріала для чтенія по научной части. Въ текущемъ году этотъ журналъ измѣнился какъ по внѣшнему виду, такъ и по объему и содержанію—къ лучшему и потому желаемъ ему всякихъ успѣховъ.

П. Ѳ. С—р—г—въ.

Книги поступившія въ редакцію „РУССКОЙ БЕСѢДЫ".

Ф. Бочковскій. Организація Государственнаго контроля въ Россіи сравнительно съ государствами западной Европы. Удостоено награды золотой медалью университета Св. Владиміра. Спб. 1895, стр. 118, 8 д. ц. 1 р.

Древне-христіанскіе храмы и св. Александро-Аѳонскій *Зеленчукскій монастырь* въ Зеленчукскомъ ущельи Кавказскаго хребта; съ рис. древнихъ храмовъ. Изданіе св. Алекс. Аѳонской Зеленчукской пустыни. Изд. 2-е. М. 40 стр., 8 д.

Анри де-Турвиль. Соціальная наука представляетъ ли науку? Перев. съ фр. *Графа Н. С. Ланского*, со статьей переводчика «Ле-Плэ и его школа». Спб. 1895, XII—62 стр., 8 д., ц. 1 р.

Эдмондъ Демоленсъ. Какъ воспитывать и устраивать нашихъ дѣтей. Перев. съ фр. *Графъ Н. С. Ланской.* Спб. 1895, стр. 60, 16 д., ц., 25 к.

Р. фонъ-Кауфманъ. Государственные и мѣстные расходы главнѣйшихъ европейскихъ странъ по ихъ назначеніямъ. Перев. съ 3-го нѣм. изд. *А. Гурьевъ*, учен. секретарь ученаго комитета М. Ф. Спб. 1895, стр. 163, 8 д. ц. 1 р.

Н. Х. Вессель. Наша новая государственная финансовая дѣятельность (1892—1894 гг.). Съ краткимъ очеркомъ государственной финансовой дѣятельности съ 1857—1892 г. Спб. 1894, стр. 276.

С. А. Венгеровъ. Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ отъ нач. русской образованности до нашихъ дней. Т. VI, Отд. I. Боборыкинъ-Богоявленскій. Отд. II (Матеріалы для критико-біографическаго словаря русск. писат. и уч.) Вавиловъ—Введенскій. Спб. 1895, стр. 262+213, ц. 2 р. 50 к.

Элизе Реклю. Земля. Описаніе жизни земнаго шара. Переводъ безъ пропусковъ съ послѣдн. фр. изд. *Д. Д. Струпина.* Подъ редакціей и съ примѣчаніями *Н. А. Рубакина.* Вып. IV. Океанъ. Съ 73 рис. и 3 картами. Изданіе *О. Н. Поповой.* Спб. 1895, 235 стр., ц. 1 р. 10 к.

В. Пашкевичъ. Культура лѣкарственныхъ растеній. Съ 40 рис. въ текстѣ Спб. 1894 г. 108+XIV стр. 8 д. ц. 80 к.

Памяти отца современной педагогіи *Яна Амоса Коменскаго* по поводу 302 годовщины его рожденія. Изд. коммиссіонера отдѣла Я. А. Коменскаго, книгопродавца Н. Г. Мартынова, Спб. 1895, стр. 119, цѣна 50 к.

Эмиль Геннекенъ. Опытъ построенія научной критики (Эстопсихологія) переводъ съ фр. *Д. Струнинъ.* Изд. журн. «Русское Богатство». Спб. 1892, стр. 121, ц. 80 к.

В. Птицынъ. Адвокатъ за адвокатуру. Изд. Д. В. Соколова. Спб. 1895, стр. 35, цѣна 30 к.

В. Птицынъ. Древніе адвокаты и наши присяжные цицероны. Изд. *Д. В. Соколова* испр. и допол. Спб. 1894, стр. 78, ц. 50 к.

И. И. Янжулъ. Промысловые синдикаты или предпринимательскіе союзы для регулированія производства, преимущ. въ Соединенныхъ штатахъ Сѣверной Америкѣ. Изд. Мин. Ф. Деп. Торг. и Мануф. Спб. 1895, стр. 459.

Алексѣй Введенскій. Западная дѣятельность и русскіе идеалы (Письма изъ-за границы). Съ приложеніемъ хариктеристики «Папа Левъ XIII по отзывамъ современниковъ». 1894, Сергіевъ Посадъ, Моск. губ., стр. 208, 8 д., ц. 1 р.

Григорій Купчанко. Буковина и ея русскіе жители. Книжечка для народа, съ картою Буковины и многими образками Напис. и издалъ Гр. Купчанко, ред.-издатель газеты «Просвѣщеніе» въ Вѣдни. Вѣдень (Вѣна): 1895, стр. 52, 89.

Голосъ съ Синая. Вѣчное основаніе нравственнаго закона. Духовнонравственныя бесѣды по Ф. В. Фаррару подъ редакціей Ф. С. Коморскаго. Спб. 1895, изд. книгопродавца *И. Л. Тузова*, стр. VI+471, ц. 1 р. 50 к.

M. Witte et les finances russes d'aprés des documents officiels et inedits par E. de Cyon. Paris. 1895, стр. 224 ц. 5 франковъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Новѣйшіе практическіе

САМОУЧИТЕЛИ ЯЗЫКОВЪ

французскаго, нѣмецкаго, англійскаго, шведскаго, итальянскаго и русскаго О. Максимовой,

а также два года журнала—самоучитель „Учитель-Лингвистъ“, содержащіе полный чисто-практическій курсъ тѣхъ же языковъ, кромѣ того „Ключъ“,—произношеніе каждаго слова русскими буквами и все необходимое для совершенно-самостоятельнаго изученія языковъ и взрослыми, и дѣтьми. Цѣна за оба года журнала—6 р., годъ первый—2 рубля. Можетъ высылаться наложеннымъ платежомъ. **Точный адресъ для денежныхъ пакетовъ:** Денежный. Со вложеніемъ 6 (шести) рублей. Петербургъ. Невскій, д. 110, кв. 2,

Каталогъ при требованіи высылается безплатно.

ВЫШЛА ТРЕТЬЯ (МАРТОВСКАЯ) КНИГА

Ежемѣсячнаго литературно-политическаго изданія

РУССКАЯ МЫСЛЬ.

Содержаніе: 1) Практика жизни. Повѣсть *П. А. Салова.* 2) Хлѣбъ. Романъ *Д. И. Мамина-Сибиряка.* 3) Клавдія Михайловна. Очеркъ. *И. Н. Потапенка.* 4) Стихотвореніе. *В. Н. Ладыженскаго.* 5) Ихъ души. Романъ *Гур.* (Графини де-Мартель) Переводъ съ французскаго. 6) Стихотвореніе *К. Д. Бальмонта.* 7) Третій томъ «Капитала» К. Маркса. *С. Н. Булгакова.* 8) Основы научной теоріи искусства и критики. *Л. Е. Оболенскаго.* 9) Россія и Данія при Императрицѣ Екатеринѣ I. (По документамъ датскаго архива) *А. Г. Брикнера.* 10) Мужчины и женщины въ американской политикѣ. *В. Н. Макъ-Гахань.* 11) Жюль Мишле. *С. В. Л—ой.* 12) Гдѣ правда? (къ вопросу о «поѣздкахъ» для изслѣдованія Сибири). *Л. С. Личкова.* 13) Наши самобытные романтики. (Н. Н. Златовратскій: «Новые разсказы». Москва 1894 г.). *А. М. Скабичевскаго.* 14) Очерки провинціальной жизни. *П. И. Иванова.* 15) *Изъ литературныхъ наблюденій. О. Т. В. Внутреннее обозрѣніе.* 17) Иностранное обозрѣніе. 18) *Современное искусство.* 19) Библіографическій отдѣлъ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА 1895 годъ, (XVI годъ изданія).

Цѣна съ достав. и пересыл. во всѣ мѣста Россіи: на годъ—12 р., 9 м.—9 р., 6 м.—6 р., 3 м.—3 р., 1 м.—1 р. За границу: на годъ—14 р., 9 м. 10 р. 50 к., 6 м.—7 р., 3 м.—3 р. 50 к., 1 м.—1 р. 25 к.

Допускается разсрочка при подпискѣ, къ 1 апр., 1 іюл… Книгопродавцамъ дѣлается уступка 50 коп. съ годового экзе… срочекъ не допускается. Принимается подписка: въ Москвѣ, … Леонтьевскаго пер. и Б. Никитской, д. 2—24. Въ Петербург… при книжномъ магазинѣ Н. Фену и К°, Невскій пр., д. Армя… въ отдѣленіи конторы при книжномъ магазинѣ Л. Идзиковска… предоставилъ **В. М. Лаврову**, право перевода своего новаго и… первыхъ вѣковъ христіанства **«Камо грядеши»** (Quo vadis?»)… появится въ апрѣльской книжкѣ журнала «Русская Мысл… ГЛАВЫ романа Додэ «Маленькій приходъ» разсылаются н… 1895 годъ.

При редакціи открытъ **МАГАЗИНЪ РУССКИХЪ и ИНОСТ…** момъ подписки на всѣ издающіеся въ Россіи журналы и газеты. Книжный … принимаетъ на коммиссію постороннія изданія и высылаетъ всѣ существующія въ продажѣ книги.

Редакторъ-издатель **В. М. Лавровъ.**

Вышла въ свѣтъ мартовская (2-я) книга журнала

„ВОПРОСЫ ФИЛОСОФІИ И ПСИХОЛОГІИ".

Изданіе Московскаго Психологическаго Общества.

СОДЕРЖАНІЕ: Н. Я. Гротъ. Устои нравственной жизни и дѣятельности.—**П. А. Каленовъ.** Жизнь, какъ нравственная борьба.—**Кн. С. Н. Трубецкой.** Научная дѣятельность А. М. Иванцова-Платонова.—**М. С. Корелинъ.** Отношеніе А. М. Иванцова-Платонова къ исторической наукѣ.—**Н. В. Маринъ.** Вліяніе чувствованій на теченіе времени.—**В. Р. Буцке.** Анализъ основныхъ условій при ассоціаціяхъ идей.—**О. А. Зеленогорскій.** Ив. І. Шадъ.—**А. С. Лебедевъ.** І. С. Сковорода какъ богословъ.—**А. А. Козловъ.** Теорія искусства съ точки зрѣнія Тейхмюллера.—**Критика и библіографія.**—**В. Савводникъ.** Къ исторіи греческой софистики.—**Психологическое Общество** (отчетъ за первое 10-лѣтіе его дѣятельности и проч.).—**Приложеніе Я. Н. Колубовскій.** Философскій Ежегодникъ.

Подписка на 1895 г. продолжается. Условія подписки: на годъ (съ 1-го января 1895 г. по 1-е января 1896 г.) безъ доставки—**6 р.**, съ доставкой въ Москвѣ—**6 р. 50 к.**, съ пересылкой въ другіе города **7 р.**, за границу **8 р.** Члены Психологическаго Общества, учащіеся, сельскіе учителя и сельскіе священники пользуются скидкой въ **2 руб.** Подписка на льготныхъ условіяхъ принимается **только** въ конторѣ журнала (Москва. Арбатъ; д. Расцвѣтовой).

Редакторы: проф. *Н. Я. Гротъ* и проф. *Л. М. Лопатинъ.*

Стр.

Сельско-хозяйственное дѣло въ Россіи 135

О закупкѣ лошадей для государственныхъ конскихъ учрежденій 138

О производствѣ наблюденій надъ нѣкоторыми явленіями растительнаго и животнаго міра въ связи съ нѣкоторыми метеорологическими данными 140

X. По садамъ и огородамъ. (Продолженіе). 4) Жюль Кутанъ и его огороды. 5) Корочанское крестьянское садоводство. 6) У М. А. Перротте въ Дмитріевскомъ. *С. Шарапова* . . . 141

XI. Культъ великаго въ исторіи. (Великопостныя размышленія на масляничную тему). *Рцы*. 151

XII. Божье дитятко. Стихотвореніе. *Е. Нечаева* 166

XIII. Книги и повременныя изданія. (Дѣтское Чтеніе. Москва. Январь—Мартъ 1895 г.) 169

XIV. Книги, поступившія въ редакцію 170

XV. Объявленія. 171

„РУССКАЯ БЕСѢДА“

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

ПРОГРАММА ИЗДАНІЯ:

1) Статьи политическія по выдающимся событіямъ въ Россіи и заграницей. 2) Статьи литературнаго, экономическаго, историческаго и духовнаго содержанія. 3) Церковный отдѣлъ. 4) Историческіе, бытовые и этнографическіе очерки; монографіи, воспоминанія, путешествія, жизнеописанія замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и разныя другія статьи научнаго и описательнаго характера. 5) Романы, повѣсти, разсказы, стихотворенія и народныя пѣсни. 6) Правительственныя распоряженія и отчеты о засѣданіяхъ различныхъ обществъ. 7) Внутренняя и внѣшняя хроника разныхъ событій; извѣстія и письма внутреннія и заграничныя. 8) Обозрѣніе газетъ и журналовъ 9) Библіографія и критика. 10) Извѣстія и разныя новости. 11) Рисунки, соотвѣтствующіе содержанію статей. 12) Справочный отдѣлъ и объявленія.

Приложеніе: БЛАГОВѢСТЪ. Статьи богословскаго и церковно-историческаго содержанія.

Условія подписки на 1895 годъ:

Съ доставкою и пересылкою во всѣ города Россіи и заграницу:

На годъ **6** руб. | На полгода **3** руб.

Допускается разсрочка по 1 руб. въ мѣсяцъ до полной уплаты подписной цѣны.

Можно требовать высылки изданія съ наложеннымъ платежемъ.

Цѣна отдѣльнымъ книжкамъ—**одинъ рубль.**

Подписка принимается:

Въ конторѣ журнала: С.-Петербургъ, Троицкая ул., д. 18, въ СПБ. Славянскомъ Обществѣ, площадь Александринскаго театра д. 9, а также въ книжныхъ магазинахъ: «Новаго Времени», въ С.-Петербургѣ, Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ и Саратовѣ; Н. П. Карбасникова въ С.-Петербургѣ, Варшавѣ и Москвѣ, и во всѣхъ другихъ болѣе извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.

Плата за объявленія: за цѣлую страницу 20 рублей, за полстраницы—10 р., за 1/4 5 р.

Адресъ Редакціи „РУССКОЙ БЕСѢДЫ“; С.-Петербургъ, Гороховая ул., д. 15.

Издатели: А. В. Васильева. Е. А. Евдокимовъ. В. С. Драгомірецкій.

Редакторъ: *В. Драгомірецкій.*

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 23 марта 1895 года.